ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ИНСТИТУТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО
ПРАВОВЕДЕНИЯ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Ибрагимов Ринат Габделхаевич

ВИНА КАК КАТЕГОРИЯ БЮДЖЕТНОГО ПРАВА

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
профессор Н. А. Поветкина

Москва — 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ..... 3

ГЛАВА 1. ВИНА КАК ПОЛИАСПЕКТНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ..... 17

§ 1.1. Вина как признак правонарушения и условие юридической ответственности 17

§ 1.2. Концепции вины в правовой науке 55

§ 1.3. Процедурные аспекты установления вины 98

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ КАТЕГОРИИ ВИНЫ В БЮДЖЕТНОМ ПРАВЕ 123

§ 2.1. Общая характеристика категории вины в системе смежных категорий бюджетного права 123

§ 2.2. Сущность и формы вины в бюджетном праве 156

§ 2.3. Установление и доказывание вины в бюджетном праве 173

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 201

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 206

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В силу происходящих комплексных социально-экономических преобразований трансформируются основные направления реализации финансово-бюджетной политики, что неизбежно влечет потребность совершенствования бюджетного законодательства, и наиболее острым остается вопрос о том, как должна обеспечиваться надлежащая защита бюджетных отношений. Выбранное в позитивном праве решение преимущественно основано на использовании административно- и уголовно-правовых инструментов. Судебные инстанции также нередко апеллируют к положениям гражданского законодательства. При этом динамичное развитие бюджетных отношений объективизирует потребность в изменении указанных подходов к защите бюджетной сферы.

Во-первых, деятельность участников бюджетных правоотношений определяется спецификой бюджетных средств, которые являются собственностью публично-правовых образований и их целевое и эффективное использование обеспечивает достижение публичных интересов, установленных на конституционном уровне и выраженных, в частности, в национальных целях развития на период до 2030 года[1]. В то же время надлежащий уровень бюджетной дисциплины при использовании бюджетных средств в настоящее время не достигнут, что объясняется недостаточностью действующих мер ответственности, предусмотренных за пределами бюджетного законодательства. Так, в отчетах Счетной палаты Российской Федерации за 2020-2022 годы[2] приводятся сведения о нарушениях на общую сумму 1426,8 млрд. рублей, из которых в бюджетную систему возвращено 30,6 млрд. рублей (2,1 процента).

[1] Утверждены указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2020. № 30. Ст. 4884.

[2] Размещены на официальном сайте Счетной палаты Российской Федерации. Режим доступа: https://ach.gov.ru/reports/ (дата обращения: 15 апреля 2023 года). В расчет не приняты нарушения требований бухгалтерского (бюджетного) учета.

Федеральным казначейством[3] только за 2022 год выявлено нарушений на сумму 624,5 млрд. рублей, при этом возвращено 19,4 млрд. рублей (3,1 процента). В то же время согласно данным судебной статистики[4] за период 2020-2022 годов по преступлениям в бюджетной сфере (статьи 285.1 и 285.2 Уголовного кодекса РФ[5]) осуждено всего десять человек, а по основным административным правонарушениям (статьи 15.14, 15.15.2-15.15.5 КоАП РФ[6]) судами подвергнуто административному наказанию 5780 человек в основном посредством наложения штрафов (87,5 процента) на сумму 103,9 млн. рублей.

Во-вторых, бюджетное право регулирует отношения с участием специфических, публичных по своей природе субъектов (публично-правовые образования, участники бюджетного процесса), к которым не относимы требования иных отраслей права в силу различий в предметах и методах их правового регулирования. В свою очередь, бюджетные меры принуждения, предусмотренные в действующем Бюджетном кодексе РФ[7], основаны на объективном вменении и потому не связаны с использованием общеправовых категорий правонарушения и ответственности, что препятствует формированию стимулирующего, предупредительного и воспитательного эффектов применения таких мер.

В-третьих, изменения бюджетного законодательства последних лет отчетливо демонстрируют тенденцию по отнесению к числу участников

---

[3] Сведения приведены согласно данным итогового доклада о деятельности Федерального казначейства, размещенного на официальном сайте указанного органа. Режим доступа: https://roskazna.gov.ru/o-kaznachejstve/plany-i-otchety/o-rezultatakh-raboty-fk/ (дата обращения: 15 апреля 2023 года). Аналогичный период (2020-2022 годы) для сравнения не приводится в связи с отсутствием сведений за 2021 год.

[4] По преступлениям (сведения приводятся по числу осужденных лиц по основной статье) – согласно данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Режим доступа: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 15 апреля 2023 года).

По административным правонарушениям – согласно данным Агентства правовой информации. Режим доступа: https://stat.апи-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/1 (дата обращения: 15 апреля 2023 года).

[5] Здесь и далее – Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[6] Здесь и далее – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[7] Здесь и далее – Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

бюджетных правоотношений частных субъектов (конструкции неучастников бюджетного процесса, получателей средств из бюджета). Низкая эффективность мер иной отраслевой принадлежности к таким лицам при совершении ими правонарушений объясняется особым предназначением бюджетного права, призванного создавать необходимые условия для сбалансированного финансового обеспечения развития государства и его территорий, что предопределяет не столько карательную, но скорее восстановительную направленность охранительных инструментов. Указанное обусловливает также невозможность применения правил об аналогии закона.

С учетом изложенного разработка особых правил о совершении субъектами бюджетного права правонарушений и несении ими мер юридической ответственности должна осуществляться в пределах именно бюджетного права и законодательства с учетом наработок финансово-правовой науки. Для данных концептуальных преобразований необходимо определить все основные категории охранительной части права, в том числе вины, так как в развитом правовом образовании ответственность без вины является рудиментарной и не соответствует степени развития общественных отношений как таковых. Вина, являясь субъективно-объективным отражением действительности, позволит дифференцировать правовое принуждение по видам, обеспечить реальный компромисс частных и публичных интересов в финансово-бюджетной сфере, а также учитывать субъективные характеристики, обстановку, причины и условия совершения тех или иных противоправных деяний при реализации мероприятий государственного (муниципального) финансового контроля[8]. Все это на уровне бюджетного законодательства не реализовано, а в науке финансового права находится на начальном этапе обсуждения.

[8] Который зачастую воспринимается как исключительно карательный механизм. Неслучайно в период тяжелой общественно-экономической ситуации не оказалось инструмента лучше отмены проверок Федерального казначейства в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 14 апреля 2022 года № 665 «Об особенностях осуществления в 2022 году государственного (муниципального) финансового контроля в отношении главных распорядителей (распорядителей) бюджетных средств, получателей бюджетных средств» (СЗ РФ. 2022. № 16. Ст. 2704).

Таким образом, исследование категории вины в бюджетном праве, с одной стороны, вписывается в незавершенную до настоящего времени теорию бюджетно-правового принуждения, но в то же время предлагает содержательное рассмотрение вопросов вины и виновности. При этом исследование предпринимается в контексте общетеоретических, а также разработанных в иных отраслях права подходов к пониманию вины, ее содержанию и основным характеристикам, что позволяет сформировать целостную, научно обоснованную концепцию категории вины в бюджетном праве.

Все вышеуказанные обстоятельства обусловливают необходимость и своевременность разработки нового концептуального подхода к исследуемой проблематике. Представляется, что результаты исследования позволят сформировать целостную концепцию понимания вины в бюджетном праве, ее места и роли в реализации бюджетно-правового механизма, регулировании охранительных бюджетных отношений.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, которые складываются в связи с идентификацией категории вины в бюджетном праве.

Предмет исследования составляют акты финансового (бюджетного) законодательства и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и зарубежных стран, регулирующие бюджетные отношения, официальные документы международных организаций, труды отечественных и зарубежных ученых в области общей теории права о юридической ответственности, правонарушении и вине, научные исследования по финансовому (бюджетному) праву, официальные аналитические и статистические данные, правоприменительная практика судебных органов, органов государственного финансового контроля и иных государственных органов.

К предмету исследования относятся также законодательные акты иной отраслевой принадлежности (конституционного, гражданского, уголовного административного), труды ученых – представителей отраслевых юридических

наук, что обеспечивает понимание сущности исследуемой категории вины в отраслях права и законодательства и идентификации ее основных черт.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке и обосновании концептуальных положений о сущности категории вины в бюджетном праве, формулировании предложений и научно-практических рекомендаций, направленных на развитие доктрины финансового (бюджетного) права о вине, а также на совершенствование бюджетного законодательства и правоприменительной практики в части вопросов, связанных с установлением вины в совершении бюджетного правонарушения.

Достижение поставленной цели обусловило постановку и решение следующих основных задач:

– определить эволюцию вины в качестве юридической категории, установив ее роль в структуре правового принуждения как признака правонарушения и условия юридической ответственности;

– выявить сущностные характеристики категории вины через призму ее рассмотрения с позиций основных концептуальных подходов, признанных в теории права и отраслях юридической науки;

– определить содержание юридических моделей установления вины, в том числе в контексте различных способов ее презюмирования;

– на основе анализа научных подходов и законодательных решений предложить авторское понимание системы бюджетно-правового принуждения и связи категорий бюджетно-правовой ответственности, бюджетного правонарушения и вины;

– выявить сущность и формы вины в бюджетном праве с учетом видового многообразия его субъектного состава;

– определить общий механизм установления вины в бюджетном праве, в том числе в рамках мероприятий государственного (муниципального) финансового контроля, решив также вопрос о распределении бремени доказывания.

Степень разработанности темы исследования необходимо оценивать с той позиции, что целенаправленное изучение категории вины через призму

особенностей и специфики бюджетного права в финансово-правовой науке ранее не предпринималось. Вместе с тем нельзя не отметить, что исследуемая проблематика в контексте анализа категорий правонарушения и юридической ответственности была предметом исследований теории права, науки финансового права, а также иных отраслевых наук.

Так, в теории права проблемам юридической ответственности и ее основаниям, анализу состава правонарушения и его отдельных элементов, в том числе вины, посвящены труды М.И. Байтина, С.Н. Братуся, Н.В. Витрука, Р. Иеринга, В.Н. Кудрявцева, Д.А. Липинского, М.Н. Марченко, О.Э. Лейста, Н.С. Малеина, Г.А. Прокопович, И.С. Самощенко, Р.Л. Хачатурова, М.Х. Фарукшина, Р.О. Халфиной, Г.Ф. Шершеневича и других правоведов. Среди специальных теоретико-правовых работ о вине следует отметить диссертационные исследования Г.Ф. Цельникера и Е.В. Юрчак[9].

В науке уголовного права категория вины была разработана наиболее тщательно. Среди основных исследователей можно назвать имена С.В. Векленко, К.Ф. Гуценко, Г.А. Есакова, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева, А.В. Маклецова, Г.В. Назаренко, А.А. Пионтковского, А.И. Рарога, Г.С. Фельдштейна и других ученых. В административно-правовой науке категория вины изучалась Д.Н. Бахрахом, А.В. Куракиным, П.П. Серковым, Ю.И. Попугаевым, Б.В. Россинским и другими авторами. В науке гражданского права вопросы вины в совершении гражданского правонарушения рассматривались такими видными учеными – цивилистами, как В.П. Грибанов, Г.К. Матвеев, О.С. Иоффе, В.А. Ойгензихт, И.А. Покровский, А.А. Собчак, Е.А. Суханов, Г.Н. Шевченко и другие.

Финансово-правовая наука последние годы также активно обогащается работами, посвященными вопросам финансово-правовой ответственности и финансового правонарушения. Среди ключевых исследований можно назвать

[9] *Цельникер Г.Ф.* Вина в российском праве (общетеоретический и исторический аспекты) : дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004; *Юрчак Е.В.* Вина как общеправовой институт : дис. … канд. юрид. наук. М., 2015.

труды А.З. Арсланбековой, С.Е. Батырова, А.С. Емельянова, Д.Л. Комягина, И.И. Кучерова, Ю.В. Ледневой, Н.А. Поветкиной, М.Б. Разгильдиевой, И.В. Рукавишниковой, Н.А. Саттаровой, Н.И. Химичевой и других специалистов. Целенаправленное изучение вины в налоговом праве осуществлено И.С. Ивановым[10]. Значимые исследования для целей бюджетного права проведены О.М. Гейхман, Е.С. Емельяновой, С.В. Кучеровым, Н.С. Макаровой и В.Ю. Трубиным[11].

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специально-юридические методы научного познания, использование которых в системной связи позволило всесторонне провести исследование категории вины в бюджетном праве. В частности, применение исторического и диалектического методов позволило рассмотреть эволюцию категории вины в праве, определить ее важнейшие характеристики, укоренившиеся в философии и науке, в том числе в юриспруденции; дедуктивный метод позволил исследовать категорию вины для целей бюджетного права через призму ее содержания в теории права, а также категорий бюджетного права общего порядка; по результатам использования формально-юридического метода установлены особенности действующей модели охраны бюджетных отношений; метод сравнительного правоведения обеспечил познание категории вины в бюджетном праве во взаимосвязи с иными отраслями права и законодательства. В работе использован также метод правового прогнозирования, который направлен на оценку потенциальных эффектов от включения категории вины в материю бюджетного права и законодательства.

Теоретическую базу исследования составляют труды видных представителей науки финансового права, таких как А.З. Арсланбекова,

---

[10] *Иванов И.С.* Институт вины в налоговом праве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2006.

[11] *Гейхман О.М.* Бюджетно-правовая ответственность : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; *Емельянова Е.С.* Ответственность за нарушение бюджетного законодательства : дис. … канд. юрид. наук. М., 2005; *Кучеров С.В.* Правовые средств предупреждения нарушений бюджетного законодательства Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2011; *Макарова Н.С.* Бюджетная ответственность: понятие, основания и особенности реализации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. *Трубин В.Ю.* Нецелевое использование бюджетных средств как основание ответственности за нарушение бюджетного законодательства (финансово-правовой аспект): дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2011.

Р.Е. Артюхин, К.С. Бельский, В.В. Бесчеревных, О.В. Болтинова, А.А. Васильев, Е.Л. Васянина, Т.А. Вершило, Е.Ю. Грачева, О.Н. Горбунова, М.А. Гурвич, А.С. Емельянов, С.В. Запольский, Н.М. Казанцев, М.В. Карасева, А.Н. Козырин, Д.Л. Комягин, И.И. Кучеров, Н.В. Омелехина, М.И. Пискотин, Н.А. Поветкина, М.Б. Разгильдиева, И.В. Рукавишникова, Е.А. Ровинский, Н.А. Саттарова, Э.Д. Соколова, Н.И. Химичева, А.И. Худяков, И.А. Цинделиани, С.Д. Цыпкин, Н.А. Шевелева, А.А. Ялбулганов и другие.

В процессе изучения категории вины в бюджетном праве автор обращается также к трудам теоретиков права и ученых – представителей отраслевых наук, среди которых следует назвать имена С.С. Алексеева, М.И. Байтина, С.Н. Братуся, В.А. Виноградова, Г.А. Гаджиева, О.С. Иоффе, А.И. Ковлера, В.В. Лазарева, О.Э. Лейста, В.С. Нерсесянца, Д.А. Пашенцева, А.И. Рарога, И.С. Самощенко, Ю.А. Тихомирова, Т.Я. Хабриевой, Р.Л. Хачатурова, Н.Н. Черногора и многих других ученых. Кроме того, теоретическую базу составляют философские воззрения относительно вопросов вины, свободы воли, сознания и ответственности таких мыслителей, как Г. Гегель, Т. Гоббс, И.А. Ильин, Х. Йонас, И. Кант, П. Рикер, Дж. Роулз и других философов.

Эмпирической базой научной работы служит судебная практика Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, а также иных судебных инстанций, официальные и статистические данные государственных органов, отчетные данные органов государственного финансового контроля.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что впервые в науке финансового права осуществлено комплексное исследование категории вины в бюджетном праве, обосновывающее целесообразность и возможность ее использования применительно к бюджетным правоотношениям. Для целей формирования научного представления о вине как категории бюджетного права предлагается понимание ее сущности и основных характеристик, определяется место вины в структуре состава бюджетного правонарушения и системе бюджетно-правового принуждения в целом, выявляется

юридический механизм ее установления и процедуры доказывания виновности и невиновности в совершении бюджетного правонарушения.

Научная новизна диссертационного исследования, свидетельствующая о личном вкладе автора в науку, состоит также в сформулированных **положениях, выносимых на защиту:**

1. Обоснована и введена в научный оборот концепция вины в бюджетном праве, которая характеризуется основными свойствами общеправовой вины с учетом особенностей бюджетного права: вина является обязательным признаком бюджетного правонарушения и выступает непременным условием бюджетно-правовой ответственности; вина предстает в качестве субъективно-объективного отражения правовой действительности и проявляется в конкретном бюджетном правонарушении; в бюджетном праве действует двуединая модель вины, основанная на сочетании элементов психологической и поведенческой концепций, что обусловлено типом субъекта, являющегося правонарушителем (индивидуальный или коллективный субъект).

2. Аргументировано, что категория вины выступает детерминирующим признаком, который определяет структуру бюджетного принуждения, дифференцируя его по видам на *институт бюджетно-правовой ответственности*, меры которого заключаются в дополнительных для лица неблагоприятных последствиях личного/ имущественного/ организационного характера и потому применяются только при установлении факта совершения бюджетного правонарушения как акта виновного деяния, и *институт бюджетно-правовой защиты*, не предполагающий дополнительные ограничения и лишения для нарушителя и используемый при совершении объективно противоправного деяния.

3. Впервые в финансово-правовой науке разработано понятие вины как категории бюджетного права, под которой следует понимать особое психическое (для физических лиц) или иное обусловленное внешней объективацией воли (для коллективных субъектов – юридических лиц и публичных субъектов) состояние лица относительно совершенного им бюджетного

правонарушения, отражающее отрицательное отношение к основным бюджетно-правовым ценностям, защищаемым государством посредством института бюджетно-правовой ответственности.

4. Аргументировано, что вина физических лиц, являющихся получателями средств из бюджета, подлежит определению в рамках психологической концепции как внутреннее психическое отношение к совершенному деянию и раскрывается через формы умысла и неосторожности. Умысел в бюджетном праве определяется следующим образом: субъект бюджетного правонарушения осознавал, что его действия (бездействие) нарушают положения бюджетного законодательства, при этом предвидел возможность и/или неизбежность наступления вредных последствий для общественных отношений и ценностей, охраняемых бюджетным законодательством, а также желал наступления таких последствий или сознательно допускал их либо относился к ним безразлично.

Неосторожность как форма вины в совершении бюджетного правонарушения раскрывается в виде легкомыслия и небрежности. При легкомыслии субъект бюджетного правонарушения предвидел возможность наступления вредных последствий своих действий (бездействия), но рассчитывал на предотвращение таких последствий без достаточных к тому оснований. Бюджетное правонарушение будет совершено по небрежности, если субъект не предвидел возможности наступления вредных последствий своих действий (бездействия), однако должен был и мог предвидеть такие последствия при необходимой внимательности, предусмотрительности и при строгом соблюдении предписаний бюджетного законодательства.

5. Обосновано, что вина коллективных субъектов бюджетного права (юридических лиц, являющихся получателями средств из бюджета, публичных субъектов, выполняющих функции по исполнению бюджета) подлежит определению посредством поведенческой концепции через непринятие всех зависящих от них мер по соблюдению предписаний бюджетного законодательства при наличии объективных возможностей по их соблюдению, которые определяются посредством стандарта должного поведения, соответствующего

характеру конкретного бюджетного правоотношения, целям и задачам реализации финансово-бюджетной политики, а также включающего оценку способности недопущения нарушения любым другим участником бюджетного правоотношения в сходных условиях.

6. В целях развития доктрины финансового (бюджетного) права и повышения эффективности реализации мероприятий государственного (муниципального) финансового контроля предложено авторское понимание бюджетно-правового механизма установления вины, состоящего из следующих основных стадий: установление факта совершения деяния, имеющего признаки бюджетного правонарушения; определение наличия или отсутствия обстоятельств, исключающих вину в его совершении; определение формы вины (для физических лиц, являющихся получателями средств из бюджета) или содержания непринятых мер по соблюдению требований и норм бюджетного законодательства (для коллективных субъектов); установление смягчающих и (или) отягчающих обстоятельств, опосредованных виной субъекта бюджетного правонарушения.

Обстоятельствами, исключающими вину в совершении деяния, содержащего признаки бюджетного правонарушения, являются: невменяемость (для физических лиц, являющихся получателями средств из бюджета), казус, непреодолимая сила, совершение социально полезного деяния, ошибка в бюджетно-правовом запрете.

7. Обосновано, что модель процессуального распределения доказывания обстоятельств, свидетельствующих о вине лица в совершении бюджетного правонарушения, подлежит построению на основе закрепления двух основных презумпций: невиновности – для физических лиц, являющихся получателями средств из бюджета, виновности – для коллективных субъектов. Предложенный подход в полной мере соответствует справедливому распределению бремени доказывания при возникновении бюджетно-правового спора, обеспечивает надлежащую правовую защиту «слабой» стороны бюджетных правоотношений, а также отражает реализацию двуединой модели вины в бюджетном праве.

8. С учетом предлагаемого введения в бюджетное право категории вины требуется определить в качестве субъектов бюджетных правоотношений любых

лиц, которым бюджетное законодательство определяет права и (или) обязанности в области своего регулирования (в частности, физических и юридических лиц, являющихся получателями средств из бюджета), а также осуществить следующие преобразования охранительной части бюджетного законодательства:

– изменить действующую законодательную дефиницию бюджетного нарушения (статья 306.1 Бюджетного кодекса РФ) на определение бюджетного правонарушения как противоправного виновно совершенного действия (бездействия) субъекта бюджетного правоотношения, за которое Бюджетным кодексом РФ предусмотрены меры бюджетно-правовой ответственности;

– ввести статью, определяющую, что лицо подлежит бюджетно-правовой ответственности только за те действия (бездействие) и/или наступившие последствия, в отношении которых установлена его вина, а также закрепляющую формы вины (умысел и неосторожность) физического лица, являющегося получателем средств из бюджета, концепцию вины иных участников бюджетных правоотношений (лицо подлежит бюджетно-правовой ответственности, если будет установлено, что оно не приняло все необходимые меры по соблюдению правил и норм, установленных бюджетным законодательством, при наличии возможности по их соблюдению);

– закрепить положения об обстоятельствах, исключающих вину в совершении деяния, содержащего признаки бюджетного правонарушения, а также о презумпции невиновности физического лица, являющегося получателем средств из бюджета (лицо не обязано доказывать свою невиновность в совершении действия (бездействия), содержащего признаки бюджетного правонарушения; все неустранимые сомнения толкуются в пользу такого лица), и виновности для иных субъектов бюджетных правонарушений (отсутствие вины доказывается лицом, в отношении которого ведется производство по делу о бюджетном правонарушении).

Теоретическая и практическая значимость исследования. Представленная диссертационная работа является результатом самостоятельного исследования и впервые комплексно рассматривает категорию вины для целей

бюджетного права, предлагая все основные аспекты ее научного понимания. Во-первых, определено место вины в структуре бюджетного принуждения, категорировании бюджетного правонарушения и бюджетно-правовой ответственности. Во-вторых, установлены сущность и содержание категории вины в бюджетном праве, предложено ее авторское понимание в контексте основных концепций вины, разработанных в правовой науке. В-третьих, определен процедурный аспект установления и доказывания вины в бюджетном праве.

Практическая значимость диссертации заключается в предлагаемых рекомендациях по закреплению в бюджетном законодательстве понятия бюджетного правонарушения, форм вины для физических лиц, являющихся получателями средств из бюджета, и определения вины для коллективных субъектов, обстоятельств, исключающих вину, а также используемых при доказывании вины презумпций. Помимо этого, по результатам исследования предложены основные направления совершенствования деятельности органов государственного (муниципального) финансового контроля в части установления признаков, свидетельствующих о вине в совершении бюджетного правонарушения. Кроме того, выводы и предложения, изложенные в диссертации, могут быть использованы в правоприменительной и судебной практике, в качестве основы для дальнейшего исследования проблематики, существующей в правовом регулировании вопросов, связанных с виной в бюджетном праве, а также при преподавании дисциплины «Бюджетное право» и специальных курсов по финансово-правовой ответственности.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена и одобрена на совместном заседании отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства и кафедры правового обеспечения публичных финансов Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (далее – ИЗиСП).

Теоретические выводы диссертации, а также иные положения и рекомендации отражены в четырех публикациях автора настоящей диссертации в научных журналах, указанных в перечне рецензируемых научных журналов и

изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. Основные положения и выводы работы были использованы диссертантом в докладах на научных конференциях, среди которых: VI Международная научная конференция «Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика» (Москва, ИЗиСП, 20 февраля 2020 г.); Международная научно-практическая конференция «Модернизация правового регулирования бюджетных отношений в условиях модернизации экономики» (Саратов, Саратовская государственная юридическая академия, 23 июня 2020 г.); X Московская юридическая неделя «Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки» (Москва, Московский государственный университет имени О.Е. Кутафина, 25-26 ноября 2020 г.); X Международный конгресс сравнительного правоведения «Конституционные изменения в России и в современном мире: диалектика универсального и национального» (Москва, ИЗиСП, 4 декабря 2020 г.); X Евразийский антикоррупционный форум «Конституционно-правовые ориентиры противодействия коррупции» (Москва, ИЗиСП, 20 апреля 2021 г.); XVI Международная школа-практикум молодых ученых-юристов «Человек в праве: современная доктрина и практика» (Москва, ИЗиСП, 4-5 июня 2021 г.); Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2022» (Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 20 апреля 2022 г.).

Отдельные результаты исследования использовались также при проведении практических занятий в магистратуре ИЗиСП.

Структура и объем исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих в себя шесть параграфов, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. ВИНА КАК ПОЛИАСПЕКТНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

§ 1.1. Вина как признак правонарушения и условие юридической ответственности

Развитие юридической науки и возрастание сложности правового массива[12] обусловили закономерную тенденцию, заключающуюся в том, что в настоящее время все больше отраслей в достаточной мере не обеспечиваются надлежащей защитой, предлагаемой инструментами иной отраслевой принадлежности. Данные процессы являются значимыми и для финансового права, которое находится в перманентном состоянии развития, что приводит к обретению им новых форм и заимствованию универсальных и межотраслевых институтов[13]. Так, в актуальном дискурсе финансово-правовой науки начала XXI века находились вопросы конструирования собственных категорий финансово-правовой ответственности, финансового правонарушения и элементов его состава[14].

---

[12] См.: *Липинский А.Д.* О системе права и видах юридической ответственности // Правоведение. 2003. № 2. С. 27-37. Неслучайно возникли и позиции, предполагающие кардинальный отказ от правовых отраслей в принципе и замене их на «отрасли законодательства» как более подвижной и динамичной идеи (см.: *Лившиц Р.З.* Теория права. М.: БЕК, 1994. С. 118).

[13] Ю.А. Тихомиров отмечает, что финансовое право, принадлежащее к числу публичных правовых отраслей, именно в XX-XXI веке приобретает новое влияние, что обусловлено в целом ростом значения публичного права, вызванного становлением общих интересов социальных общностей на разных уровнях (см.: *Тихомиров Ю.А.* Современное публичное право : монографический учебник. М.: Эксмо, 2008. С. 34). Об основных направлениях развития финансового права см., например: Актуальные проблемы финансового права: монография / Л.Л. Арзуманова, Н.М. Артемов, О.В. Болтинова и др.; отв. ред. Е.Ю. Грачева. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. 208 с.; *Саттарова Н.А., Копина А.А.* Актуальные проблемы финансового права: учебник для магистров. М.: Прометей, 2018. 318 с.

[14] Этому посвящено значительное число диссертационных и монографических исследований по финансовому праву. См., например: *Арсланбекова А.З.* Финансово-правовые санкции в системе мер юридической ответственности: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2009; *Батыров С.Е.* Финансово-правовая ответственность: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; *Гейхман О.М.* Бюджетно-правовая ответственность: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; *Мусаткина А.А.* Финансовая ответственность в системе юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004; *Емельянов А.С.* Реализация охранительной функции финансового права: дис. д-ра юрид. наук. М., 2005; Разгильдиева М.Б. Теория финансово-правового принуждения и сферы его применения : дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2011; *Саттарова Н.А.* Принуждение в финансовом праве : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2006. В то же время в литературе справедливо отмечается, что несмотря на ключевое значение института ответственности для выполнения стратегических планов правительства по социальному и экономическому развитию, в настоящее время его развитие фактически приостановлено (см.: Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд. доп. и перераб. / С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева, А.И. Абрамова и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева,

Наиболее успешными такие изыскания оказались для налогово-правового регулирования[15], так как существовала объективная потребность обеспечить защиту фискальных интересов государства не только посредством административно- и уголовно-правового воздействия, но и сохранить при этом баланс частных и публичных интересов, принимая во внимание характер налоговых правоотношений как таковых, а также круг их участников[16]. В настоящее время налоговая ответственность и налоговое правонарушение со всеми его составляющими элементами (в том числе виной[17]) признаются в качестве базовых категорий налогового права не только в науке[18], но и в рамках действующего позитивного регулирования. При этом Налоговый кодекс РФ[19] является единственным актом финансового законодательства, в котором анализируемая категория вины нашла свое отражение[20].

В то же время в не менее значимой подотрасли финансового права – бюджетном праве – аналогичного развития не произошло, при этом можно констатировать, что категории бюджетно-правовой ответственности, бюджетного правонарушения и вины на сегодняшний день являются не менее востребованными. Как известно, право понимается в трех основных значениях –

Ю.А. Тихомиров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ИД Юриспруденция, 2015. С. 149).

[15] В доктрине дореволюционного финансового права зачатки учения о принуждении, ответственности, правонарушении и вине можно обнаружить в трудах профессора И.Т. Тарасова применительно к отношениям по поводу взимания налогов (См.: *Тарасов И.Т.* Очерк науки финансового права / Финансы и налоги: очерки теории и политики. М.: Статут, 2004. С. 172, 195. См также: *Ялбулганов А.А.* Учение о бюджете в доктрине российского финансового права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 1. С. 71-88).

[16] См., например: *Козырин А.Н.* Понятие, сущность, функции и принципы финансового права // Публично-правовые исследования: электрон. журн. 2016. № 4. С. 83-106; *Иванов А.А.* Налоговые нарушения: между умыслом и случайностью // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 4. С. 137-144.

[17] См., например: Финансовое право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. М.В. Карасева. М.: Юристъ, 2004. С. 360; *Козырин А. Н.* Введение в российское налоговое право: Учебное пособие. М.: Институт публично-правовых исследований, 2014. С. 154.

[18] См., например: Налоги и налоговое право: Учеб. пособие / Под ред. А.В. Брызгалина. М.: Аналитика-Пресс, 1997. С. 476; *Иванов И.С.* Институт вины в налоговом праве: теория и практика. М.: Проспект, 2009. 160 с.

[19] Здесь и далее – Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

[20] В соответствии с положениями статьи 106 Налогового кодекса РФ налоговым правонарушением признается виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, плательщика страховых взносов, налогового агента и иных лиц, за которое Налоговым кодексом РФ установлена ответственность.

как система правовых норм, как наука и как учебная дисциплина[21]. В качестве общего замечания стоит подчеркнуть, что в первом значении бюджетное право, выступая в качестве подотрасли отечественного финансового права, регулирующей определенную сферу (область) общественных отношений[22], категорию вины не детерминирует и не признает. Об этом, в частности, свидетельствует дефиниция бюджетного нарушения согласно пункту 1 статьи 306.1 Бюджетного кодекса РФ[23]. Похожее решение избрали также законодатели некоторых стран постсоветского пространства, например, Республики Беларусь[24] и Республики Казахстан[25].

Однако задача права как науки (в нашем случае – финансово-правовой) состоит в том, чтобы предложить решения по устранению имеющихся пробелов, а также объективно оценить, насколько верным, оправданным и, в конечном счете, эффективным с точки зрения воздействия на регулируемую сферу является то или

---

[21] Третье значение (право как учебная дисциплина) существенного значения для настоящего исследования не имеет, однако, как представляется, признание вины категорией бюджетного права (о чем речь пойдет ниже), безусловно, потребует по-новому подойти к формированию учебных курсов, посвященных вопросам бюджетно-правовой ответственности.

[22] По формированию, распределению и использованию централизованного фонда денежных средств – бюджета.

[23] Следует при этом обратить внимание, что отсутствие в Бюджетном кодексе РФ категории бюджетного правонарушения не столь очевидно для Верховного Суда Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ). К примеру, в определении от 26 октября 2020 года № 305-ЭС20-16069 он указывает на необходимость оценки факта совершения получателем субвенции «вмененного ему бюджетного правонарушителя». В другом определении от 6 марта 2020 года № 303-ЭС20-852 Верховный Суд РФ поддерживает позицию нижестоящих инстанций о том, что «в действиях министерства имеется вменяемое ему бюджетное правонарушение».

[24] Охранительная модель, реализованная в главе 26 Бюджетного кодекса Республики Беларусь от 16 июля 2008 года № 412-З (Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=hk0800412#load_text_ none_1_ (дата обращения: 21 февраля 2023 года)), во многих чертах напоминает положения отечественного бюджетного законодательства.

[25] Например, в соответствии с пунктом 13 статьи 4 Бюджетного кодекса Республики Казахстан от 4 декабря 2008 года № 95-IV (Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30364477#pos=5;-106 (дата обращения: 21 февраля 2023 года)) к числу основных принципов бюджетной системы отнесен принцип ответственности, который понимается как принятие необходимых административных и управленческих решений, направленных на достижение прямых и конечных результатов и обеспечение ответственности администраторов бюджетных программ и руководителей государственных учреждений и субъектов квазигосударственного сектора за принятие решений, не соответствующих законодательству Республики Казахстан. Вместе с тем в силу положений статьи 244 Бюджетного кодекса лица, виновные в нарушении бюджетного законодательства, несут ответственность в соответствии с республиканскими законами. В связи с этим для целей защиты бюджетных правоотношений предусмотрены нормы статей 234-237 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях от5 июля 2014 года № 235-V (Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=3157 7399#pos=4144;-54 (дата обращения: 21 февраля 2023 года)).

иное уже реализованное законодательное решение, предложить конкретные пути его совершенствования[26]. В этой связи уместно привести высказывание С.В. Запольского о том, что наука финансового права зачастую следует за законодательными решениями и судебной практикой, в отличие от других правовых отраслей, институты которых рождаются «в результате выявленной наукой общественной потребности или необходимости»[27]. М.В. Лушникова и А.М. Лушников также отмечают, что финансово-правовая наука нередко лишь реагирует на действия законодателя в финансовой сфере[28].

По указанным причинам к числу важнейших задач бюджетно-правовых исследований на современном этапе следует отнести осмысление и встраивание в теорию бюджетного права новых явлений, формирование и совершенствование категорийно-понятийного аппарата бюджетного права, а также критический анализ решений законодателя в бюджетной сфере[29]. При этом любые научные построения должны быть основаны на наработках общей теории права, так как изучать особенное и отдельное в отраслевых науках необходимо с опорой на «специфические законы и категории, вырабатываемые теорией права», поскольку «знание общего определяет пути подхода к особенному и отдельному, к специфике частных процессов и явлений правовой материи»[30]. Поэтому

---

[26] Так как в конечном счете совершенствованием бюджетного законодательства обеспечивается правопорядок (см.: Институты финансового права / под ред. д.ю.н., профессора Н.М. Казанцева. М.: ИЗиСП – ИД «Юриспруденция», 2009. С.184).

[27] *Запольский С.В.* Дискуссионные вопросы теории финансового права : монография. М.: РАП, Эксмо, 2008. С. 63.

[28] См.: *Лушникова М.В., Лушников А.М.* Развитие науки финансового права в России: Учебное пособие. СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2013. С. 943.

[29] Справедливо отмечает Н.А. Власенко, подчеркивая, что «всеобщий кризис, охвативший государственное управление, экономическую, финансовую стороны жизни российского общества, затронул и правовые механизмы» (*Власенко Н.А.* Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 43-54 [Доступ из СПС КонсультантПлюс]).

[30] *Васильев А.М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Издательство «Юридическая литература», 1976. С. 91. Указанная мысль базируется на философском обосновании В.И. Ленина, который подчеркивал: «Значение общего противоречиво: оно мертво, оно нечисто, неполно etc. etc., но оно только и есть ступень к познанию конкретного, ибо мы никогда не познаем конкретного полностью» (*Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: 5-е издание. Т. 29 (Философские тетради). М.: Издание политической литературы, 1969. С. 252). Он также писал: «Кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натыкаться» на эти общие вопросы» (*Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: 5-е издание. Т. 15 (февраль – июнь 1907). М.: Издание политической литературы, 1972. С. 368).

представляется оправданным для последующего концептуального осмысления вины в бюджетном праве обратиться общетеоретическим истокам. Кроме того, категория вины тщательно изучалась в рамках отраслевых юридических наук (в первую очередь, уголовном, административном, гражданском праве) и нашла свое отражение в ряде актов отраслевого законодательства, поэтому представляется целесообразным обратиться также к опыту соответствующих исследований и позитивного регулирования.

Значительную ценность предпринятое исследование для целей бюджетного права приобретает благодаря тому месту, которое категория вины занимает в праве в целом. А.И. Рарог справедливо отмечает, что проблема вины является общеправовой, важной для всех отраслей права[31]. Конституционный Суд Российской Федерации[32] называет вину универсальной правовой категорией, которая представляет собой основанные на характеристиках субъекта права пределы, в которых он может нести ответственность сообразно конституционным принципам равенства, справедливости и соразмерности[33]. Некоторые авторы и вовсе называют понятие вины одним из центральных в юридической науке[34].

Анализ юридической литературы показал, что весь комплекс имеющихся проблем[35] вокруг юридической категории вины сводится к трем основным блокам

---

[31] См.: *Рарог А.И.* Общая теория вины в уголовном праве. Учебное пособие. М.: ВЮЗИ, 1980. С. 84.

[32] Далее – Конституционный Суд РФ.

[33] Постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2020 года № 17-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 2.1, части 1 статьи 2.2, части 3 статьи 11.15.1 и пункта 5 части 1 статьи 29.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 12.2 Федерального закона «О транспортной безопасности», подпунктов 36, 37, 39, 45 пункта 5 и подпунктов 1, 2, 8 пункта 7 требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств морского и речного транспорта, в связи с жалобой акционерного общества «Пассажирский Порт Санкт-Петербург «Морской фасад» // СЗ РФ. 2020. № 20. Ст. 3221.

[34] См.: *Пашенцев Д.А., Гарамита В.В.* Вина в гражданском праве: Монография. М.: ЮРКОМПАНИ, 2010. С. 66. Г.К. Матвеев применительно к сфере гражданского права также отмечал, что «понятие вины…может быть отнесены к числу важнейших категорий советского социалистического гражданского права» (*Матвеев Г.К.* Вина в советском гражданском праве. Киев: Издательство Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, 1955. С. 122). Г.С. Фельдштейн для целей уголовного права указывал, что «учение о виновности и его большая или меньшая глубина есть как бы барометр уголовного права. Оно — лучший показатель его культурного уровня» (*Фельдштейн Г.С.* Природа умысла. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1898. С. 2).

[35] Необходимо при этом обозначить точку зрения, согласно которой вопросы вины «давно проработаны российской общей теорией права» (*Гогин А.А.* Правонарушения: понятие, сущность, виды. М.: NOTA BENE, 2007. С. 61).

вопросов. Во-первых, вплоть до настоящего времени не сформировано единое понимание относительно места категории вины в системе правовых явлений общего порядка – принуждения, юридической ответственности и правонарушения. Во-вторых, теорией (как и большинством отраслевых наук) не выработана единая концепция вины, предлагающая ее определение и основные составляющие элементы. В-третьих, отсутствуют достаточные политико-правовые обоснования по вопросу модели установления и доказывания вины при разрешении правовых споров. Проведение исследования по указанным направлениям позволяет обобщить существующий уровень развития учения о вине, а также сформировать представление относительно сущности и содержания вины в бюджетном праве.

Итак, вина[36] (guilt (англ.), die Schuld (нем.)) относится к числу значимых категорий различных областей научного знания. Существует три базовых определения понятия вины – как антисоциальный поступок (провинность, прегрешение, правонарушение), как его причина[37], а также как внутреннее психическое отношение лица к совершенному поступку. Эволюция общества и, как следствие, развитие философской и научной мысли свидетельствуют о постепенном отказе в рассмотрении вины как синонима самого проступка или простой его причины в пользу вины как особой психологической характеристики личности[38].

---

[36] Само слово «вина» предположительно произошло от латинского vindex – «мститель», «назначающий пеню» (см.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 томах. Т. 1 (А – Д) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и предисл. Б.А. Ларина. 2-е изд., стереотип. М.: «Прогресс», 1986. С. 316).

[37] В первых двух значениях вина определяется зачастую в толковых словарях (см., например: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. Т. 1. А – З / В.И. Даль. М.: О-во любителей рос. словесности, учр. при Императорском Московском ун-те, 1863 - 1866. С. 238-239; Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д.Н. Ушакова. В 4 томах. Т. 1. А – Кюрины. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935. С. 294; Большая Советская Энциклопедия: в 50 т. Т. 8 / гл. ред. Б.А. Введенский. 2-е изд. М.: Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия», 1951. С. 86).

[38] Например, в психологии понимание вины как внутреннего чувства «переживания» своего поступка предполагает, что «испытывая чувство вины, мы тем самым предстаем перед невидимым судом, определяющим степень прегрешения, выносящим приговор и налагающим наказание… вина (culpa) — это самоанализ, самоощущение и самонаказание с помощью *сознания-двойника*» (*Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. М.: Академический Проект, 2008. С. 574-575). О собственно психологическом понимании вины см. также: *Ильин Е.П.* Психология общения и межличностных отношений : учебное пособие. 2-е изд. СПб: Питер, 2015. С. 156; *Короткова Е.В.* Социально-психологический анализ вины и стыда как системы отношений личности к себе и другому: автореф. дис. …канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2002. С. 12.

Изначально отношения в обществе были построены на принципе объективного вменения (или принципе причинения)[39] – наказанию и возмещению подвергался любой неправильный и приносящий вред поступок человека вне зависимости от его отношения к деянию и последствиям. Термин «вина» в этом смысле использовался для обозначения причины поступка[40]. Философское обоснование такого подхода можно свести к идее имперсональной компенсаторной справедливости, которая строится на том, что ущерб должен быть возмещен любой причиной его наступления. Человек включен в (космический, божественный, общественный) порядок, и в силу этого нарушающее его деяние подлежит безусловному возмещению. Вина здесь выступает как любая причина ущерба, характеризуемая имперсональностью и не предполагающая исследование характеристик человека и условий деяния. Лицо, таким образом, несет ответственность потому, что выступает причиной (виной) наступившего ущерба[41].

Нормы архаичного права также преимущественно (но не исключительно) были построены на основе принципа причинения, так как ответственность фактически выступала как месть потерпевшего, а сила возникшего чувства мести определяла и объемы ответственности[42]. Существует также точка зрения, что объективное вменение было обусловлено примитивно-мистическими представлениями об «источниках зла»[43]. Наиболее яркими примерами объективного вменения в архаичном праве служат институт кровной мести и

---

[39] Объективное вменение можно иносказательно представить известной французской поговоркой «Le fait juge l'homme» (*факт судит человека*) (см.: *Косвен М.* Преступление и наказание в догосударственном обществе. М., Л.: Государственное издательство, 1925. С. 127).

[40] Как отмечал М. Косвен, славянское «вина» фактически означало причину противоправного поступка, а ответственность – материальный, денежный долг, исходя из чего «платить по вине» – платить по объему причиненного ущерба, «должен» – повинен уплатить, а «искупить вину» – уплатить долг. Подобные этимологические связи можно обнаружить в латинском (вина – culpa), а также немецком языках (Там же. С. 132-133).

[41] См.: *Столяров А.А.* Свобода воли как проблема европейского морального сознания: очерки истории: от Гомера до Лютера. М.: Греко-латинский кабинет, 1999. С. 37.

[42] См.: *Дмитриева О.В.* Ответственность без вины в гражданском праве. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1998. С. 8-9.

[43] См.: *Назаренко Г.В.* Вина в уголовном праве: Монография. Орел: Типография «Труд», 1996. С. 61.

принцип коллективной ответственности[44]. Без разбора к ответу могли призываться лица (или их родственники) за случайные действия, а также невменяемые, безумные, дети и даже животные. Например, в древнекитайском праве за некоторые преступления (заговор, бунт, измена) несли ответственность три рода (отца, матери и жены) или три поколения (родители, братья и сестры, дети)[45]. Подобным образом зачастую решался вопрос о наказании также в древнерусском праве[46], и Русская Правда подтверждала существовавший в форме обычая институт дикой или повальной виры[47].

Однако развитие античной философии позволило предложить принципиально другое понимание вины, основанное на идее свободы воли человека[48]. Зачатки данного подхода можно обнаружить уже в учении Гераклита о Логосе[49]. Платон исходил из того, что каждая душа сама выбирает свой жребий и несет за него ответственность, человек ответственен потому, что обладает знанием нравственно-должного[50]. В системе Аристотеля понятие вины получает субъективно-персональный смысл, так как разум независим в принятии решений и сам является их источником[51]. В дальнейшем идеи античных мыслителей о свободе воли получили продолжение в христианской теологии, при этом

---

[44] См.: *Кашанина Т.В.* Происхождение государства и права. Учебное пособие. М.: Высшая школа, 2004. С. 203-204; *Юрчак Е.В.* Указ. соч. С. 23-24. Любопытно, что, например, в Древней Греции остракизму могли предать не просто невиновных и не совершивших преступление граждан, но даже особо добродетельных: такие люди, пользуясь любовью народа, могут стать тиранами, поэтому их потенциальные прегрешения следовало пресечь заранее (см.: *Крашенинников П.В.* Времена и право. М.: Статут, 2016. С. 62).

[45] См.: *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права: Учебник для вузов. М.: Юрайт-М, 2001. С. 314-315.

[46] См.: *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 99.

[47] См.: *Епифанова Е.В., Недилько Ю.В.* Принцип объективного вменения в отечественном уголовном праве: эволюция толкования // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 2. С. 60. Однако даже в Русской Правде можно обнаружить отдельные проявления того, что характер и степень строгости наказания дифференцировался в зависимости от некоторых внутренних причин того или иного поведения человека, например, при убийстве в разбое и в пиру (см.: *Хужин А.М.* Невиновное поведение в праве: проблемы юридической ответственности и эффективности правоприменения: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 11).

[48] Как подчеркивал Г.К. Матвеев, предпосылки понятия вины следует искать в таких философских категориях, как свобода воли, сознание человека, активная деятельность и т.п. (см.: *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 122).

[49] См.: *Тихонравов Ю.В.* Основы философии права. Учебное пособие. М.: Вестник, 1997. С. 226-227.

[50] См.: Новая философская энциклопедия. В 4 томах. Т. 3 (Н – С). М.: Мысль, 2010. С. 504.

[51] См.: *Столяров А.А.* Указ. соч. С. 37. См. также: *Авдонин В.С., Ильин М.В.* Четыре «Вины» Аристотеля и попытки их схоластического «Искупления» // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2015. № 5. С. 429-441; *Гришина Е. С.* Философия вины: к вопросу классификации // Вологодинские чтения. 2006. № 60. С. 59-67.

категория вины стала ассоциироваться с понятием греха[52]. В указанных рамках формируются концепции персональной ответственности за зло, причиненное другим, а также внутреннего самоконтроля[53].

Со временем идея свободы воли укоренилась в философской и научной мысли и приобрела решающее значение при характеристике деятельности человека и ее оценки на предмет соответствия социальным нормам. И. Кант писал: «Поступок приписывается умопостигаемому характеру человека; теперь, в тот момент, когда он лжет, вина целиком лежит на нем; стало быть, несмотря на все эмпирические условия поступка, разум был совершенно свободен, и поступок должен считаться только следствием упущения со стороны разума»[54]. Х. Йонас указывал: «то, "за что" имеет место ответственность, находится вне меня, однако в сфере досягаемости моей силы, будучи ей поручено или находясь под ее угрозой»[55]. Действительно, человеческая деятельность представляет собой определенную форму взаимосвязи человека со средой, где он осуществляет сознательно поставленную цель[56]. Сознание человека во многом предопределяет то, как он будет реагировать на факторы, побуждающие к действию[57]. «Путь, проходимый волею, освещается разумом»[58], поэтому воля – это сознательная целеустремленность человека[59]. В связи с этим свободу воли следует понимать

---

[52] См.: *Столяров А. А.* Философия древности и средневековья. М.: Греко-латинский кабинет, 1995. С. 310. Именно в Средние века формой отпущения грехов в Католической церкви стала покаянная молитва Conferior, которая гласила: «Confiteor [...] quia peccavi nimis cogitatione, verbo et opere: mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa» (*Исповедую … что я много согрешил мыслью, словом и делом: моя вина, моя вина, моя величайшая вина*) (см: *Fortescue A.* «Confiteor» // Catholic Encyclopedia, vol. 4. New York: Robert Appleton, 1908. Режим доступа: http://www.newadvent.org/cathen/04222a.htm (дата обращения: 21 февраля 2023 года)). Отождествление вины и греха можно проследить и в основных законодательных актах Средневековья. Однако способы установления вины лица в основном не определялись характеристиками его личности, например, с помощью судебных поединков – ордалий (см.: *Есипов В.В.* Преступление и наказание в древнем праве. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1903. С. 33-45).

[53] См.: *Гусейнов А.А.* Введение в этику. М.: МГУ, 1985. С. 71.

[54] *Кант И.* Критика чистого разума / Сочинения в шести томах. Под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. Т. 3. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1964. С. 493.

[55] *Йонас Х.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 172.

[56] См.: *Платонов К.К.* Проблемы способностей. М.: «Наука», 1972. С. 118.

[57] См.: *Хвостов А.М.* Вина в советском трудовом праве. Минск: «Беларусь», 1970. С. 7.

[58] *Полетаев Н.А.* Об основаниях вменения по началам положительной философии. СПб: Тип. А. Катанского и Ко, 1890. С. 413.

[59] См.: *Хвостов А.М.* Указ. соч. С. 8.

как «способность принимать решения со знанием дела»[60]. Другими словами, индивиды самостоятельно делают выбор совершать или не совершать определенные действия и, следовательно, подвергаются внешнему суждению о правильности или ошибочности такого выбора[61].

Таким образом, вину следует понимать в качестве категории, характеризующей внутренний мир человека, а не само деяние[62]. В данном значении категория вины особое значение приобрела для права, предназначение которого – быть измерителем юридически дозволенного, правомерного поведения[63]. Т. Гоббс, рассуждая о поступках человека отмечал, что в праве «понятие сужается и означает не всякий поступок, противоречащий истинному разуму, но только тот, который можно поставить в вину и поэтому называется malum culpae [зло неблагоразумия]»[64]. Ф. Энгельс подчеркивал, что «невозможно рассуждать о морали и праве, не касаясь вопроса о так называемой свободе воли,

---

[60] *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения: 2-е издание. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 116.

[61] См.: *Шаргородский М.Д.* Детерминизм и ответственность // Правоведение. 1965. № 1. С. 42.

[62] Попытки объективировать вину (т.е. рассматривать ее как само деяние или, по крайней мере, любую его причину) предпринимались и позднее, например, в науке уголовного права, однако не оказались успешными. Как подчеркивает А.И. Рарог, включение в содержание категории вины как субъективной, так и объективной стороны (все свойства, выражающие отрицательное отношение субъекта к общественным ценностям) обусловливают возрождение концепции «двух вин». Однако отождествление вины с фактом совершения правонарушения означает ее объективирование, лишение конкретной определенности, а значит, и функции юридического признака (см.: *Рарог А.И.* Вина в советском уголовном праве : монография. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. С. 83). Стоит отметить, что в разное время предлагались также взгляды, подразумевающие отождествление вины и противоправности и в гражданском праве (см., например: *Шварц Х.И.* Значение вины в обязательствах из причинения вреда. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. С. 36). Нелишним в этой связи будет упомянуть и трактовку вины, предложенную Г. Гегелем, который в «Феноменологии духа» отмечал следующее: «Самосознание, таким образом, благодаря действию становится виной. Ибо вина есть его действование, действование – его сокровеннейшая сущность; и вина получает также значение преступления: ибо в качестве простого нравственного сознания оно обратилось к одному закону, но отказалось от другого и нарушает его своим действием» (*Гегель Г.* Феноменология духа. М.: Наука, 2000. С. 238).

[63] См.: *Алексеев С.С.* Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство БЕК, 1995. С. 157. Как отмечает Г.А. Гаджиев, вина стоит в ряду понятий и явлений, которые иллюстрируют, что право в целом и его отдельные элементы построены на учете внутреннего (см.: *Гаджиев Г.А.* Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): Монография. М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. С. 113). Некоторые авторы и вовсе рассматривают юриспруденцию в качестве науки о человеке, «отсюда видятся перспективными исследования вопросов юридического познания на стыке наук гуманитарного блока – лингвистики, психологии и социологии». Поэтому более чем оправданным является интерес к таким категориям, как вина и воля (см., например: *Боруленков Ю.П.* Юридическое познание : монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 25).

[64] *Гоббс Т.* Сочинения в 2 т. Т. 1/Пер. с лат. и англ.; Сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В. В. Соколов. М.: Мысль, 1989. С. 422.

о вменяемости человека, об отношении между необходимостью и свободой»[65]. С.И. Баршев указывал, что «свобода как способность разумных существ не покоряться чувственности, но действовать произвольно, есть необходимое условие всякого, следовательно, и юридического вменения»[66]. Г.Б. Слиозберг писал: «Всякое деяние постольку лишь может быть вменено в вину (imputatio juris, в отличие от вменения фактического, т.е. констатирования причинности – imputatio facti), поскольку оно есть продукт воли деятеля. Для представителей теории свободы воли, индетерминистов, воля деятеля представляется причиной деяния, а вместе с тем и причиной последствия от деяния (Causa causae est causa causati)»[67].

Приведенные высказывания подчеркивают органическую связь вины с сознанием и волей человека, а также свидетельствуют о принципиальной необходимости формирования в законодательстве (в том числе в бюджетном) необходимой связи между деянием и виной. Так, поведение человека, соотносимое с правовыми обязываниями, дозволениями и запретами, подразделяется на правомерное и неправомерное[68]. Юридическое поведение, выраженное в деянии, «действительно лишь в единстве всех его элементов, в том числе – его объективной и субъективной сторон»[69], оно находится под контролем

---

[65] *Энгельс Ф.* Указ. соч. С. 115. Стоит также отметить, что свобода воли относительна, так как сознание и воля вторичны по отношению к природе (как психика вторична по отношению к материи), они приспособляются к ней (см.: *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 137; *Хвостов А.М.* Указ. соч. С. 7).

[66] См.: *Баршев С. И.* О вменении в праве. М.: Университетская типография, 1840. С. 4. А.А. Гогин и вовсе определяет право как «официально установленный каталог свободы личности» (*Гогин А.А.* Указ. соч. С. 59).

[67] *Слиозберг Г.Б.* Вина / Энциклопедический словарь / Начат под общ. ред. И.Е. Андреевского, прод. под общ. ред. К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. Т. 6 (Венцано – Винона). СПб: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1894. С. 401.

[68] Об этом, в частности, в «Лекциях по энциклопедии права» писал дореволюционный юрист Е.Н. Трубецкой, причем критерием разграничения правового поведения ученый видел зависимость от человеческой воли (см.: *Трубецкой Е.Н.* Лекции по энциклопедии права. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1917. С. 202). Стоит отметить, что некоторые авторы выделяют также третий вид поведения – юридически безразличное (см., например: Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юристъ, 1997. С. 524). В этой связи уместно также привести иную точку зрению, предложенную Р.В. Шагиевой, согласно которой понятие правового поведения не должно использоваться «применительно к обозначению правонарушений и других правовых отклонений», так как правовое поведение (как и правовая деятельность) применимо «лишь для отражения положительно оцениваемых законодателем и обществом поступков» (*Шагиева Р.В.* Концепция правовой деятельности в современном обществе: автореф. … дис. д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 20).

[69] *Денисов Ю.А.* Общая теория правонарушения и ответственности (социологический и юридический аспекты). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1983. С. 99.

(актуальным или потенциальным) лица, его сознания и воли[70]. Поэтому право (в том числе бюджетное) как основной социальный регулятор должно быть направлено на упорядочение только таких отношений между людьми, которые являются субъективно окрашенными и выражаются в актах их сознательного и волевого поведения[71]. Следовательно, сочетание указанных элементов образует важнейшую характеристику противоправного деяния лица[72] как определенного выбора между правомерным и противоправным, дозволенным и запрещенным. В.Н. Кудрявцев указывал, что противоправное поведение состоит в нарушении «правовых рамок, разумных и целесообразных границ»[73]. Л.С. Явич отмечал: «Любое действие, правомерное или неправомерное, есть итог сложного взаимодействия внешних и внутренних обстоятельств, социальной среды и личности. Человек всегда имеет выбор, хотя и в общих рамках социальных условий. Отсюда и его ответственность за содеянное»[74].

Таким образом, категория вины выступает в качестве критерия разграничения активности человека во внешнем мире: осознанные и волевые поступки, нарушающие требования норм права, должны признаваться виновными и, как следствие, влечь наказание (возмещение), а неосознанные – случайными и поэтому освобождать от ответственности[75]. Справедливо отмечено

---

[70] См.: *Малеин Н.С.* Правонарушение: Понятие, причины, ответственность. М.: Юрид. лит., 1985. С. 8.

[71] См.: *Байтин М.И.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: СГАП, 2001. С. 80. А.М. Хвостов отмечал, что свобода воли и выбора поведения обосновывает как возможность правового регулирования общественных отношений, так и возможность юридической ответственности за их нарушения (см.: *Хвостов А.М.* Указ. соч. С. 9).

[72] Любопытное понимание характера воли при определении вины человека в совершенном правонарушении предложил философ права И.А. Ильин. Он подчеркивал, что виновность человека следует определять в суде исходя из его правосознания, «т.е. отношением руководившей им воли — к цели права, а потому и к праву. Согласно этому, правонарушитель будет виновен в том случае, если он нарушил норму положительного права по недостаточной воле к цели права и к праву, как необходимому средству, и будет невиновен в том случае, если верный правопорядок был его целью и его мотивом» (*Ильин И. А.* О сущности правосознания. / Подготовка текста и вступительная статья И.Н. Смирнова. М.: «Рарогъ», 1993. С. 74-75).

[73] *Кудрявцев В.Н.* Право и поведение. М.: Юридическая литература, 1978. С. 107.

[74] *Явич Л.С.* Право и социализм. М.: Юридическая литература, 1982. С. 130.

[75] Нелишним будет отметить и идеи Е.Б. Пашуканиса, меновая теория которого предполагала наступление светлого будущего, когда «личность полностью сольется с коллективом», понятия вины, преступления и наказания попросту не будут иметь никакого значения (см.: *Крашенинников П.В.* Серебряный век права. М.: Статут, 2017. С. 62). Отказ от конструкций, подобных вине, был в целом характерен для начального периода становления советского права, желавшего освободиться «от гипноза старых формул» (*Чельцов-Бебутов М.А.* Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков: Юридическое изд-во НКЮ УССР, 1925. С. 90).

И.В. Маштаковым, что быть противоправным означает выступать против права, однако это не могут делать силы природы, а также люди вне сознания и воли[76]. Ю.А. Денисов указывал, что «только сознательно действующий индивид может сообразовывать свои поступки с предписаниями, дозволениями и запретами правовых норм и только такие поступки могут быть квалифицированы как правомерные или неправомерные деяния»[77]. С.В. Векленко подчеркивает, что виновным может быть только тот, кто обладает определенной степенью развития сознания и воли, то есть способен действовать «со знанием дела» и господствовать над самим собой и окружающими условиями[78]. Иными словами, перефразировав в более простую форму, можем сказать: без свободы воли нет вины, а без вины нет ответственности за противоправное деяние[79].

Вышеотмеченное позволяет констатировать, что три явления объективной реальности и правовой действительности – ответственность, правонарушение и вина – образуют между собой неразрывную связь: ответственность выступает реакцией на правонарушение, которое выступает в качестве результата порочных сознания и воли лица[80]. Основное значение юридической категории вины в том и состоит, что она предопределяет существование категорий более общего порядка – правонарушения и юридической ответственности[81]. В этом смысле вина

---

[76] См.: *Маштаков И.В.* Проблемы теории правонарушения : монография / науч. ред. Р. Л. Хачатуров. Самара: Самар. гуманит. акад., 2005. С. 136. См. также: *Поляков А.В.* Общая теория права. Курс лекций. СПб: Юрид. центр Пресс, 2001. С. 602-603.

[77] *Денисов Ю.А.* Указ. соч. С. 102.

[78] См.: *Векленко С.В.* Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве: Монография. Омск: Омская академия МВД России, 2002. С. 71.

[79] См.: *Грызунова Е.В.* Правонарушение и юридическая ответственность в их соотношении: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 102. Стоит отметить, что, основываясь на марксисткой доктрине, некоторые советские ученые – представители уголовно-правовой науки считали, что преступник действует не свободно, он – лишь раб пережитков капитализма, где преступления были возможным (см., например: *Утевский Б.С.* Вина в советском уголовном праве. М.: Госюриздат, 1950. С. 38, 41). В свою очередь, Б.С. Маньковский был с этим не согласен, считая, что преступник совершает свободный выбор действовать преступно, иначе означает встать на путь фатализма (см.: *Маньковский Б.С.* Проблема ответственности в уголовном праве. М.: Издательство Академии наук СССР, 1949. С. 50-55).

[80] См.: *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 181.

[81] Многообразие ценностных проявлений категории вины для уголовного права обозначил А.И. Рарог. Так, вина выступает составной частью основания уголовной ответственности, индивидуализирует наказание, является пенитенциарным инструментом, является основанием «для предположения о возможном варианте поведения данного лица при определенных обстоятельствах в будущем» (криминологическое значение). Кроме того, вина имеет и прогнозирующее значение, которое проявляется в способности обобщить антисоциальные взгляды

предстает также необходимым и, пожалуй, наиболее значимым элементом системы правового принуждения[82]. Данный подход является доминирующим в теории права. Придерживаясь его, тем не менее должны отметить, что единая научная парадигма по вопросу соотношения вины, правонарушения и юридической ответственности вплоть до настоящего времени так и не сложилась. В связи с этим в целях формирования научно обоснованной теоретико-правовой модели вины в бюджетном праве последовательно определим соотношение вины с рассматриваемыми юридическими категориями, отдельно рассмотрев аргументы о целесообразности идеи безвиновной ответственности.

Вина как признак правонарушения. Согласно позиции, разделяемой большей частью научного сообщества, вина является обязательным и во многом решающим признаком правонарушения. В понятии вины выражается не просто субъективная сторона правонарушения, а раскрывается принадлежность деяния субъекту «как опосредованного его сознанием, движимого его волей»[83]. Именно поэтому большинство определений правонарушения, предложенных в теории, несмотря на некоторые расхождения по другим признакам (например, вредность или опасность[84]), подтверждают вышесказанное и содержат указание на виновность

и привычки преступников, разработать на этом основании соответствующую и адекватную систему профилактических мероприятий (см.: *Рарог А.И.* Общая теория вины в уголовном праве. С. 79-83).

[82] Учение о вине встраивается и в теоретические построения более общего (фундаментального) порядка. Так, например, Д.А. Пашенцев отмечает, что «правопорядок может считаться достигнутым, когда поведение участников конкретных общественных отношений правомерно, противоправное же поведение пресечено, а в отношении виновных лиц реализована юридическая ответственность» (Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка : монография. Т. 1 / Н.Н. Черногор, Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило [и др.] ; отв. ред. Н.Н. Черногор. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. С. 66).

[83] *Денисов Ю.А.* Указ. соч. С. 108-109.

[84] Так, например, А.А. Гогин считает, что общественная опасность характерна только для преступлений, остальные правонарушения объединяются термином «проступок» и являются общественно вредными (см.: *Гогин А.А.* Указ. соч. С. 50, 57). В свою очередь И.В. Маштаков указывает, что категория общественной вредности имеет гораздо более четкий (чем общественная опасность) измерительный критерий. Общественная вредность раскрывается через конкретные «неблагоприятные последствия правонарушения, имеет конкретизированные признаки (почва, ущерб), использует всеобщий денежный эквивалент для измерения степени вредоносности» (*Маштаков И.В.* Указ. соч. С. 21, 24). При этом Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский отмечают, что характеристика общественной опасности присуща всем правонарушениям и состоит в причинении или угрозе причинения вреда общественным отношения. Преступления при этом просто отличаются характером и степенью общественной опасности. В целом о характере и степени можно судить по виду санкции, устанавливающей объем неблагоприятных правоограничений для правонарушителя (см.: *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Общая теория

деяния[85].

С учетом данных характеристик фиксируется важное правило: отсутствие возможности выбрать иной вариант поведения вследствие невменяемости, малолетнего возраста, физического или психического воздействия является юридическим условием, при котором деяние правонарушением не признается ввиду отсутствия вины лица в его совершении, даже если такое деяние имело вредные последствия[86]. Вне осознания лицом вредоносности и общественной опасности своих поступков нет и правонарушения[87]. Еще Г.Ф. Шершеневич подчеркивал, что любое правонарушение всегда и только выражается в действии человека как направленное на изменение во внешнем мире выражение его воли. Общая мысль основана на идее того, что раз приказы обращены к воле людей, то и правонарушения совершаются лишь по воле, а все, что «не исходит от сознательной воли человека, представляется только явлением природы. В таких случаях человек выступает не как существо, одаренное разумом и волей, а потому ответственное, а просто как выразитель суммы естественных сил»[88]. Право строит свою защиту «только против тех, к кому оно обращает свои веления», к их числу ребенок или сумасшедший не относятся. «Если право определяет, как должны относиться друг к другу люди, подчиненные его власти, то объективного правонарушения, т.е. действий, противных праву и в то же время невменяемых,

---

юридической ответственности: Монография. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. С. 249-250).

[85] См., например: *Котляревский Г.С., Назаров Б.Л.* Проблемы общей теории права. М.: Юридическая литература, 1973. С. 40; *Лейст О.Э.* Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 49; *Байтин М.И.* Указ. соч. С. 197; *Черданцев А.Ф.* Указ. соч. С. 307; *Нерсесянц В.С.* Теория права и государства. М.: Норма ИНФРА-М, 2011. С. 244; Общая теория права и государства : учебник / под ред. В.В. Лазарева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма : Инфра-М, 2010. С. 343; Проблемы общей теории права и государства : учебник / по общ. ред. В.С. Нерсесянца. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма : ИНФРА-М, 2010. С. 487; *Цечоев В.К., Швандерова А.Р.* Теория государства и права: Учебник. М: Прометей, 2017. С. 236; *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 244; *Гогин А.А.* Указ. соч. С. 46, 76; *Маштаков И.В.* Указ. соч. С. 12.

[86] См.: Общая теория права и государства. С. 342; Малеин Н.С. Указ. соч. С. 8.

[87] См.: Проблемы общей теории права и государства. С. 476-477.

[88] См.: *Шершеневич Г.Ф.* Избранное: В 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2016. С. 545-546, 551. В указанном понимании ученый в целом основывался на взглядах немецкой доктрины того времени (см., например: *Binding K.* Die Normen und ihre Uebertretung. 2-te auflage. Ersten Band (Normen und Strafgesetze). Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann, 1890. P. 240-246).

быть не может»[89].

По мысли В.П. Грибанова, назначение вины проявляется в том, что государству и обществу (а значит и праву) небезразлично, как действовал человек: обдуманно, умышленно, желая причинить вред, думал ли он о последствиях и т.п. Это позволяет установить степень социальной вредности поведения того или иного лица[90]. И.С. Самощенко отмечал, что вина выступает необходимым элементом всякого правонарушения, «ибо прежде всего определенное состояние психики нарушителя характеризует правонарушение как особую разновидность противоправного поведения»[91]. И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшин также указывали, что «именно наличие вины, отрицательного внутреннего отношения лица к интересам советского общества, коллектива или гражданина выделяет правонарушения из иных нарушений законности как наиболее вредную их разновидность»[92]. Ю.А. Денисов называл вину субъективно-объективной категорией, характеризующей деяние в целом, при этом правонарушение и вина в такой трактовке – «это определение одного и того же объективного содержания под различными углами зрения»[93]. Л.С. Явич считал, что правонарушение – «это прежде всего определенное деяние, акт поведения находившегося под контролем воли и разума субъекта»[94].

В контексте рассмотрения правонарушения как акта виновного деяния лица позволительно признать, что именно правонарушение, выделенное из других противоправных, но не обладающих субъективным элементом деяний, признается единственным фактическим основанием применения к лицу мер юридической ответственности. В указанных целях конструируется состав правонарушения, который представляет собой абстракцию, отражающую систему наиболее общих,

---

[89] См.: *Шершеневич Г.Ф.* Указ. соч. С. 554.

[90] См.: *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. М.: «Статут», 2000. С. 338-339.

[91] *Самощенко И.С.* Понятие правонарушения по советскому законодательству. М.: Издательство «Юридическая литература», 1963. С. 132-133.

[92] *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* Ответственность по советскому законодательству. М.: «Юридическая литература», 1971. С. 76.

[93] *Денисов Ю.А.* Указ. соч. С. 115.

[94] *Явич Л.С.* Указ. соч. С. 132.

существенных и типичных признаков правонарушения, которая необходима и достаточна для привлечения лица к юридической ответственности[95]. При этом понятие правонарушения шире его состава, так как включает еще ряд признаков, которые не имеют значения для решения вопроса об ответственности правонарушителя[96]. В этом смысле вина занимает строго определенное место в теоретической конструкции состава правонарушения как необходимый и центральный элемент его субъективной стороны[97], которую образуют также мотив и цель[98]. Субъективная сторона правонарушения и его состава соотносятся как определяемый предмет и его определение. При этом «определение никогда не может полностью отразить все содержание определяемого предмета»[99].

Таким образом, вина является обязательным признаком правонарушения, а также выступает элементом субъективной стороны его состава. Указанные выводы справедливы для правонарушения и вины как в рамках общей теории права, так и правовых отраслей, поэтому в дальнейшем мы будем в полной мере придерживаться данного понимания для целей бюджетного права. Стоит при этом отметить, что не менее важным является определение связи вины и правонарушения с категорией юридической ответственности, в которой «в концентрированной и наиболее рельефной форме выражает существо права и механизм его действия»[100].

---

[95] См.: *Маштаков И.В.* Указ. соч. С. 11.

[96] См.: *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* Указ. соч. С. 81.

[97] Например, для уголовного права А.И. Рарог отмечал, что отождествлять вину с субъективной стороной преступления недопустимо, так как «в такой трактовке психологическое содержание вины расплывается в неопределенно широкой массе психологических признаков и теряет свое значение конкретного юридического понятия» (*Рарог А.И.* Вина в советском уголовном праве. С. 81-82). В.В. Лунеев при этом отмечает, что «установление вины вне мотивации, целеполагания и состояния субъекта в момент совершения преступления может носить лишь формальный оценочный характер». Указанное обусловливает связь всех элементов субъективной стороны преступления между собой. Кроме того, по мысли ученого, вина в ее психологическом измерении и вовсе включает мотив и цель, а вывод данных элементов из понятия вины обусловлен прагматическими целями уголовного закона (см.: *Лунеев В.В.* Субъективное вменение. М.: Спарк, 2000. С. 7-8. См. также: *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 273).

[98] Помимо мотива и цели к числу дополнительных признаков субъективной стороны относят также аффект, заведомость, злостность и т.п. (см.: *Дагель П.С., Михеев Р.И.* Теоретические основы установления вины: Учебное пособие. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1975. С. 41).

[99] Там же. С. 38.

[100] *Хохлов В.А.* Общие положения об обязательствах: Учебное пособие. М.: Статут, 2015. С. 217.

Вина как условие юридической ответственности. Правонарушение в его классическом определении преимущественно рассматривается как единственное основание юридической ответственности[101]. Г.А. Прокопович подчеркивает органическую связь между указанными явлениями: «правонарушение всегда и сразу порождает юридическую ответственность»[102]. Необходимость признать единственной и неразрывной связь между правонарушением (с признаком вины) и юридической ответственностью[103] диктуется тем, что «юридическая защита интересов дается против действий человека путем воздействия на его волю угрозой, но не против слепых сил. Юридические средства обеспечения интересов предполагают именно наличность воли, способной усвоить угрозы и воздержаться от нарушения»[104].

Позволим себе согласиться с данным подходом, уточнив при этом некоторые позиции, связанные с определением сущности юридической ответственности. Необходимо отметить, что в теории права данное явление, несмотря на десятилетия научных поисков, определяется многовариантно[105]. Так, юридическая ответственность воспринимается как наказание[106], реализация санкции правовой нормы[107], мера государственного принуждения[108], реакция общества на правонарушение[109], обязанность претерпевать лишения государственно-

---

[101] См.: *Хвостов А.М.* Указ. соч. С. 41.

[102] *Прокопович Г.А.* Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве (история, теория, практика). Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб.: Изд-во юрид. ин-та (Санкт-Петербург), 2010. С. 61.

[103] И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшин указывали, что из факта совершения правонарушения еще не следует юридическая ответственность, она может (и во многих случаях должна) быть, но бывают и иные примеры (истечение сроков давности привлечения, замена на общественную ответственность – передача на поруки и т.п.). И, наоборот, юридическая ответственность «в принципе не может иметь места» без правонарушения (см.: *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* Указ. соч. С. 91-92). Несколько обратной логики придерживался Н.С. Малеин, отмечая, что правонарушения нет там, где к запрету не прилагаются меры юридической ответственности (см.: *Малеин Н.С.* Указ. соч. С. 18; см. также: Общая теория права и государства. С. 339).

[104] *Шершеневич Г.Ф.* Указ. соч. С. 553.

[105] См.: *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 173. Нижеприводимые трактовки ответственности рассмотрены и обобщены указанными авторами (Там же. С. 174-189). Как отмечал А.М. Хвостов, разные определения юридической ответственности свидетельствуют о большой сложности данной категории (см.: *Хвостов А.М.* Указ. соч. С. 36).

[106] См.: *Малеин Н.С.* Юридическая ответственность и справедливость. М.: Манускрипт, 1992. С. 19.

[107] См.: *Лейст О.Э.* Указ. соч. С. 97-103; *Явич Л.С.* Указ. соч. С. 136-137.

[108] См.: *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* Указ. соч. С. 6.

[109] См.: *Лившиц Р.З.* Указ. соч. С. 147.

властного характера[110], принудительно исполняемая обязанность[111], обязанность дать отчет[112], особого рода охранительное правоотношение[113]. При этом справедливо подчеркивается в литературе то, что все вышеприведенные концепции юридической ответственности характеризуют лишь ее отдельные стороны, характеристики, свойства, стадии, но не дают комплексного представления о данном явлении. Тем не менее обратимся к некоторым удачным определениям юридической ответственности и укажем ее основные признаки.

Так, А.Ф. Черданцев также считает, что юридическая ответственность есть «обязанность лица, совершившего правонарушение, претерпевать неблагоприятные последствия (лишения)», в результате чего происходит изменение юридического статуса правонарушителя[114]. А.М. Хужин определяет юридическую ответственность как возлагаемую «в установленных процессуальных формах обязанность лица претерпевать меры государственного принуждения, выраженные в лишениях личного, имущественного или организационного характера за совершенное правонарушение»[115]. Е.А. Киримова подчеркивает, что к числу характерных признаков юридической ответственности относится то, что она «всегда связана с лишениями для правонарушителя, заключается в причинении виновному отрицательных последствий в форме ущемления или ограничения его личных, имущественных и иных интересов»[116]. Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский считают, что юридическая ответственность обладает следующими признаками: обязанность, состоящая в претерпевании мер государственного принуждения, сопряженность с государственным осуждением, неблагоприятные последствия в виде ограничений имущественного и личного

---

[110] См.: *Краснов М.А.* Ответственность в системе народного представительства (методологические подходы). М.: РАН Ин-т государства и права, 1995. С. 26.

[111] См.: *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М.: Городец-издат, 2001. С. 4, 85.

[112] См.: *Тархов В.А.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1973. С. 4, 11, 16.

[113] См.: *Карташов В.Н.* Теория государства и права : учебник. Ярославль: ЯрГУ, 2018. С. 315.

[114] См.: *Черданцев А.Ф.* Указ. соч. С 315-316.

[115] *Хужин А.М.* Указ. соч. С. 34.

[116] См.: *Киримова Е.А.* Правовой институт: понятие и виды: Учебное пособие / Под ред. профессора И.Н. Сенякина. Саратов, 2020. С. 39.

неимущественного характера[117]. Подобных взглядов придерживается и Г.А. Прокопович, по мнению которой к числу признаков юридической ответственности относятся государственное принуждение, осуждение субъекта и наличие неблагоприятных последствий личного или имущественного характера[118]. Кроме того, необходимо отметить еще один немаловажный аспект проявления юридической ответственности, заключающийся в том, что она представляет собой отрицательную оценку поведения лица со стороны государства, а значит, и общества[119].

Позволим себе согласиться с указанным пониманием юридической ответственности, а именно признать, что она представляет собой особого рода обязанность лица претерпеть неблагоприятные последствия, возникающую в связи с совершением им правонарушения, и в указанном контексте решающее значение имеет именно категория вины. Так, С.Н. Братусь, анализируя взгляды ученых по проблеме юридической ответственности, пришел к выводу, что господствующей концепцией являлась позиция об ответственности, всегда создающей новые дополнительные обременения для правонарушителя, иные меры поэтому ответственностью не являются. В таком разграничении, собственно, и проявляется значение категории вины, которая обусловливает саму возможность наложить дополнительные (новые) обременения на правонарушителя[120]. Р.О. Халфина подчеркивала, что «юридическая ответственность включает в себя лишь такие последствия правонарушения, которые выражаются в возникновении новых обязанностей, возникших из существующего правоотношения», при этом они «должны быть связаны с определенными отрицательными последствиями для

---

[117] См.: *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 188-189.

[118] См.: *Прокопович Г.А.* Указ. соч. С. 67.

[119] Как подчеркивал Н.С. Малеин, порицание со стороны государства и общества есть результат упречного поведения – объективированного деяния, явившегося следствием сознания и воли (см.: *Малеин Н.С.* Правонарушение: Понятие, причины, ответственность. С. 11). А.М. Хвостов отмечал, что ответственность – это всегда осуждение, которое без вины невозможно (см.: *Хвостов А.М.* Указ. соч. С. 41). Г.А. Прокопович полагает, что признак осуждения напрямую зависит от вопроса о вине правонарушителя (см.: *Прокопович Г.А.* Указ. соч. С. 68).

[120] См.: *Братусь С.Н.* Указ. соч. С. 10-16; *Хужин А.М.* Указ. соч. С. 59.

правонарушителя»[121].

Действительно, думается, что налагать на лицо лишения и ограничения без его вины, то есть за неосознанное поведение, результат случая или непреодолимой силы, значит во многом нарушать основополагающий правовой принцип справедливости. Как отмечается в литературе, «принцип виновности деяния – достижение цивилизации, общественной и правовой мысли, а отказ от него ведет к нарушению принципа справедливости»[122]. А.М. Хужин и вовсе отмечает, что «вина выступает квинтэссенцией юридической ответственности»[123]. Ранее нами уже было подчеркнуто, что Бюджетный кодекс РФ игнорирует данные вопросы, и это объективно снижает ценность указанного нормативного правового акта как действенного и эффективного регулятора общественных отношений, основанного на общеправовых, в том числе конституционных принципах.

Дополнительно отметим, что категория вины, будучи неотъемлемым признаком правонарушения, имеет связь именно с негативной юридической ответственностью, то есть ответственностью в ее классическом понимании. Для целей настоящей работы, таким образом, категория позитивной ответственности не представляет исследовательского интереса, так как ее сущность, содержание и реализация сами по себе на категорию вины не влияют, как в свою очередь и категория вины не влияет на них. Однако стоит отметить, что по вопросу позитивной ответственности, исследования в отношении которой множатся с каждым годом[124], считаем возможным поддержать позицию В.В. Сорокина о том, что все же «юридическая ответственность по сути своей есть результат правонарушения, а не правомерного поведения»[125].

---

[121] *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. С. 320.

[122] *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 338.

[123] *Хужин А.М.* Указ. соч. С. 59.

[124] Уместно в этой связи привести высказывание Ю.В. Тихонравова, который, поддерживая научные поиски единой «ответственности» в юридическом смысле указал, что «в конце концов, не логика наших познаний определяет логику вещей, а наоборот – логика вещей определяет логику наших познаний» (*Тихонравов Ю.В.* Указ. соч. С. 234).

[125] *Сорокин В. В.* Психологические аспекты права: монография. Барнаул, 2021. С. 270. См. также: *Баранов В.М.* «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника : монография. М.: Блок-Принт, 2022. 176 с.

При этом в указанном понимании юридическая ответственность существует наряду с иными мерами государственного принуждения, причем в основе их разграничения находится фактическое основание применения – правонарушение как акт виновного поведения лица или объективно противоправное деяние. С данным критерием деления так или иначе связаны все остальные разграничительные условия – наличие/отсутствие дополнительных ограничений, функции и порядок реализации[126]. В то же время, несмотря на многообразие подходов к определению набора иных (помимо юридической ответственности) мер государственного принуждения[127], наиболее оправданным представляется выделение мер защиты. Так, в ряде случаев требуется обеспечить восстановление нарушенных прав лица, пострадавшего от какого-либо деяния, не обретающего качество правонарушения. В отечественной науке конструкция мер защиты впервые была предложена С.С. Алексеевым, который считал, что защиту субъективного права зачастую достаточно обеспечить и без применения мер юридической ответственности (которая в понимании ученого сводилась к лишениям личного, организационного или имущественного порядка), только принудив нарушителя к исполнению обязанности, например, истребовав неосновательное обогащение, алименты или принудительно удержав заработную плату[128].

Думается, что деление мер государственного принуждения на юридическую ответственность и меры защиты является оправданным также с точки зрения

---

[126] См.: *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А*. Указ. соч. С. 196.

[127] К их числу В.В. Лазарев относит меры предупредительного воздействия, меры пресечения и меры защиты (см.: Проблемы общей теории права и государства. С. 490-491), В.И. Червонюк – принудительно-обеспечительные меры (обыск, наложение ареста, выемка) и меры защиты (см.: Общая теория права и государства. С. 349-350), А.М. Хужин – меры пресечения, предупреждения, оперативного воздействия, процессуального обеспечения, защиты (см.: *Хужин А.М.* Указ. соч. С. 88), Н.В. Витрук – меры предупреждения (профилактики), пресечения, процессуального обеспечения, защиты (и восстановительные меры), юридической ответственности в виде наказания (см.: *Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2009. С. 61).

[128] См.: *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Издательство «Юридическая литература», 1966. С. 150. См. также: *Алексеев С.С.* Социальная ценность права в советском обществе. М.: Юридическая литература, 1971. С. 107. Впоследствии были предложены сходные определения и предназначение мер защиты (см., например: Прокопович Г.А. Указ. соч. С. 72; Хужин А.М. Указ. соч. С. 79).

реализуемых ими в указанном понимании функций. Рассматривая ответственность как наложение дополнительных ограничений (лишений, обременений), должны признать, что она всегда будет реализовать карательную функцию и тем самым также все другие (восстановительную, предупредительную, воспитательную)[129]. В.И. Червонюк подчеркивает, что лишения в рамках юридической ответственности не являются обязанностью, которую и так должен выполнить субъект, это дополнительные неблагоприятные последствия («лицо не несло бы их, если бы вело себя правомерно») личного или имущественного характера. Поэтому юридическая ответственность заключает в себе прежде всего карту, сопряженную с возникновением новых обязанностей, не существовавших прежде[130]. А.М. Хвостов также трактует ответственность только через неблагоприятные последствия, а исполнение обязанности к ней не относит (например, при возврате командировочных), поэтому ответственность – это всегда возмездие, кара, наказание[131]. По мнению А.М. Хужина, юридическая ответственность носит «ярко выраженный штрафной, карательный, внеэквивалентный» характер»[132].

В указанном контексте деление ответственности на восстановительную и карательную (штрафную) значения не имеет, так как любой вид ответственности несет в себе «карательный заряд»[133], но при этом обеспечивает также восстановление (однако не всегда эквивалентное) общественных отношений, нарушенной имущественной сферы пострадавшего лица и т.п.[134] В свою очередь, исключительно восстановительную функцию преследуют меры защиты,

---

[129] Главной функцией юридической ответственности В.В. Лазарев называет именно карательную (см.: Общая теория права и государства. С. 491). Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский отмечают, что юридическая ответственность, регулируя, предупреждая, восстанавливая, карая, одновременно и воспитывает (см.: *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 469).

[130] Помимо прочего, такой подход имеет общее методологическое значение при конструировании санкций правовых норм в части определения неблагоприятных последствий, которые наступят для адресата нормы в случае отклонения его поведения от цели нормы, то есть диспозиции (см.: Общая теория права и государства. С. 347-349).

[131] См. *Хвостов А.М.* Указ. соч. С. 38-39.

[132] *Хужин А.М.* Указ. соч. С. 80.

[133] См.: *Денисов Ю.А.* Указ. соч. С. 112.

[134] Способы реализации восстановительной функции сводятся к следующему: определенная в правовой норме обязанность восстановить причиненный вред, осуждение лица, принуждение лица к восстановлению причиненного вреда, а также определение в правовых нормах обязанности компетентных органов принудить лицо к этому (см.: *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 437).

не принуждая лицо, совершившее правонарушение, к каким-либо дополнительным обременениям. Поэтому они могут применяться к лицам, в деянии которых отсутствует субъективный элемент, выраженный в вине. Наложение такого подхода на бюджетное законодательство позволяет отметить, что бюджетные меры принуждения (статья 306.2 Бюджетного кодекса РФ) с некоторыми оговорками направлены на реализацию восстановительной функции и представляют собой меры защиты. Однако содержательное наполнение некоторых из указанных мер (например, бесспорное взыскание ранее предоставленных средств) свидетельствует об их восстановительно-карательной направленности, что обусловливает постановку вопроса о признании за ними качеств мер бюджетно-правовой ответственности (включая вину как ее условие). В то же время следует отметить, что, безусловно, бюджетному праву гораздо в большей мере характерна нацеленность на восстановление нарушенных отношений в бюджетной сфере (важно не наказать, но получить эффект от использования бюджетных средств). Указанное, однако, не умаляет общего вывода о выполнении юридической ответственностью одновременно двух основных функций (восстановление и кара), в свою очередь, в рамках поддерживаемого нами подхода исключительно восстановительные по своей сущности меры образуют группу защитных мер.

При анализе природы юридической ответственности следует отметить также иную точку зрения, согласно которой ответственность предстает в качестве любого государственного принуждения – как связанного с дополнительными обременениями, так и в рамках принуждения к исполнению ранее существовавшей обязанности. По данному вопросу И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшин отмечали, что юридическая ответственность имеет в качестве необходимой предпосылки свободу воли, поэтому выступает следствием правонарушения, однако так повелось, что под ответственностью в науке понимают также применение

восстановительных санкций за объективно противоправное деяние[135]. О.Э. Лейст исходил из того, что ответственность есть следствие применения санкции правовой нормы и поэтому направлена на исполнение обязанности, предусмотренной такой правовой нормой. В связи с этим сущность ответственности в неблагоприятных последствиях для правонарушителя заключаться не может[136].

Следование данной концепции обусловливает то, что деление ответственности на штрафную и восстановительную оказывается оправданным. Так, например, О.С. Иоффе подчеркивал, что отступление от виновного характера привлечения к ответственности возможно лишь в исключительных случаях, когда ответственность выражается не в каре, но в компенсации или применяется к деятельности, связанной с повышенной опасностью[137]. Н.В. Витрук отмечает, что указанные виды ответственности имеют общий признак, выражающийся в принудительной форме реализации, которая влечет обязанность правонарушителя нести ответственность[138].

При таком рассмотрении штрафная ответственность есть следствие совершения правонарушения как акта виновного поведения нарушителя, а для целей привлечения к восстановительной ответственности субъективные характеристики нарушителя значения могут не иметь, поэтому ее основанием выступает не правонарушение, а объективно противоправное деяние[139]. Несовпадение целей и задач штрафной и восстановительной ответственности отмечено В.А. Хохловым. По мысли ученого, уголовное и административное право

---

[135] См.: *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* Указ. соч. С. 43-44. Критикуя концепцию мер защиты, авторы указывали, что она называет одни и те же факты явлениями различного порядка. Встраивая в одну теорию юридической ответственность и принудительное исполнение ранее имевшейся обязанности, ученые отмечали, что «сам факт применения государственного принуждения, исполнение обязанности под принуждением помимо воли есть, несомненно, лишение для нарушителя, неблагоприятное для него последствие его противоправного поведения» (Там же. С. 59-60).

[136] См.: *Лейст О.Э.* Указ. соч. С. 47-48, 85, 88-90, 94.

[137] См.: *Иоффе О.С.* Вина и ответственность по советскому праву // Сов. государство и право. 1972. № 9. С. 43.

[138] Поэтому, в частности, автор считает принуждение к уплате алиментов, отмену усыновления, восстановление права и т.п. проявлением не мер защиты, но восстановительно-компенсаторной ответственности (см.: *Витрук Н.В.* Указ. соч. С. 96-98).

[139] При этом признается, что непреодолимая сила все же выступает границей для привлечения к ответственности даже при объективно противоправном деянии как условии восстановительной ответственности.

нацелены на наказание, поэтому правонарушитель предстает основной, центральной фигурой, в то время как гражданское право ориентировано на «решение задач правомерно действующих лиц, направлено на организацию нормального оборота», а в случае правонарушений призвано обеспечить защиту пострадавшего, его прав и интересов[140].

И все же, на наш взгляд, более верной и оправданной выступает первая из рассмотренных концепций, поскольку юридическая ответственность всегда сопряжена с дополнительными лишениями и обременениями, выступая в таком качестве одним из важнейших проявлений государственного правового принуждения. В обратном случае «нет дополнительной обязанности, являющейся результатом правонарушения»[141]. Ответственность наступает только за правонарушение в его классическом (то есть с признаком вины) определении. В связи с этим следует согласиться с Л.С. Явичем, который подчеркивал, что «вина – непременный компонент любого правонарушения, и там, где нет вины, нет и правонарушения, не должно быть и ответственности»[142]. И даже в рамках доктрины гражданского права Г.К. Матвеев ставил институту гражданско-правовой ответственности следующие задачи: «обнаружить порочную волю правонарушителя, осудить ее, а затем исправить»[143]. Данный подход нашел поддержку также у Конституционного Суда РФ, который отметил, что «необходимым элементом состава правонарушения выступает вина, являющаяся во всех отраслях права предпосылкой возложения юридической ответственности»[144].

При этом доминирующая в настоящее время идея виновной ответственности

---

[140] Поэтому, в частности, В.А. Хохлов скептически относится к попыткам сформулировать общее понятие юридической ответственности применительно к различным отраслям права (см.: *Хохлов В.А.* Указ. соч. С. 218). Нелишним будет отметить высказывание Р. Саватье, который лаконично подчеркнул: «В принципе это совершенно различные вещи» (*Саватье Р.* Теория обязательств. М.: Прогресс, 1972. С. 230).

[141] *Халфина Р.О.* Указ. соч. С. 320.

[142] *Явич Л.С.* Указ. соч. С. 134-135.

[143] См.: *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 167.

[144] См.: Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018 - 2020 годов) // одобрено решением Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 года.

укреплялась в праве постепенно, затрагивая изначально сферу наказания и постепенно проникая в институт возмещения убытков[145]. Даже в построенных в целом на начале объективного вменения Законах Ману допускалась возможность наказать гуру за действия его ученика, но именно за собственную вину – как недостаточное воспитание, приведшее к преступлению[146]. Постепенно архаичное право стало также разделять случай и неосторожность от умышленных проступков, ограничивая тем самым, по крайней мере, применение кровной мести. На смену «обиде» как условию мести приходит исключительно экономическая потребность в осознании ущерба, и, как следствие, замена мести пеней[147]. Первым документом в России, учитывающим субъективные начала при привлечении к ответственности, стал Воинский Устав Петра Первого 1716 года, «с этого времени в России устанавливается принцип виновного вменения»[148]. При этом субъективное вменение было надлежащим образом и относительно всесторонне оформлено несколько позже – в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и впоследствии в Уголовном уложении 1903 года[149].

В настоящее время полно и безоговорочно концепция ответственности за вину нашла свое отражение в уголовном законодательстве. В частности, Г.В. Назаренко отмечает, что «вменение без отсутствия вины делает уголовную ответственность бессмысленной»[150]. Значение вины в уголовном праве настолько велико, что «невозможно обеспечить законность, не соблюдая принципа ответственности за вину»[151]. А.А. Пионтковский писал, что «учение о вине является одним из основополагающих элементов теории советского уголовного

---

[145] См.: *Кривцов А.* Общее учение об убытках. Юрьев: Печатано в типографии К. Маттисена, 1902. С. 96.

[146] См.: *Крашенинников П.В.* Зарождение права. М.: Статут, 2016. С. 248-249.

[147] См.: *Косвен М.* Указ. соч. С. 123-124. При этом изучение варварских правд показывает, что представление о вине только формируется, находится в зачаточном состоянии, наблюдается двойственность подхода: лицо самостоятельно совершает деяния, но его воля зависит от божественной или царской власти (см.: *Цельникер Г.Ф.* Указ. соч. С. 20).

[148] См.: *Хужин А.М.* Указ. соч. С. 12-13.

[149] См.: *Юрчак Е.В.* Указ. соч. С. 34-35.

[150] *Назаренко Г.В.* Указ. соч. С. 67.

[151] *Келина С.Г., Кудрявцев В.Н.* Принципы советского уголовного права. М.: Наука, 1988. С 109.

права. Без вины не может быть уголовной ответственности…»[152]. Нормативное установление анализируемого принципа свидетельствует о следовании международно-признанному правилу, согласно которому отсутствие вины означает отсутствие преступления[153], а также известному еще римскому праву принципу «Nullum crimen, nulla poena sine culpa» (*нет преступления, нет наказания без вины*)[154]. Кроме того, согласно позиции Европейского Суда по правам человека запрет назначения наказания в отсутствие признания вины является дополнительным следствием принципа законности в уголовном праве[155].

Вместе с тем, несмотря на значение категории вины для уголовного права и законодательства, в иных сферах правового регулирования и в научной среде аналогичного единства не наблюдается. При этом основная группа вопросов, которые возникают в связи с объяснением неразрывной связи «вина – правонарушение – ответственность», состоит в обосновании и опровержении концепции безвиновной (или строгой) «ответственности»[156], которую целесообразно рассмотреть несколько более подробно. Необходимо подчеркнуть,

---

[152] Курс советского уголовного права: Преступление. В 6-ти томах: Часть общая. Т. 2 / Пионтковский А.А.; Редкол.: Пионтковский А.А., Ромашкин П.С., Чхиквадзе В.М. М.: Наука, 1970. С. 257.

[153] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / Н.И. Ветров, М.М. Дайшутов, Г.В. Дашков и др.; под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юриспруденция, 2013. 912 с. [Доступ из СПС КонсультантПлюс]. Комментарий к ст. 5 (автор комментария – Ляпунов Ю.И.).

[154] См., например: ст. 6(2) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163 (Документ прекратил действие в отношении Российской Федерации с 16 марта 2022 года в соответствии с Федеральным законом от 28 февраля 2023 года № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // СЗ РФ. 2023. № 10. Ст. 1566)).

[155] Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 октября 2013 года по делу «Варвара (Varvara) против Италии» (жалоба № 17475/09) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 2. В этой связи уместно привести положения теории «just deserts» (*справедливых заслуг)*, разрабатываемой в рамках зарубежной уголовно-правовой доктрины. Согласно данной концепции утверждается, что справедливость требует, чтобы лица были наказаны в соответствии со степенью виновности их преступного поведения. Порицание через наказание подтверждает, что потерпевший пострадал в результате виновных действий правонарушителя. Это подтверждение определяет правонарушителя как морального агента, способного оценить адекватность своих действий (см.: *Shearing C., Johnston L.* Justice in the Risk Society // Australian and New Zealand Journal of Criminology. 2005. № 38. P. 29. См. также: *Hirsch, A. von.* Censure and Sanctions // Oxford University Press UK, 1996. pp. xviii + 111).

[156] Стоит отметить, что концепция мер защиты в контексте проблемы безвиновной «ответственности» фактически не работает, так как они направлены на факты неправомерного поведения лица, при котором на него не налагаются дополнительные ограничения. В то же время рассматриваемые случаи безвиновной «ответственности» направлены именно на ущемление имущественной сферы лица, действие (бездействие) которого привело к возникновению вреда.

что данная теория имеет не только теоретическое значение, но связана также с прикладными целями правоприменения, в том числе в рамках разрешения бюджетно-правовых споров, так как в некоторых случаях законом могут допускаться отдельные случаи возмещения вреда при отсутствии вины лица в совершенном деянии. Рассматриваемая проблема объективировалась преимущественно в науке гражданского права, так как потребности оборота зачастую диктуют необходимость возместить причиненный вред в том числе за случай (например, владельцев источников повышенной опасности, предпринимателей), или реже – за действие непреодолимой силы (например, воздушных перевозчиков по советскому праву)[157]. Представляется необходимым остановиться на данном вопросе несколько более подробно, так как в части предмета регулирования (имущественные, денежные отношения) гражданское право имеет тесную связь с финансовым (бюджетным) правом. Следовательно, результаты анализа вопроса о безвиновной ответственности в гражданском праве могут с определенными оговорками послужить основой для выводов применительно к механизму бюджетно-правового регулирования.

Так, еще в римском частном праве принцип вины стал рассматриваться в качестве общего правила[158], в связи с чем были сформулированы две известные формулы – «casus a nullo praestatur» (*за случай никто не отвечает*) и «casum sentit dominus» (*случай остается на том, кого он поражает*)[159]. И.А. Покровский писал: «С рецепцией римского права принцип вины вошел затем в право новых народов и стал, казалось, незыблемым основным началом всякого культурного правопорядка»[160]. Немецкий правовед Р. Иеринг сформулировал предназначение принципа виновной ответственности следующим образом: «Не ущерб обязывает

---

[157] См.: *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* Указ. соч. С. 73, *Грибанов В.П.* Указ. соч. С. 341. Даже в немецкой доктрине отмечается, что все основания не могут быть объединены в общую картину из-за их казуистичности и непоследовательности (см.: *Koch B.A.* Die Sachhaftung : Beiträge zu einer Neuabgrenzung der sogenannten Gefährdungshaftung im System des Haftungsrechts. Berlin : Duncker und Humblot, 1992. S. 3).

[158] См., например: *Боголепов Н.П.* Учебник истории римского права / Под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. С. 188-189.

[159] См.: *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 118.

[160] *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. Пг.: Юрид. кн. склад «Право», 1917. С. 282.

нас к уплате компенсации, а вина. Это так же очевидно просто, как и утверждение химиков, что горит не свет, а кислород в воздухе»[161].

Однако сомнения в верности данного правила возникли с развитием крупных транспортных и промышленных предприятий, эксплуатация которых неизбежно влекла несчастные случаи, «которые даже при самом строгом отношении никак не могут быть сведены к какой-либо вине хозяина»[162]. Французский юрист Е. Годэмэ указывал, что «требование вины как элемента ответственности в общепринятом учении кажется последним остатком смешения гражданской и уголовной ответственности, возмещения вреда и уголовного наказания. С карательной точки зрения действие должно составлять вину; с точки зрения обязанности гражданского возмещения вреда достаточно причинной связи»[163]. Отечественные цивилисты в основном соглашались с таким подходом. Так, Г.К. Матвеев допускал отступление от вины как непременного условия гражданско-правовой ответственности, указывая, что «советское гражданское право не считает субъективное состояние правонарушителя единственным и всепоглощающим условием ответственности»[164]. В.А. Хохлов также отмечает, что «для всякого правообладателя не так уж важно, почему возникла угроза его правам, почему они не признаются, – он желал бы избежать любого нарушения своих прав»[165].

---

[161] «Nicht der Schaden verpflichtet zum Schadenersatz, sondern die Schuld – ein einfacher Satz, ebenso einfach wie der des Chemikers, dass nicht das Licht brennt, sondern der Sauerstoff der Luft» (*Jhering R. von.* Schuldmoment im romischen Privatrecht. Giessen, 1867. S. 40). Р. Эпштейн указывает, что переход от теории причинения (т.н. строгой ответственности) к виновной ответственности произошел в Англии в XIX веке изначально на основе моральных, но не экономических причин. Впоследствии концепция ответственности за вину стала рассматриваться и как экономически обоснованная теория, так как лицо будет признано невиновным в том случае, если оно не приняло тех мер предосторожности, которые экономически благоразумный человек принимает в своих делах (см.: *Epstein R.A.* A Theory of Strict Liability // 2 Journal of Legal Studies. 1973. № 151. P. 152-154).

[162] *Покровский И.А.* Указ. соч. С. 282.

[163] *Годэмэ Е.* Общая теория обязательств. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. С. 320.

[164] См.: *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 117.

[165] *Хохлов В.А.* Указ. соч. С. 218. Принцип причинения предполагает только факт причинения ущерба, привело ли это действие к этому результату; суд исследует причинную связь; ответственность в рамках принципа причинения располагается до границ непреодолимой силы. Примером его сторонники приводили «упал и разбил мою ценную вещь. Но почему же я должен страдать?» При договорной ответственности такой подход выгоден кредитору (см.: *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 98). По мнению О.В. Дмитриевой, с точки зрения справедливости виновная ответственность критикуется, так как факт возмещения потерпевшему ставится в зависимость

Оправдание существования безвиновной ответственности в целом характерно для цивилистической доктрины[166]. Однако все они могут быть отвергнуты именно в контексте признания парадигматической связи «ответственность – правонарушение – вина»[167]. Поэтому, как представляется, все то, что не имеет субъективного виновного основания, не может признаваться правонарушением, в том числе в сфере гражданского права, а потому не должно влечь применение мер (гражданско-правовой) ответственности[168]. А.В. Мильков подчеркивает, что «гражданско-правовая ответственность, равно как и любая иная, покоится на общих положениях, разработанных в общей теории права: противоправности деяния, вине правонарушителя, причинной связи между деянием и наступившим вредом»[169]. Кроме того, субъективно безупречное поведение субъекта не может осуждаться обществом и государством[170], а ответственность воспринимается нами именно через осуждение.

Н.С. Малеин подчеркивал, что в основе привлечения к ответственности – идея свободы воли, поэтому вина является не только условием юридической ответственности, но также «обоснованием существования самого института ответственности, его обязательным и решающим элементом»[171]. Ю.А. Денисов

от внутреннего отношения к факту причинения убытков причинителя вреда – лица стороннего и потерпевшему совершенно безразличного (см.: *Дмитриева О.В.* Указ. соч. С. 42).

[166] Еще в советской науке гражданского права О.А. Красавчиков обобщил основные направления дискуссии о вине как условии ответственности: теория двух начал; вина с исключением; концепция объективных моментов; виновного начала (см.: *Красавчиков О.А.* Категории науки гражданского права. М.: Статут, 2005. С. 256). Подробнее об основных концепциях обоснования безвиновной «ответственности» (например, справедливости, превентивного стимулирования, технико-юридического оформления, экономической сбалансированности интересов стороны) и их критике см., например: *Хужин А.М.* Указ. соч. С. 36-41; *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 340.

[167] В этой связи следует согласиться с Г.А. Прокопович, которая отмечает, что рассуждения о двух началах (виновном и невиновном) ответственности могут лежать в плоскости применения единой терминологии к двум фактически разным правовым явлениям (см.: *Прокопович Г.А.* Указ. соч. С. 66-67).

[168] Бессмысленность безвиновной «ответственности» обусловлена и тем, что она попросту не может выполнить свою превентивную и воспитательную функцию, а потому в ней проявляется дисфункция юридической ответственности (см.: *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 341, 345). Г.А. Прокопович отмечает, что ответственность без вины противоречит целому ряду конституционных принципов (ст.1, 7, 19, 55, 8 и 35, 34 Конституции РФ), поэтому «должна быть со временем изжита законодательством» (*Прокопович Г.А.* Указ. соч. С. 70-71. См., также: *Гогин А.А.* Указ. соч. С. 69).

[169] *Мильков А.В.* Правовое регулирование защиты гражданских прав и правовых интересов: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 292.

[170] См.: *Хвостов А.М.* Указ. соч. С. 9.

[171] *Малеин Н.С.* Указ. соч. С. 155-156.

справедливо отмечал, что «безвиновная ответственность не столько способна дисциплинировать и укреплять правопорядок, сколько разлагать дисциплину, сковывать инициативность и стимулировать беззаконие, так как если ответственность не зависит от вины, то какой смысл в стремлении соблюдать закон и в соблюдении максимальной осмотрительности при тех или иных действиях? Ведь это никак не исключит случая и ответственности за него»[172].

Вместе с тем из всех имеющихся обоснований безвиновной «ответственности» наиболее обоснованной представляется теория субъективного риска[173]. Указанная концепция получила свое развитие в работах В.А. Ойгензихта[174] и С.Н. Братуся, которые рассматривали риск вторым субъективным основанием ответственности. Подобная трактовка, по мысли С.Н. Братуся, объясняет те случаи «правомерной, но могущей причинить неправомерный вред другим лицам деятельности». Следуя данной позиции, ученый считал, что наряду с виной основанием ответственности может быть риск как «допущение «вероятностных», случайных обстоятельств, влекущих отрицательные последствия для других лиц». Например, лицо «хочет оно этого или не хочет, если оно должно оперировать источником повышенной опасности, принимает на себя в соответствии с законом ответственность за эти последствия»[175].

В свою очередь, придерживаясь ранее отмеченного понимания ответственности и вины как ее единственного субъективного основания, поддержим позицию О.А. Красавчикова, который считал, что обязанность владельца источника повышенной опасности возместить вред не представляет собой форму гражданско-правовой ответственности, а является особой правовой формой восстановления имущественного положения потерпевшего. В указанном

---

[172] См.: *Денисов Ю.А.* Указ. соч. С. 111-112.

[173] Является составным элементом теории «двух начал» ответственности – вины и риска (см., например: *Прокопович Г.А.* Указ. соч. С. 69).

[174] См., например: *Ойгензихт В.А.* Проблема риска в гражданском праве. Душанбе: Издательство «Ирфон», 1972. С. 209-210.

[175] См.: *Братусь С.Н.* Указ. соч. С. 168.

случае гражданско-правовым началом возмещения вреда является не ответственность, а риск (обязанность принять на себя убытки, которые могут наступить в силу случайных обстоятельств)[176]. Л.С. Явич подчеркивал, что ответственность представляет собой следствие упречного поведения субъекта, поэтому анализируемые случаи можно рассматривать лишь в качестве «повышенной обязанности возместить вред»[177]. Даже Г.К. Матвеев указывал, что такие случаи именуются не ответственностью, а обязанностью возместить вред или уплатить штраф. Использование терминологии «ответственность» есть не более чем устоявшаяся в судебно-арбитражной практике терминология[178]. При этом невиновные действия, по мнению Н.С. Малеина, не могут быть признаны социально опасными, так как «они не содержат признаков человеческой практики, не заключают в себе ценностной ориентации и не способны служить прецедентом для повторения их в будущем[179]. Однако такие действия могут быть фактически опасными, и деятельность по использованию источника повышенной опасности – лучшее тому подтверждение. Государство «допускает полностью непреодолимую возможность причинения вреда источниками повышенной опасности», ставит указанный факт в один ряд с возмещением вреда от осуществления правомерных действий (например, крайняя необходимость, деятельность пожарных и т.п.)[180]. Нелишним будет отметить также позицию Р.О. Халфиной, которая указывала, что «остается известная область, где трудно вменить в вину лицу, на которого возлагается ответственность, причиненный им вред», речь идет о деятельности, которая связана с повышенной опасностью. «Закон в этом случае отдает предпочтение интересам потерпевшего. Но это исключение (и, надо надеяться, временное) из общего правила. Нет оснований строить общую теорию

---

[176] См.: *Красавчиков О.А.* Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М.: Юрид. лит., 1966. С. 127-128, 131-137, 147. См., также: *Хвостов А.М.* Указ. соч. С. 42.

[177] *Явич Л.С.* Указ. соч. С. 135.

[178] См.: *Матвеев Г.К.* Основания гражданско-правовой ответственности. М.: Юрид. литература, 1970. С. 6-7.

[179] См.: *Малеин Н.С.* Указ. соч. С. 15-16.

[180] Там же. С. 12-13.

ответственности на этом исключении»[181].

В связи с изложенным необходимо сделать еще одну важную оговорку. Ответственность концентрирует в себе отрицательную оценку поведения лица государством и обществом, чего нет и быть не может при возмещении вреда, ставшего следствием случая. В указанном контексте должны быть созданы определенные юридические механизмы, позволяющие лицу принять на себя обязанность в рамках разумного распределения интересов участников правоотношений, иначе, как справедливо подчеркивал Ю.А. Денисов, почему бы не возвести в такое же правило принятие риска возможности своего случайного падения на льду (для возмещения вреда потерпевшему)[182]. Наиболее приемлемым направлением, как видится, является развитие института страхования, что, в принципе, уже реализовано на законодательном уровне применительно к риску владельца источника повышенной опасности[183]. В подобном ключе, по-видимому, следует рассматривать и «ответственность» профессиональных участников оборота. Возмещение причиненного вреда на началах риска и в рамках института страхования позволяет исключить возможность отговорки невиновностью и тем самым не обусловит снижение доверия к предпринимательству[184].

Несколько иную аргументацию безвиновная «ответственность» имеет в рамках исследований, предпринимаемых в конституционном праве. Авторы, пытаясь обосновать конституционно-правовую ответственность и ее основания,

---

[181] *Халфина Р.О.* Указ. соч. С. 341.

[182] См.: *Денисов Ю.А.* Указ. соч. С. 112. Н.С. Малеин подчеркивал, что «право одинаково не в состоянии как запретить камню падать на землю, так и случайно падать человеку» (*Малеин Н.С.* Указ. соч. С. 14).

[183] См., например: Федеральный закон от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // СЗ РФ. 2002. № 18. Ст. 1720; Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4194; Федеральный закон от 14 июня 2012 года № 67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном» // СЗ РФ. 2012. № 25. Ст. 3257.

[184] См.: *Сарбаш С.В.* Элементарная догматика обязательств: Учебное пособие / Исслед. центр частн. права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, Рос. школа частн. права. М.: Статут, 2016. С. 288. Автор указывает, что «случайное неисполнение обязательства должником является тем риском, который возлагается на любого кредитора» (Там же. С. 286).

неизбежно сталкиваются с политическими по своей природе деяниями, которые фактически не образуют составы правонарушений (например, правомерная, но недостаточно эффективная экономическая политика Правительства)[185]. Например, В.И. Червонюк отмечает, что основанием ответственности может быть даже событие, не связанное с действиями субъекта, а также ответственность может возлагаться за действия третьих лиц, поэтому конституционный деликт характеризуется «усеченным» составом, без вины[186]. Н.М. Колосова, указывая, что конституционный деликт имеет в своей структуре субъективную сторону, тем не менее отмечает, что возможна ответственность без вины[187]. А.А. Кондрашев называет помимо вины субъективно-объективным основанием конституционно-правовой ответственности также «осознанное субъектом представление о возможных отрицательных конституционно-правовых последствиях собственных правомерных действий при наличии специфических объективных обстоятельств – т.е. риск»[188].

Любопытную «замену» вине как признаку конституционного деликта предлагает Ж.И. Овсепян, которая считает, что в конституционном праве вместо вины должна действовать презумпция компетенции, близкая по смыслу с ответственностью владельца источника повышенной опасности в гражданском праве. Так, властные полномочия субъектов конституционного права – такие же

---

[185] Так, С.А. Авакьян отмечает, что проблема вины в рамках конституционно-правовой ответственности ставит ряд вопросов, например, как оценивать вину индивида (депутат старается, но не справляется) или что делать, если санкция наступает за правомерное поведение (роспуск Госдумы Президентом) (см.: *Авакьян С.А.* Актуальные проблемы конституционно-правовой ответственности / Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. проф. С.А. Авакьяна. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 31-32).

[186] См.: Общая теория права и государства. С. 356.

[187] См.: *Колосова Н.М.* Конституционная ответственность в России. М.: Юрайт, 2017. С. 107. Указанную позицию можно обнаружить и в ряде других работ (см., например: *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации : Учебник для вузов. 6-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2007. С. 34; *Шон Д.Т.* Конституционная ответственность // Государство и право. 1995. № 7. С. 38; *Забровская Л.В.* Конституционно-правовая ответственность в ретроспективном формате // Закон и право. 2003. № 3. С. 34). При этом по меньшей мере странными выглядят попытки обосновать понятие конституционного деликта через одновременное указание в его определении на то, что это деяние «виновное или невиновное» (*Ливадная Ю.А.* Конституционный деликт: понятие, состав, нормативное регулирование (сравнительно-правовое исследование) : дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. С. 56).

[188] См.: *Кондрашев А.А.* Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 177.

источники повышенной опасности, которыми надо «умело» управлять. Наделение такими полномочиями влечет необходимость претерпевать возможные негативные последствия своей деятельности[189]. Интерес представляет также выделение В.А. Виноградовым такого основания ответственности, как представление о возможных отрицательных конституционно-правовых последствиях риска собственных правомерных действий (например, при формировании главой государства Правительства), в этом случае риск выступает в качестве минимального уровня вины[190].

И все же позволим себе обратить внимание, что обоснования безвиновной «ответственности» в сфере конституционного права преимущественно обусловлены желанием отдельных авторов встроить в теорию конституционного права теории политические по содержанию санкции (роспуск Правительства, отзыв депутата и т.п.), которые напрямую не связаны с правонарушением и его классическим теоретическим составом.

Таким образом, представляется верным обозначить, что концепция безвиновной «ответственности»[191] не находит достаточных теоретико-правовых подтверждений, которые позволили бы ей встроиться в общую систему категорий охранительной части права (принуждение, юридическая ответственность, правонарушение, вина). При этом данный вывод видится справедливым как для теории, так и для отраслевых наук, следовательно, обоснован он и для финансового (бюджетного) права.

Завершая общий анализ проблем, связанных с определением места категории вины в системе правовых явлений общего порядка, отметим также позицию

---

[189] См.: *Овсепян Ж.И.* Критерии конституционной ответственности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2001. № 4. С. 26.

[190] См.: *Виноградов В.А.* Конституционно-правовая ответственность: системное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 29.

[191] При этом употребление указанного термина к отдельным (и порой вполне оправданным) случаям возмещения вреда может быть объяснено давностью соответствующей традиции. Думается, что правильное терминологическое распределение явлений ответственности (правонарушения, вины) и института возмещения вреда, основанного на риске, позволит, в частности, отказаться от эквилибристических приемов, например, указывая, что ответственность без вины, будучи исключением, также знает исключения, проявляемые при умысле потерпевшего или действии непреодолимой силы (см.: *Прокопович Г.А.* Указ. соч. 205-206).

отдельных ученых, заключающуюся в том, что вина не является признаком правонарушения, а должна рассматриваться в контексте невиновности как условие освобождения от ответственности. Данная идея нашла свое отражение в трудах С.С. Алексеева о гражданском правонарушении, который считал, что вина может быть отнесена к субъективным элементам состава, однако в сфере регулирования гражданского права она не имеет универсального значения (а потому и не является универсальным, общим элементом состава). Ученый предлагал отказаться от аналогий с уголовным правом, рассматривать вину не в качестве элемента состава, а через категорию невиновности как условия освобождения от ответственности. По мысли С.С. Алексеева, «такое решение проблемы вины вытекает из действия в гражданском праве презумпции виновности правонарушителя», за которой, таким образом, признается также материально-правовое значение[192]. Думается, что отмеченные ученым особенности гражданского правонарушения являются в конечном счете лишь особым приемом законодательной техники и не должны влечь изменение общей парадигмы[193]. По этому поводу Е.В. Юрчак справедливо отмечает, что из презумпции вины не следует исключение данной категории из числа необходимых элементов состава правонарушения[194].

С учетом всего вышеизложенного зафиксируем следующие предварительные выводы. Вина отражает субъективную сторону правонарушения, являясь его необходимым и наиболее важным признаком, так как позволяет выделить правонарушение в массе других внешне противоправных действий или бездействия[195] лица. Следовательно, невозможно поддержать выделение как двух

---

[192] См.: *Алексеев С.С.* Наука права в Избранное / Вступ. сл., сост.: П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2016. С. 109-110. Ученый при этом критикует сторонников теории причинения, считает лишь, что вина – не условие ответственности, а невиновность – основание освобождение от нее. Поэтому С.С. Алексеев предлагал «выровнять» значение категорий «гражданское правонарушение» и «основания освобождения от гражданско-правовой ответственности» (Там же. С. 112).

[193] См., например: *Самощенко И.С.* Указ. соч. С. 133.

[194] См.: *Юрчак Е.В.* Указ. соч. С.18.

[195] Между строк заметим, что доминирующий подход к деянию, распадающемуся на действие или бездействие, был несколько иначе интерпретирован Г.Ф. Шершеневичем. По мысли ученого, правонарушения как действия раскрываются в виде совершения или упущения. Упущение охватывает случаи, когда «человек допускает

видов правонарушений (субъективных и объективных[196]), так и правонарушений с усеченным составом (без признака вины). Правонарушения и объективно противоправные деяния представляют собой именно разнопорядковые, качественно отличные друг от друга правовые явления. В таком качестве вина как элемент состава правонарушения предстает обязательным условием юридической ответственности. Указанное понимание позволяет также в полной мере обеспечить превентивную и воспитательную функции ответственности[197].

В тех случаях, когда нарушение сопровождалось особым отношением лица к совершенному им деянию и/или его последствиям, то есть было виновным, государство, преследуя цели общей и частной превенции, воспитания и восстановления социальной справедливости, может и должно реагировать иначе. Называя такое деяние правонарушением, государство привлекает лицо к юридической ответственности, налагает на него дополнительные обременения, лишения и ограничения личного, имущественного или организационного характера. В этом смысле право предстает как социальный регулятор, отрицающий принцип причинения, объективное вменение[198]. Другими словами, вина детерминирует правонарушение, отличает его от объективно противоправных деяний и, как следствие, обусловливает юридическую ответственность. Справедливо при этом, что порой цели восстановления прав пострадавшего лица требуют, чтобы субъективные аспекты нарушения не учитывались – в указанных случаях никакие меры юридической ответственности применяться к лицу

произойти изменениям, которые он обязан был предотвратить». При бездействии же отсутствует всякий мотив к изменению, при упущении – имеется воля на изменение (см.: *Шершеневич Г.Ф.* Указ. соч. С. 545-546).

[196] Указанное деление предлагалось еще в римском праве и поддерживалось в отдельных работах немецких романистов (см., например: *Дернбург Г.* Пандекты: Пер. с немецкого. Общая часть. Т. 1 / Под ред.: П. Соколовский; Пер.: Г. Фон Рехенберг. М.: Унив. тип., 1906. С. 233).

[197] См.: *Халфина Р.О.* Указ. соч. С. 335.

[198] Как представляется не имеет смысла отдельно останавливаться на тех позициях, которые подразумевают ответственность, основанную на принципе причинения (объективного вменения) в качестве общего правила. Так, например, согласно П. Гольбаху основанием ответственности является не вина, но факт причинения вреда либо угроза его причинения – «в силу этого права общество может в целях самосохранения устрашать и наказывать тех, кто пытается повредить ему или кто совершает поступки, признаваемыми им вредными для своего спокойствия, безопасности, счастья» (*Гольбах П.* Система природы, или о законах мира физического и духовного. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. С. 134).

не должны, а восстановление может быть обеспечено мерами защиты.

Таким образом, парные категории «ответственность – меры защиты», «правонарушение – объективно противоправное деяние» дифференцируются на основании признака вины, следовательно, именно категория вины является необходимым и наиболее важным элементом системы государственного правового принуждения. В связи с этим резюмируем, что связь «вина – правонарушение – ответственность» остается парадигматической, распространяя свое значение на все отрасли права и отраслевые науки.

В дальнейшем при конструировании теоретико-правовой модели вины в бюджетном праве мы будем в полной мере руководствоваться приведенными умозаключениями, при этом принимая во внимание ориентированность механизма бюджетно-правового регулирования на восстановление нарушаемых публичных интересов и необходимость достижения целей финансово-бюджетной политики.

§ 1.2. Концепции вины в правовой науке

Определение места категории вины в праве, ее связей и взаимодействия с иными охранительными конструкциями позволяет перейти к рассмотрению вины в содержательном аспекте. Необходимо отметить, что на протяжении длительного периода становления и развития учения о вине в юридической науке предлагались различные концептуальные подходы к ее пониманию и определению. Выделим две основные научные концепции вины: как внутреннее состояние правонарушителя (психологическая концепция) или как непринятие всех необходимых и возможных мер для соблюдения установленных правовых предписаний (поведенческая концепция)[199]. Выбор той или иной модели для потребностей бюджетно-правового

[199] В.П. Мозолин именует их (для целей гражданского права) несколько иначе – «доктрина психической обусловленности поведения правонарушителя и доктрина объективно возможной заботливости и осмотрительности в поведении участника гражданского правоотношения» (*Мозолин В.П.* О субъективных основаниях гражданско-правовой ответственности // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: Материалы для

регулирования обусловливает необходимость более подробной характеристики указанных теоретических моделей.

Психологическая концепция фактически объясняет ранее установленную связь вины, правонарушения и юридической ответственности, так как предлагает понимание категории вины как особого психического отношения лица к совершенному деянию и/или его последствиям, которое представляет собой субъективное, внутреннее, индивидуально-избирательное отражение взаимосвязи и взаимозависимости различных сторон существования объективной реальности[200]. В то же время в данной трактовке вина не тождественна правонарушению, как само отражение не тождественно отражаемому объекту[201].

С учетом анализа многочисленных работ по проблематике вины можно констатировать, что именно психологическая концепция является доминирующей как в теории права, так и в большинстве отраслевых юридических наук. Объясняется это тем, что вина изначально исследовалась в рамках науки уголовного права, наработки и выводы которой легли в основу последующего понимания вины на теоретическом уровне[202]. В этой связи уместно привести замечание А.М. Васильева о том, что правовые понятия могут быть разработаны в рамках специальной юридической науки, далее благодаря своей общенаучной значимости они трансформируются в общеправовые категории, а затем распространяются на другие отраслевые науки «как особый вариант общей правовой категории в их понятийный аппарат»[203]. При этом следует поддержать мнение И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшина, которые отмечали, что содержание вины разнится как внутри отрасли (одно преступление отличается от другого),

---

VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся / отв. ред. Н.Г. Доронина. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2013. С. 31).

[200] См.: *Векленко С.В.* Диалектика и вопросы вины в уголовном праве. Омск: Омская академия МВД России, 2003. С. 36.

[201] См.: *Назаренко Г.В.* Указ. соч. С. 37.

[202] Так, А.А. Кондрашев считает, что выработанные на уровне теории подходы к правонарушению в целом зачастую не более чем калька из уголовно-правовой науки (см.: *Кондрашев А.А.* Указ. соч. С. 94-95). Г.К. Матвеев также подчеркивал, что, определяя вину, цивилисты «брали за данное то, что писалось криминалистами о ней» (*Матвеев Г.К.* Вина в советском гражданском праве. С. 169).

[203] *Васильев А.М.* Указ. соч. С. 96.

так и между ними (понятие вины в уголовном праве отличается от ее понятия в гражданском праве), но существуют общие существенные черты вины «как неотъемлемого субъективного элемента состава каждого правонарушения»[204]. Данное замечание особенно полезно для бюджетного законодательства, которое в настоящее время зачастую не учитывает наработки правовой науки и законодательные подходы в иных сферах в части конструирования охранительных институтов, включая вопрос о категорировании вины.

Обратимся к предложенным в науке определениям вины. Так, по мнению А.Ф Черданцева, вина представляет собой психическое отношение субъекта к своим действиям и последствиям и выражается в осознании, предвидении, желании наступления таких вредных последствий. Соответственно, отсутствие свободы выбора, ущербность в сознании и воле исключает виновность[205]. В.В. Лазарев отмечает, что вина – это психическое отношение субъекта к деянию и его последствиям[206]. Согласно В.П. Грибанову вина – это «психическое отношение лица к своему противоправному поведению и к его результату, основанное на возможности предвидения и предотвращения последствий этого поведения»[207]. Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский считают, что вина подлежит определению через психическое отношение лица к совершаемому деянию, которое характеризуется порочным характером, выражаясь в негативном отношении к сложившимся социальным ценностям[208]. А.М. Хвостов указывал, что общее понятие вины состоит в том, что она «расценивается как порочное состояние воли и интеллекта и осуждается советским обществом», поэтому виной следует признать психическое отношение правонарушителя к своим противоправным действиям и их результатам[209].

---

[204] *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* Указ. соч. С. 83.
[205] См.: *Черданцев А.Ф.* Указ. соч. С. 308-309.
[206] См: Проблемы общей теории права и государства. С. 487.
[207] *Грибанов В.П.* Указ. соч. С. 340.
[208] См.: *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 288.
[209] См.: *Хвостов А.М.* Указ. соч. С. 19.

А.И. Рарог, обобщая многоаспектное и вариативное понимание категории вины в рамках психологической концепции, отмечает три стороны ее реализации: собственно с психологической – вина как интеллектуальное и волевое отношение лица к совершаемому деянию, с юридической – сформулированная в законе комбинация сознательных и волевых процессов в психике субъекта при совершении правонарушения, с социально-политической – отношение к ценностям человеческого общества[210]. Г.К. Матвеев подчеркивал, что правонарушение есть всегда результат порочной воли лица, и в этом состоит общий момент всех отраслевых юридических наук при определении вины[211]. При этом отметим, что юридическая вина является наиболее вредным видом отрицательного отношения к общественным интересам, так как посягает на правопорядок, а также демонстрирует противопоставление воли правонарушителя и воли государства, которое олицетворяет в данном случае все общество[212]. Так и в бюджетном праве категория вины позволяет продемонстрировать, что правонарушитель отрицает публичные интересы, установленные государством в нормах бюджетного законодательства; вина такого лица свидетельствует о посягательстве на правопорядок в финансово-бюджетной сфере, стабильное функционирование бюджетно-правового механизма.

Некоторые ученые в определении вины дополнительно указывают, что это не просто особое психическое отношение человека, но именно упречное (осуждающее) отношение как падающий на правонарушителя упрек со стороны общества и государства. Например, С.Н. Братусь под виной понимал упречное состояние психики правонарушителя, в основе которой – относительная свобода воли и, как следствие, свобода выбора тех или иных действий[213]. И.С. Самощенко также предлагал считать виной «упречное состояние психики субъекта, которое

---

[210] См.: *Рарог А.И.* Указ. соч. С. 107. См. также: *Векленко С.В.* Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве. С. 70; *Демидов Ю.А.* Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М.: Юридическая литература, 1975. С. 111.

[211] См.: *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 181.

[212] См.: *Самощенко И.С.* Указ. соч. С. 143.

[213] См.: *Братусь С.Н.* Указ. соч. С. 18.

заключается в его отрицательном отношении к интересам социалистического общества». По мысли ученого, в упреке раскрывается, что правонарушение посягает на ценности общества[214]. Вместе с тем при допущении определения вины через упрек, необходимо помнить о справедливой критике оценочной теории, которая была отвергнута еще в советской уголовно-правовой науке[215]. Минусы данной теории состоят в том, что, отрицая существование вины как факта объективной реальности, она не предлагает каких-либо объективных критериев оценки (лишь сугубо субъективные, например, интуицию судьи)[216]. Поэтому В.В. Лунеев справедливо подчеркивал, что именно психологическая теория требует от суда определять вину как факт объективной реальности, а не делать этого «по своему внутреннему убеждению в виде морального упрека, основанного на отрицательной общественной оценки личности и ее деяния или, еще хуже, – на оценке красноречия прокурора или защитника»[217]. В.Н. Кудрявцев отмечал, что иногда правонарушения совершаются людьми, которые имеют нормальные интересы и потребности, однозначной, жесткой связи между потребностями и поступками попросту не существует[218]. В.С. Нерсесянц также подчеркивал принадлежность вины к числу категорий объективной реальности, отмечая,

---

[214] См.: *Самощенко И.С.* Указ. соч. С. 141. В более поздней работе (совместной с М.Х. Фарукшиным) автор определяет вину иначе, без указания на упречность деяния, а именно как «отрицательное внутреннее отношение лица к интересам советского общества, коллектива или гражданина» (*Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* Указ. соч. С. 89).

[215] В советском уголовном праве подверглись критике две предложенные в то время концепции вины – как опасного состояния и как оценки. В первом случае вина подменяется опасностью личности, а совершенное деяние есть результат проявившегося симптома такого состояния. Ответственность «за опасное состояние» предусматривает, что суд устанавливает степень вероятности совершения лицом преступлений. Оценочная теория вины (ее придерживались, в частности, М.М. Исаев (см.: *Исаев М.М.* Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик. М., Л.: Гос. изд-во, 1927) и Б.С. Утевский (см.: *Утевский Б.С.* Указ. соч.)) предполагает определение вины как упрек, который падает на преступника, позволяет вводить значительный произвол в деятельность компетентных органов при установлении вины лица в совершенном преступлении. Указанные концепции были отвергнуты по той причине, что фактически подменяли собой принцип субъективного вменения, называя виной то, что фактически является объективным вменением. Подробнее о данных концепциях см., например: *Лунеев В.В.* Указ. соч. С. 10; *Назаренко Г.В.* Указ. соч. С. 31-32, 62.

[216] См.: *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 134. Указанный автор также отмечал, что вина существует независимо от оценки данного явления судом; вина лица не может отождествляться с суждением лица о его виновности (Там же. С. 172).

[217] *Лунеев В.В.* Указ. соч. С. 12-13. См. также: *Андреев И.А*. Очерк по уголовному праву социалистических государств. М.: Юридическая литература, 1978. С. 71

[218] См.: *Кудрявцев В.Н.* Правовое поведение: Норма и патология. М.: Издательство «Наука», 1982. С. 166.

что вина – это не просто внутренний субъективный замысел, но «сознательно-волевой компонент определенного, внешне объективированного и уже содеянного противоправного действия (или бездействия) определенного правонарушителя»[219].

Рассмотрение вины в рамках психологической концепции обусловливает выделение двух ее элементов – интеллектуального (осознание) и волевого (желание)[220], на основании комбинирования которых выделяются формы вины – умысел и неосторожность. В большинстве теоретических, а также отраслевых исследованиях формами вины преимущественно называют именно умысел и неосторожность, являющиеся единственно возможными формами психического отношения к противоправному поведению и результату, которые могут осуждаться обществом и государством[221]. Согласно А.И. Рарогу формы вины определяют способ интеллектуального и волевого взаимодействия субъекта с объективными обстоятельствами, составляющими юридическую характеристику противоправного деяния, и состоят в законодательно определенных сочетаниях интеллектуальных и волевых процессов, протекающих в психике виновного лица[222]. Более подробно комбинации форм вины в различных отраслях права и законодательства для целей формирования концепции вины в бюджетном праве будут раскрыты в параграфе 2.2 настоящей работы.

Второй значимой концепцией вины является поведенческая теория, которая

---

[219] *Нерсесянц В.С.* Указ. соч. С. 246. См. также: *Дагель П.С., Михеев Р.И.* Указ. соч. С. 7; *Ситковская О.Д.* Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Зерцало, 1999. С. 40.

[220] См.: *Хвостов А.М.* Указ. соч. С. 22. Указанные элементы составляют содержание вины, вопрос о котором в основном разрабатывался в рамках уголовно-правовой науки (см., например: *Рарог А.И.* Указ. соч. С. 87; *Назаренко Г.В.* Указ соч. С. 51). С.В. Лунеев при этом считал, что в содержание вины следует добавить мотивационный и эмоциональный компоненты в качестве интеллектуально-эмоционального и мотивационно-волевого соответственно (см.: *Лунеев В.В.* Указ. соч. С. 23).

[221] См.: *Самощенко И.С.* Указ. соч. С. 138. Следует отметить, что в само определение вины преимущественно включается указание на то, что раскрывается такое отношение через формы умысла и неосторожности. Такой подход является традиционным для отечественной науки (см.: *Денисов Ю.А.* Указ. соч. С. 103; *Самощенко И.С.* Указ. соч. С. 131; *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* С. 89). Так, например, Г.К. Матвеев определял вину в гражданском праве как психическое отношение нарушителя социалистического гражданского правопорядка к своим противоправным действиям и их вредным последствиям в форме умысла или неосторожности (см.: *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 178). О.В. Дмитриева отмечает, что в гражданских кодексах разных стран понятие вины в основном не фиксируется, указанные акты ограничиваются указанием на ее существование в формах умысла и неосторожности (см: *Дмитриева О.В.* Указ. соч. С. 37).

[222] См.: *Рарог А.И.* Указ. соч. С. 88.

предполагает, что исследованию на предмет виновности лица подлежит собственно его поведение, выраженное в факте совершения правонарушения. Поэтому вина определяется как непринятие всех зависящих от лица мер по соблюдению выраженных в правовых нормах требований, в том числе в части стандартов заботливости, осмотрительности, недостаточно организованной деятельности, осторожности, внимательности и т.п.[223]. Следует отметить, что вопрос об отходе традиционного понимания вины как психического отношения был впервые поставлен в гражданском праве, а с учетом близости предметов регулирования гражданского и финансового (и, следовательно, бюджетного) права, он актуален и для целей настоящей работы. Так, например, указывается, что уголовно-правовые воззрения на вину как на «некое гипотетическое психическое отношение правонарушителя к своим действиям и их последствиям» чужды цивилистике. М.И. Брагинский и В.В. Витрянский называют такую практику насаждения уголовно-правовых понятий в гражданское право порочной[224]. Еще один аргумент заключается в том, что основной функцией гражданско-правовой ответственности выступает восстановительная, а для компенсации убытков не имеет существенного значения, как именно переживал нарушение должник (причинитель вреда), в том числе в какой форме вина была реализована[225]. В связи с этим в гражданском праве наиболее распространенной оказалась поведенческая (или как ее еще называют – объективная) концепция вины. Она состоит в непринятии всех мер для надлежащего исполнения обязательства, которые требовались от лица при степени заботливости и осмотрительности, соответствующей характеру обязательства и условиям оборота[226].

---

[223] Собственно, в неясных, размытых критериях определения вины при таком подходе и состоит основной минус данной концепции (см.: *Булаевский Б.А.* Презумпция вины в деликтных обязательствах: некоторые вопросы теории // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: Материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся. С. 32-33).

[224] См.: *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право: Общие положения. М.: Статут, 1998. С. 582-583; См. также: *Пугинский Б.И.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юридическая литература, 1984. С. 151-153.

[225] См.: Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. Е.А. Суханов. 4-е изд., стер. М.: Статут, 2014. С. 462.

[226] См: *Сарбаш С.В.* Указ. соч. С. 287; *Тололаева Н.В.* Признание сделки недействительной и ответственность по договору: разъяснения ВС РФ. М.: Актион-Медиа М., 2017. С. 63-64.

Важно подчеркнуть, что объективный критерий исходит не из способностей конкретного лица, но пытается ответить на вопрос, было ли в состоянии в данной конкретной ситуации предотвратить вред разумно мыслящее абстрактное лицо[227]. Х.И. Шварц писал: «К тому, кто нарушает уровень поведения, присущий среднему добросовестному гражданину социалистического общества, мы вправе обратиться с упреком: почему ты вел себя хуже, чем в подобных условиях должен был вести себя советский гражданин?»[228]. В.М. Нечаев указывал, что в гражданском праве действует абстрактная вина (culpa in abstracto), согласно которой применяется мерка абстрактного человека – поведение хорошего отца семейства, делового человека; ответственность лицо несет не за конкретную вину, а за всякую, абстрактную как отклонение от указанной мерки[229]. С.В. Сарбаш подчеркивает, что при исполнении обязательства следует действовать так же, как все обычно действуют по такому обязательству, как действует средний человек в обществе[230]. Повышенный стандарт применяется в случаях, установленных в законе или соглашением сторон обязательства[231]. Однако все это обусловливает, в частности, риски возврата к объективному вменению. Австрийский цивилист Х. Коциоль обращает внимание, что лица с небольшими интеллектуальными способностями в такой концепции отвечают ввиду самого факта своего существования[232]. В этой связи в науке стандарт поведения, ожидаемый от участника правоотношения, был уточнен и расширен. Так, например, Е.А. Суханов объясняет стандарт должной

---

[227] См.: *Klumpp S.* Die Privatstrafe - eine Untersuchung privater Strafzwecke. Duncker & Humblot. Berlin, 2002. S. 178-179. В англо-саксонском праве критерий среднего человека по традиции определяется понятием «доброго самаритянина» (аналогия впервые была применена в деле «Донахью против Сивенсона» 1932 года (Donoghue v Stevenson [1932] UKHL 100. Режим доступа: https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1932/100.html (дата обращения: 21 февраля 2023 года)).

[228] Ученый считал, что равняться надо именно на среднего человека; ориентироваться на лучшего опасно, так как это приведет к потере «чувства меры и чувства разумного» (*Шварц Х.И.* Указ. соч. С. 35).

[229] См.: *Нечаев В.М.* Вина гражданская / Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. акад. К.К. Арсеньева. Т. 10 (Вёльнер – Власть дисциплинарная). СПб.: Типография Акционерного общества «Брокгаузъ-Ефронъ», 1912. С. 621-623.

[230] См.: *Сарбаш С.В.* Указ. соч. С. 287.

[231] См.: *Шевченко Г.Н.* Вина как условие гражданско-правовой ответственности в российском гражданском праве // Современное право. 2017. № 3. С. 67-74. [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

[232] См.: *Koziol H*. Objektivierung des Fahrlassigkeitsmasstabes im Schadenersatzrecht? Archiv fur die civilistische Praxis (AcP). 1996. Bd. 196. Heft 6. S. 595-599.

степени заботливости и осмотрительности следующим образом: поведение лица подлежит сопоставлению с «реальными обстоятельствами дела, в том числе с характером лежащих на нем обязанностей и условиями оборота и с вытекающими из них требованиями заботливости и осмотрительности, которые во всяком случае должен проявлять любой разумный и добросовестный участник оборота»[233]. В подобном русле рассуждает и А.М. Хужин, подчеркивая, что «вина должна пониматься не как акт сознания, а в качестве характеристики деятельности нарушителя в конкретных условиях ее осуществления»[234]. Другими словами, преодолеть рассмотрение вины как «средней мерки»[235] необходимо через уточнение для судов, что им необходимо оценивать, «приложил ли правонарушитель все усилия, необходимые в данных обстоятельствах»[236].

Перспективы поведенческой концепции представляются актуальными для бюджетного права, в котором преимущественно функционируют субъекты, не относящиеся к предмету своей деятельности (бюджетные средства, являющиеся публичными ресурсами) как собственники, а потому для них целесообразно формирование некоего «стандарта» деятельности в бюджетной сфере. Неслучайно одной из ключевых проблем, выявляемых по результатам мероприятий государственного финансового контроля, является вопрос неэффективности использования бюджетных средств. К примеру, Контрольно-счетной палатой Москвы в 2020-2021 годах[237] установлены недостатки на общую сумму 45 491,9 млн. рублей, обусловленные неэкономным, нерезультативным использованием бюджетных средств, неиспользованием возможностей получения бюджетных средств.

В то же время аргументы сторонников поведенческой концепции требуют дополнительного научного осмысления с учетом следующих немаловажных

---

[233] См.: Российское гражданское право: Учебник. Под ред. Е.А. Суханова. С. 464.

[234] *Хужин А.М.* Указ. соч. С. 45.

[235] Г.К. Матвеев приводил соответствующую критику по этому поводу (см.: *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 168).

[236] *Хвостов А.М.* Указ. соч. С. 30-32.

[237] Сведения приведены согласно данным годовым отчетов о деятельности Контрольно-счетной палаты Москвы в 2020, 2021 годах (сведения за 2022 год не представлены), размещенных на официальном сайте указанного органа. Режим доступа: https://www.ksp.mos.ru/activity/annual_report/ (дата обращения: 15 апреля 2023 года).

обстоятельств. Во-первых, отказ от понимания вины в рамках психологической концепции не может быть обусловлен вопросами удобства правоприменения. Как справедливо подчеркивается в литературе, то, что некоторые ученые-цивилисты называют «областью труднодоказуемых субъективных психических ощущений лица к своему поведению»[238], относится на предмет процессуального, а не материального права[239]. Во-вторых, в рамках избранного нами подхода к определению юридической ответственности, функциями которой всегда выступают как кара, так и восстановление нарушенных прав, рассуждать о неважности субъективных характеристик нарушителя возможно только в рамках мер защиты и в редких допускаемых законом случаях возмещения вреда при казусе, что не имеет ничего общего ни с правонарушением, ни с юридической ответственностью. Наконец, все же именно психологическая модель является универсальным объяснением вины как уникального правового явления, потому что базируется на философско-психологических категориях сознания и воли, предполагающих возможность человека отвечать за свое правонарушение при его осознанном и волевом выборе между правомерным и противоправным[240].

Таким образом, общая эволюция учения о вине и ее философское обоснование свидетельствуют о необходимости учитывать психические характеристики лица при совершении им правонарушения. При этом отдельные случаи возмещения вреда без учета таких характеристик следует относить на иные, нежели юридическая ответственность, правовые институты (меры защиты, институт возмещения вреда за казус). Думается, что именно психологическая концепция вины наилучшим образом подходит для объяснения ценности права как основного социального регулятора. В связи с этим целесообразно признать, что вина всегда должна определяться через психическое отношение, когда речь

---

[238] См.: Российское гражданское право: Учебник. Под ред. Е.А. Суханова. С. 464.

[239] См.: *Хачатуров Р.Л. Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 342.

[240] Стоит особо отметить, что речь идет не об уголовно-правовых подходах, а об учении о свободе воли, детерминистической природе человеческого поведения, обусловленности действий человека его сознанием. Отказ от данных идей повлечет необходимость пересмотра также ряда других понятий, например дееспособности и деликтоспособности (Там же. С. 341).

идет о физических лицах как непосредственно обладающих сознанием и волей субъектов, на которых направлены правовые обязывания, дозволения и запреты. Вместе с тем, несмотря на намечающуюся тенденцию по расширению субъектного состава бюджетных правоотношений за счет физических лиц посредством предоставления им бюджетных средств и определения соответствующих прав и обязанностей, все же для бюджетного права в большей степени характерно участие коллективных субъектов. Однако для формирования обоснованных выводов о применимых концепциях вины для целей бюджетного права необходимо более подробно рассмотреть отмеченную тенденцию расширения субъектного состава бюджетных правоотношений[241].

Следует отметить, что активные законодательные преобразования последних лет стимулировали научную дискуссию по данному вопросу. Речь идет, например, о введении конструкции юридического лица, не являющегося участником бюджетного процесса[242], появлением в статье 6 Бюджетного кодекса РФ[243] категории «получатель средств из бюджета»[244], а также дополнением перечня принципов бюджетной системы принципом участия граждан в бюджетном процессе[245]. Стоит обратить внимание также на случаи «исключительности»

---

[241] См. также: *Ибрагимов Р.Г.* Субъекты бюджетного права в контексте реформирования бюджетного законодательства // Финансовое право. 2022. № 8. С. 40-45.

[242] В соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2013 года № 418-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2013. № 52 (часть I). Ст. 6983). Вплоть до настоящего времени перечень таких лиц определяется на подзаконном уровне в соответствии с приказом Министерства финансов Российской Федерации от 23 декабря 2014 года № 163 «О Порядке формирования и ведения реестра участников бюджетного процесса, а также юридических лиц, не являющихся участниками бюджетного процесса» (зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации 9 февраля 2015 года № 35954) без установления соответствующих критериев.

[243] В соответствии с Федеральным законом от 1 июля 2021 года № 244-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и о приостановлении действия пункта 4 статьи 242.17 Бюджетного кодекса Российской Федерации» (СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5072).

[244] Под которым понимаются две группы субъектов:

– юридическое лицо (не являющееся участником бюджетного процесса, бюджетным и автономным учреждением), индивидуальный предприниматель, физическое лицо - производитель товаров, работ, услуг, получающие средства из бюджета на основании государственного (муниципального) контракта на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг, договора (соглашения) о предоставлении субсидии, договора о предоставлении бюджетных инвестиций;

– юридическое лицо, которому в случаях, установленных федеральным законом, открываются счета в Федеральном казначействе в соответствии Бюджетным кодексом РФ.

[245] В соответствии с Федеральным законом от 29 ноября 2021 года № 384-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и

наделения особыми полномочиями отдельных субъектов. Так, например, публично-правовая компания «Единый заказчик в сфере строительства» стала первой организацией в данной организационно-правовой форме, которая в силу положений Федерального закона от 22 декабря 2020 года № 448-ФЗ[246] наделена полномочиями участника бюджетного процесса (пункт 8.1 статьи 241 Бюджетного кодекса РФ)[247]. Во многом бессистемные процессы, иллюстрируемые данными примерами, свидетельствуют о тенденции превращения Бюджетного кодекса РФ в «лоскутное одеяло», о чем Н.А. Поветкина отмечала еще в 2015 году[248]. Все это объективно требует от финансово-правовой науки однозначно решить вопрос о субъектах бюджетного права в современных реалиях. В этой связи обратимся к теоретическим и финансово-правовым определениям данной категории.

Так, немецкий правовед Г. Еллинек подчеркивал, что быть субъектом права означает находиться «в определенных, нормированных или признанных правом отношениях к правопорядку», поэтому субъект есть «данная извне, созданная волею правопорядка способность»[249]. А.В. Мицкевич в своем фундаментальном труде 1962 года «Субъекты советского права» отмечал, что лицо признается

установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2022 году» (СЗ РФ. 2021. № 49 (Часть I). Ст. 8148). Раскрытие указанного принципа в Бюджетном кодексе РФ не предложено. Следует отметить, что он в первоначальной редакции соответствующего законопроекта отсутствовал, предложен к принятию депутатом А.М. Макаровым в рамках второго чтения и сопровождался также предложением ввести в Бюджетный кодекс РФ статью 36.1, раскрывающую три основных аспекта его понимания: 1) обязанность органов публичной власти проводить публичные слушания или общественные обсуждения проектов бюджетов; 2) право и обязанность органов публичной власти использовать механизмы по вовлечению граждан в процесс принятия решений, направленных на реализацию мероприятий, имеющих для них приоритетное значение и определяемых с учетом их мнения; 3) разработку и реализацию государственных (муниципальных) программ с учетом мнения граждан (см.: Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 390549-4 (в соответствии со сведениями, размещенными в Системе обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/390549-4 (дата обращения: 25 апреля 2022 года)). Относительно возможного научного понимания рассматриваемого принципа см. также: *Миронова С.М.* Принцип участия граждан в бюджетном процессе как принцип бюджетной системы Российской Федерации: понятие и правовое закрепление // Финансовое право. 2022. № 6. С. 20-25; *Саттарова Н.А.* Принцип участия граждан в бюджетном процессе // Финансовое право. 2022. № 6. С. 26-29.

[246] «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 52 (Часть I). Ст. 8594.

[247] Иным публично-правовым компаниям предоставляются субсидии в соответствии с положениями статьи 78.3 Бюджетного кодекса РФ.

[248] См.: *Поветкина Н.А.* Бюджетное законодательство Российской Федерации: перспективы развития // Финансовое право. 2015. № 9. С. 3-6 [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

[249] *Еллинек Г.* Общее учение о государстве / пер. с нем. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1903. С. 106.

субъектом права в силу распространения на него действия закона, то есть независимо от участия в тех или иных правоотношениях лицо обладает определенным набором прав и обязанностей, составляющим содержание его правосубъектности (правовой статус)[250]. Г.В. Мальцев рассматривал в качестве субъекта права лиц, которые правовыми нормами наделяются определенными правами и обязанностями[251]. По мнению В.Е. Чиркина, субъект права представляет собой «самостоятельное (автономное в пределах закона) образование, имеющее свои интересы, цели и волю, права и обязанности, выполняющее свою роль в обществе, участвующее в создании норм права и (или) в правоотношениях»[252]. Обобщая основные научные воззрения отечественных ученых, Р.Т. Биктагиров определяет в таком качестве лицо, наделенное законом правами и обязанностями и способное своими сознательными действиями осуществлять их (правосубъектность)[253].

Согласно взглядам различных представителей финансово-правовой науки в качестве субъекта финансового права определяется лицо, имеющее финансовую правосубъектность, обусловленную предметом (аккумулирование, распределение, перераспределение и использование централизованных и децентрализованных фондов денежных средств) и методом данной отрасли права[254]. Учеными особо подчеркивается несовпадение категорий субъекта финансового права и субъекта финансового правоотношения. Как отмечала Н.И. Химичева, «юридические права и обязанности в сфере финансовой деятельности принадлежат субъектам финансового права в силу действия финансово-правовых норм, независимо

---

[250] См.: *Мицкевич А.В.* Избранное / Сост. и авт. предисловия Е.А. Юртаева. М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2010. С. 148, 150.

[251] См.: *Мальцев Г.В.* Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). М.: Юрид. лит.,1968. С. 33–34.

[252] *Чиркин В.Е.* Юридическое лицо публичного права. М.: Норма, 2007. [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

[253] См.: *Биктагиров Р.Т.* Субъект права как опорная категория юриспруденции // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 2. С. 52.

[254] См.: *Древаль Л.Н.* Субъекты российского финансового права: теоретико-правовое исследование: Автореф. … дис. д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 16-17, 19; *Мирошник С.В.* К вопросу о субъектах финансового права // Проблемы экономики и юридической практики. 2012. № 2. С. 151; *Мошкова Д.М.* К вопросу о субъектах финансового права // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11. С. 72.

от участия в конкретных правоотношениях»[255]. М.В. Карасева также подчеркивает, что «субъект финансового права обладает финансовой правосубъектностью и может благодаря этому участвовать в конкретном финансовом правоотношении»[256].

Относительно классификации следует отметить, что в настоящее время в науке в основном выделяются три группы субъектов финансового права: публично-территориальные образования, коллективные и индивидуальные субъекты[257]. По мысли Л.Н. Древаль, в основе указанной классификации лежит степень заинтересованности субъектов в осуществлении публичной финансовой деятельности[258]. Существует также классификация, предполагающая деление субъектов финансового права на обладающими властными полномочиями (публично-правовые образования, органы публичной власти) и не обладающими таковыми (физические лица и организации), или публичные и частные субъекты соответственно. Так, например, С.В. Мирошник на основе видов правосубъектности отмечает, что в рамках частной правосубъектности субъект, руководствуясь собственными интересами и подчиняясь публичным интересам, выступает в качестве функционально подчиненной стороны правоотношений; в свою очередь, публичная правосубъектность предполагает, что лицо, руководствуясь публичными интересами и имеющими публичное значение частными интересами, выступает в качестве управомоченной обладающей властными полномочиями стороны правоотношений[259]. Кроме того, в условиях все большей степени дифференциации форм и методов осуществления финансовой деятельности выделению подлежат также субъекты, которые наделяются отдельными делегированными властными полномочиями. Такие лица, именуемые,

---

[255] Финансовое право: учебно-методический комплекс / Отв. ред. д. ю. н., проф. Н. И. Химичева. М.: Норма, 2005. С. 141-142.

[256] Финансовое право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. М.В. Карасева. С. 101.

[257] Там же. С. 102. См. также: Финансовое право: учебно-методический комплекс. С. 142; Финансовое право: учебник / отв. ред. и авт. предисл. проф. С.В. Запольский. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юридическая фирма «Контракт»: Волтерс Клувер, 2011. С. 67.

[258] См.: *Древаль Л.Н.* Указ. соч. С. 18-19.

[259] См.: *Мирошник С.В.* Указ. соч. С. 151.

например, парапубличными организациями, учреждаются публичным субъектом в целях более эффективного управления в той или иной сфере (к числу таких лиц можно отнести государственные корпорации, публично-правовые компании и другие)[260].

Рассмотренные характеристики теоретического и финансово-правового характера относительно понимания субъектов в целом справедливы и для бюджетного права. Традиционно под субъектом данной подотрасли понимается лицо, обладающее бюджетной правосубъектностью и в силу этого способное вступать в соответствующие бюджетные правоотношения[261]. Н.А. Поветкина уточняет, что субъектом бюджетного права следует признать обладающего бюджетной правосубъектностью носителя прав и обязанностей в сфере образования и использования денежного фонда соответствующей территории[262]. Классически среди субъектов бюджетного права выделяют публично-правовые образования и органы публичной власти[263]. Однако, как представляется, определение полного перечня субъектов возможно посредством установления круга правоотношений, в которых они могут участвовать. В этой связи объективируется вопрос о предмете бюджетного права, по поводу границ которого вплоть до настоящего времени единого мнения не сложилось. Анализ точек зрения различных ученых позволяет сформулировать два основных подхода[264].

---

[260] См.: *Горлова Е.Н.* Парапубличные организации как субъекты финансового права // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 118.

[261] Так, например, Н.И. Химичева указывала, что субъектом советского бюджетного права является носитель «бюджетных прав и обязанностей в сфере образования и использования общегосударственного фонда Советского государства» (*Химичева Н.И.* Субъекты советского бюджетного права / Под ред.: Манохин В.М. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1979. С. 42). См. также: Финансовое право Российской Федерации: Учебник/ Отв. ред. М.В. Карасева. С. 190.

[262] См.: *Поветкина Н.А.* Российская Федерация как субъект бюджетного права: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 9; см. также: *Поветкина Н.А.* Российская Федерация как субъект бюджетного права: монография. М.: Рос. правовая акад. МЮ РФ, 2004. 148 с.

[263] Подробнее об этом см.: *Поветкина Н.А.* Современная концепция субъектов бюджетного права // Финансовое право. 2004. № 1. С. 33-37.

[264] В отдельных финансово-правовых исследованиях выделяются три подхода (см., например: Управление бюджетными ресурсами и доходами (правовые вопросы) : монография / под общ. ред. С.В. Запольского; Ин-т государства и права РАН. М.: Прометей, 2017. С. 184-205). Для целей настоящей работы уместно некоторые общие позиции объединить и представить именно в рамках двух концептуальных подходов.

Первая точка зрения заключается в идее, что бюджетное право заканчивается там, где завершается исполнение бюджета по расходам, то есть его распределения по участникам бюджетной сети; фактическое использование денежных средств конечными получателями регулируется иными правовыми отраслями и институтами. По этой причине в число субъектов бюджетного права не входят лица, не являющиеся участниками бюджетного процесса (следовательно, все физические и большая часть юридических лиц[265]). Данный взгляд на видовое разнообразие субъектов был сформирован еще советской наукой финансового права. Так, М.И. Пискотин отмечал, что «бюджетное право охватывает лишь нормы, устанавливающие направления бюджетных расходов, их разграничение между различными звеньями бюджетной системы, отнесение финансирования тех или иных расходов и мероприятий на государственный бюджет. Регулирование же непосредственного использования бюджетных ассигнований входит в сферу других правовых институтов»[266]. В.В. Бесчеревных указывал, что одним из характерных признаков, которые позволяют отнести тех или иных лиц к числу субъектов бюджетных правоотношений, является связанность «с бюджетом по линии получения из него соответствующей суммы денежных средств в форме бюджетного финансирования». Поэтому ученый считал субъектами бюджетного права государственные предприятия, учреждения и организации, а также профсоюзы, но не признавал таковыми колхозы, кооперативные предприятия и организации, а также граждан[267]. Данный вывод В.В. Бесчеревных делал исходя из того, что указанные лица «не участвуют в процессе распределения доходов и расходов между бюджетами, не принимают непосредственного участия в стадиях бюджетного процесса и не получают непосредственно из бюджета соответствующих денежных сумм»[268]. Н.И. Химичева также отмечала,

---

[265] Согласно действующему законодательному регулированию в число участников бюджетного процесса включаются получатели бюджетных средств, к числу которых относятся казенные учреждения.

[266] *Пискотин М.И.* Советское бюджетное право. Основные проблемы. М.: Юрид. лит., 1971. С. 51.

[267] См.: Финансовое право / под ред. В. В. Бесчеревных, С. Д. Цыпкина. М.: Юридическая литература, 1967. С. 80-81.

[268] *Бесчеревных В.В.* Развитие советского бюджетного права. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. С. 16.

что характеризующим признаком субъекта бюджетного права может быть «связь с бюджетом по линии получения из него денежных сумм в форме финансирования», поэтому не относила к ним собственно частных субъектов[269].

В современной науке финансового права также превалируют позиции, базирующиеся на взглядах советских ученых. Например, А.Н. Козырин указывает, что «бюджетное право регулирует лишь отношения между различными государственными и муниципальными органами, возникающие в связи с формированием и исполнением бюджетов всех уровней, и не устанавливает непосредственно каких-либо прав и обязанностей для организаций и граждан, т.е. для юридических и физических лиц». В ряде случаев такие лица могут становиться получателями средств из бюджета, но возникающие в связи с этим отношения регулируются не бюджетным, а специальным отраслевым законодательством[270]. К числу субъектов бюджетных правоотношений Н.А. Саттарова также не относит частных субъектов[271]. Ю.В. Леднева предлагает использование бюджетных ассигнований при их предоставлении в формах субсидий, кредитов и инвестиций (то есть за рамками непосредственно процессов распределения по бюджетной сети) рассматривать как подлежащее регулированию финансово-правовым институтом «правовое регулирование публичных расходов»[272]. Исходя из такого понимания ученый делает вывод, что все юридические лица (а также физические лица), не являющиеся участниками

---

[269] См.: Финансовое право. Учебник / ред. Н. И. Химичева. М.: Издательство БЕК, 1995. С. 116. См. также: *Химичева Н.И.* Субъекты советского бюджетного права. С. 61-62. В то же время за гражданами признавалась определенная роль в бюджетном процессе, исходя из требования учитывать наказы избирателей (см.: Советское финансовое право: Учебник. М.: Юрид. лит., 1987. С. 53).

[270] См.: Административное и финансовое право. Ежегодник Центра публично-правовых исследований. Том 1. М.: Центр публично-правовых исследований, 2006. С. 412-437 [Доступ из СПС КонсультантПлюс]. См. также: Бюджетный кодекс Российской Федерации. Поглавный научно-практический комментарий коллектива ученых под рук. д-ра юрид. наук, проф. А.А. Ялбулганова / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.Н. Козырина. М.: ЗАО «Библиотечка РГ», 2012. С. 20.

[271] См.: *Саттарова Н.А.* Принуждение в финансовом праве. / Под ред. проф. И.И. Кучерова. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2006.С. 84.

[272] См.: *Леднева Ю.В.* Юридические лица как субъекты бюджетного права: проблемы правовой идентификации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 8. С. 87.

бюджетного процесса, не обладают признаками субъектов бюджетного права[273]. Подобную точку зрения можно обнаружить в работах и некоторых других современных ученых, например, А.Г. Пауля[274] и Х.В. Пешковой[275].

Стоит отметить, что анализируемый подход получил распространение и в судебной практике. Так, в п. 9 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ[276] от 22 июня 2006 года № 23[277] отмечено, что отношения по поводу предоставления публично-правовым образованием юридическому лицу бюджетных средств на возвратной и возмездной основе носят гражданско-правовой характер, так как не основаны на административном или ином властном подчинении одной стороны другой. Кроме того, согласно неоднократно подтвержденной позиции Верховного Суда РФ «правоотношения между органом, предоставляющим субсидию, и лицом, претендующим на получение субсидии (производителем товаров, работ, услуг) несмотря на то, что в большей степени регулируются нормами Бюджетного кодекса, не являются бюджетными правоотношениями»[278]. В аргументации указанного вывода лежит цепочка рассуждений, основанная на положениях Бюджетного кодекса РФ: статья 1 определяет круг регулируемых бюджетным законодательством отношений, статья 152 перечисляет участников бюджетного процесса, в статье 6 дана дефиниция получателя бюджетных средств, которым не является получатель бюджетной субсидии, ответственность лиц, не являющихся участниками бюджетного процесса, Бюджетным кодексом РФ не предусмотрена.

---

[273] Там же. С. 91. См. также: *Леднева Ю.В.* Субъекты бюджетного права: трансформация правового статуса на современном этапе развития общества и государства // Финансовое право. 2021. № 4. С. 30-34.

[274] См.: *Пауль А.Г.* К вопросу о субъектах бюджетного права // Финансовое право. 2013. № 6. С. 14-18 [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

[275] См.: *Пешкова Х.В.* Концепция правового статуса субъектов бюджетного устройства // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2010. № 4. С. 6.

[276] Здесь и далее – Высший Арбитражный Суд Российской Федерации.

[277] «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 8.

[278] Например, определения от 19 января 2018 года № 308-ЭС17-9296 по делу № А32-41306/2016, от 19 января 2018 года № 308-ЭС17-13889 по делу № А32-41315/2016, от 5 мая 2021 года № 308-ЭС21-5074 (отказано в передаче дела № А53-1166/2020), постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22 декабря 2020 года № Ф03-5187/2020. Следует отметить, что такой подход позволяет судам применять нормы Гражданского кодекса РФ о неосновательном обогащении и взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами.

Второй подход к предмету бюджетного права[279] и определению круга участников бюджетных правоотношений единой концепцией не представлен. Однако его общей чертой является нацеленность на научное осмысление новых форм и способов использования бюджетных средств с привлечением частных субъектов, в том числе посредством механизмов предоставления субсидий, грантов и инвестиций. Так, Н.А. Поветкина отмечает, что в рамках бюджетных правоотношений действуют частные субъекты (получатели инвестиций, субсидий, которым открыты счета в Федеральном казначействе)[280]. М.В. Карасева считает, что в силу получения субсидий и прочих бюджетных средств (юридические) лица становятся субъектами бюджетного права[281]. В подобном русле относительно субсидирования бюджетных учреждений рассуждает и Н.А. Саттарова, отмечая, что действующим Бюджетным кодексом РФ создана ненормальная ситуация: учреждение не является участником бюджетного процесса, а субсидия, поступившая учреждению, не является средствами бюджета[282]. Кроме того, физические лица на стадии исполнения бюджета при предоставлении им субсидий по статье 78 Бюджетного кодекса РФ называются ученым участниками бюджетных правоотношений[283]. Солидаризируясь с приведенными точками зрений, Д.Е. Фадеев отмечает, что субъектами бюджетного права являются все лица, которые принимают участие в бюджетной деятельности государства, в том числе

---

[279] Следует также оговориться, что в большинстве определений предмета бюджетного права так или иначе фигурируют отношения по «использованию» бюджетов публично-правовых образований (см., например: Финансовое право. Учебник / Под ред. Е.А. Ровинского. М.: «Юридическая литература», 1971. С. 103-104; *Химичева Н.И.* Предмет бюджетного права // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2017. № 8. С. 222, 229; *Болтинова О.В.* К вопросу о предмете бюджетного права Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. 2014. № 1. С. 42).

[280] См.: *Поветкина Н.А.* Трансформация бюджетного законодательства: причины, формы, перспективы // Финансовое право. 2021. №. 12. С. 20-23 [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

[281] См.: Финансовое право: Учебник / Колл. авторов; под ред. М.В. Карасевой. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Кнорус, 2012. С. 180. Об этом см. также: *Карасева М.В.* Финансовое правоотношение. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА М), 2001. С. 139.

[282] См.: *Саттарова Н.А.* Проблемы реализации и уровни финансово-правовой политики // Финансовое право. 2018. № 5. С. 8-12 [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

[283] Финансовое право: учебник для бакалавров / Л. Л. Арзуманова, Н. М. Артемов, О. В. Болтинова и др.; отв. ред. Е. Ю. Грачева. М.: Проспект, 2015. С. 97. Некоторые авторы и вовсе называют физических лиц субъектами отношений по поводу формирования доходов бюджета (см.: *Поляк Г. Б.* Бюджетное право. М.: Юнити-Дана, 2007. С. 13).

«субъекты, получающие из бюджетов различных уровней финансовые ресурсы в различных установленных законом формах»[284].

Позволим себе согласиться с позициями указанных ученых и дополнить подход к широкой трактовке круга субъектов бюджетного права следующими аргументами. Во-первых, субъектом той или иной отрасли (подотрасли) права признается лицо, которому данной отраслью (подотраслью) закрепляются права и/или обязанности[285]. Как отмечал А.В. Мицкевич, закрепление в отраслевом законе каких-либо прав и обязанностей за лицом означает легальное признание его способности участвовать в соответствующих (отраслевых) правоотношениях[286]. Другими словами, в силу самого факта установления в бюджетном законодательстве каких-либо положений для тех или иных лиц отношения, возникающие на указанных основаниях, неизбежно приобретают характер бюджетно-правовых. Думается поэтому, что отношения по использованию бюджетных средств должны признаваться бюджетными в том случае, если права и обязанности их участников закрепляются именно бюджетно-правовыми нормами.

Следуя данной логике, отметим, что, например, отношения по поводу поставки товаров (работ, услуг) для публичных нужд не будут являться бюджетно-правовыми, так как они основаны на соответствующем государственном контракте, а права и обязанности сторон по его исполнению в Бюджетном кодексе РФ не определяются[287]. В свою очередь, отношения по поводу предоставления и использования средств бюджета в форме субсидий, грантов или инвестиций следует признать бюджетно-правовыми, так как они регулируются

---

[284] Финансовое право: учебник / отв. ред. и автор пред. С.В. Запольский. С. 147.

[285] См., например: *Мальцев Г.В.* Указ. соч. С. 33–34.

[286] *Мицкевич А.В.* Указ. соч. С. 159. Р.Т. Биктагиров также указывает, что одно и то же лицо может выступать в качестве субъекта различных правовых отраслей (см.: *Биктагиров Р.Т.* Указ. соч. С. 57).

[287] Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652) актом бюджетного законодательства не является. Здесь следует, однако, оговориться и отметить, например, позицию Арбитражного суда Северо-Кавказского округа, изложенную в постановлении от 14 марта 2022 года по делу № А53-29087/2021, где указано, что «победитель конкурентной процедуры должен осознавать, что он вступает в публично-правовые отношения, связанные с расходованием бюджетных средств на реализацию публичных экономически и социально значимых нужд, что предполагает значительную ответственность сторон в этих правоотношениях».

положениями именно бюджетного законодательства[288]. В этом же качестве надлежит рассматривать и отношения по открытию счетов в Федеральном казначействе (в рамках реализации целей казначейского сопровождения), в том числе при поставке товаров (работ, услуг) для публичных нужд[289]. Кроме того, все отношения, возникающие по поводу осуществления государственного (муниципального) финансового контроля в бюджетной сфере, также будут признаны бюджетными, так как права и обязанности их участников регулируются бюджетным законодательством. К слову, в указанной части изложенный подход подтверждается и отдельными судебными решениями. Так, в постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10 декабря 2015 года № Ф01-5204/2015, Ф01-5205/2015 по делу № А11-6953/2014 указано, что юридическое лицо, получив бюджетные средства, стало участником расходов бюджета и в силу пункта 1 статьи 266.1 Бюджетного кодекса РФ – объектом финансового (бюджетного) контроля, следовательно, приняло статус субъекта бюджетных правоотношений. Кроме того, в судебных решениях нередко признается, что в случаях открытия лицевых счетов в Федеральном казначействе, деньги, перечисленные частным субъектам, сохраняют статус бюджетных средств[290].

Во-вторых, относительно позиции о принадлежности норм, регулирующих отношения по использованию бюджетных средств, к финансово-правовому институту публичных расходов[291], следует отметить, что указанный институт

---

[288] См. также: *Поветкина Н.А., Леднева Ю.В.* Бюджетные субсидии: конфликт публичного и частного // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 1. С. 46-69.

[289] К слову, А.Г. Пауль при определении границ предмета бюджетного права предлагает исходить из того, что «денежные средства могут именоваться бюджетными средствами, пока они находятся на счетах бюджетов», «после того, как денежные средства были по тем или иным основаниям списаны со счетов бюджетов, вряд ли имеются основания именовать их бюджетными средствами» (Актуальные проблемы финансового и налогового права : учебное пособие / отв. ред. М.В. Карасева. М.: Проспект, 2020. С. 65-66). Вместе с тем даже в рамках действующего позитивного регулирования функционирует система казначейского сопровождения, при которой неучастникам бюджетного процесса преимущественно открываются лицевые счета в Федеральном казначействе. Поэтому вплоть до списания денег с лицевых счетов в пользу контрагентов неучастников, подобные отношения неучастников с соответствующими традиционными субъектами бюджетного права должны признаваться (даже согласно приведенной логике) именно бюджетными правоотношениями.

[290] См., например: Определение Верховного Суда РФ от 28 октября 2019 года № 310-ЭС19-15258, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16 августа 2021 года № 09АП-45809/2021.

[291] Как отмечалось ранее, такую позицию высказывает, в частности, Ю.В. Леднева.

не существует в системе финансового права изолированно. Позицию о самостоятельном существовании институтов правового регулирования государственных доходов и расходов подверг критике А.И. Худяков, который справедливо отметил, что извлечение данных элементов из бюджетного права «фактически означает их отторжение от самого бюджета. Но бюджет без доходов и расходов с трудом воспринимается даже в качестве теоретической абстракции». Исходя из данной позиции ученый убедительно отмечает, что соответствующие доходы и расходы должны быть отнесены на тот институт финансового права, который опосредует соответствующий им фонд (в рассматриваемом случае – бюджет). А.И. Худяков даже называет обратную точку зрения «плодом теоретического заблуждения»[292]. Косвенно, по крайней мере понятийно, придерживаются данной позиции и другие авторы, отмечая, что «в центре всего бюджетного права, как и всей бюджетной деятельности, стоят два института: доходы и расходы бюджета»[293]. Даже в советское время С.Д. Цыпкин также говорил о признании «соответствующих совокупностей правовых норм институтами (подразделами) бюджетного права»[294], что не мешало, однако, указанному автору рассматривать данные институты отдельно от бюджетного права[295]. С учетом изложенного наиболее верной представляется точка зрения Ю.В. Пятковской, которая отмечает, что «нормы, регулирующие бюджетные расходы, включаются в базовую общность правовых норм – подотрасль финансового права «публичные расходы», а также являются частью комплексной подотрасли финансового права «бюджетное право»[296].

---

[292] *Худяков А.И.* Основы теории финансового права. Алматы: Жеті Жаргы, 1995. С. 220-222. Исходя из вышесказанного А.И. Худяков критикует и попытки ограничить субъектный состав бюджетного права, отмечая (на примере зачисления налогов в бюджет), что почему-то «отношение является бюджетным с экономической точки зрения, но признается иным с правовой). Поэтому для ученого налоговые отношения есть не что иное как бюджетные (Там же. С. 222-223).

[293] *Горбунова О.Н., Селюков А.Д., Другова Ю.В.* Бюджетное право России. Учебное пособие. М.: ООО «ТК Велби», 2002. С. 15.

[294] *Цыпкин С.Д.* Финансово-правовые институты, их роль в совершенствовании финансовой деятельности Советского государства. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 26.

[295] Там же. С. 40-71.

[296] *Пятковская Ю.В.* Правовое регулирование расходов бюджета субъекта Российской Федерации: Дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 365-366.

В-третьих, спорными видятся представления о том, что в связи с использованием бюджетных средств между публичным и частным субъектом не возникают бюджетные правоотношения в виду отсутствия властного характера и императивного метода регулирования[297]. Думается, что это не совсем так. В своей работе, посвященной методу финансового права, И.В. Рукавишникова указывает, что использование элементов диспозитивности при регулировании отношений, связанных с защитой прав и интересов участников финансовых правоотношений, «соответствует конституционным принципам демократизации отношений государства и личности»[298]. Ученый также подчеркивает, что определенная «свобода усмотрения» в деятельности субъектов финансового права обусловлена финансовой политикой государства, которая направлена на «реализацию принципов сбалансированного и эффективного управления публичными финансовыми ресурсами». Нередко публичные функции передаются также негосударственным (немуниципальным) организациям и даже порой физическим лицам[299].

Справедливо отмечают исследователи, что диспозитивность является отражением отдельных проявлений метода всех отраслей права, то есть не ограничивается частным правом, метод которого – автономия воли и юридическое равенство сторон[300]. В.Д. Сорокиным был поставлен вопрос о едином методе правового регулирования для системы права в целом[301]. Ученый отмечает, что метод соединяет в себе черты всех трех первоначальных способов воздействия на поведение субъектов (дозволение, предписание, запрет) и, более того, может существовать лишь как объединение указанных элементов. При этом системность метода позволяет рассматривать его «универсальным, способным одновременно,

---

[297] См., например: *Пауль А.Г.* Бюджетный кодекс Российской Федерации: современные ориентиры предмета регулирования // Финансовое право. 2019. № 2. С. 19-23. [Доступ из СПС КонсультантПлюс]. Этой логикой преимущественно руководствуется и Верховный Суд РФ.

[298] *Рукавишникова И.В.* Метод финансового права. Монография / Отв. ред.: Химичева Н.И. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 171.

[299] Там же. С. 69.

[300] См.: Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка. С. 276.

[301] *Сорокин В.Д.* Правовое регулирование: Предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. С. 105, 108.

хотя и по-разному, воздействовать на все существенные стороны складывающихся в социально-правовой среде связей и явлений»[302]. Соответственно, дозволение (и соответствующий ему тип правового регулирования) может применяться к группам отношений различной отраслевой принадлежности[303]. В свою очередь, для финансового права С.В. Запольский указывает, что императивность данной отрасли проявляется в установлении финансовых процедур, а не в подавлении воли субъектов, скорее придания реализации этой воли организованного характера[304]. М.В. Лушникова и А.М. Лушников подчеркивают, что при характеристике предмета финансового права необходимо учитывать единство публичных и частных начал в правовом регулировании финансовых отношений, что обусловливает потребность во включении в метод отрасли координационные способы, способы согласования, правовых рекомендаций, поощрений, договорно-правового регулирования[305].

Думается, что принадлежность к бюджетному праву тех или иных правоотношений следует определять по их цели, заключающейся в реализации публичного интереса[306]. М.В. Карасева справедливо указывает, что в основе предмета финансового права в целом должно лежать не деление на формы собственности, а на публичный интерес, реализуемый «через любую форму собственности»[307]. При этом данный подход имеет свои истоки в науке финансового права. Так, еще Л.В. Ходский указывал, что государство использует финансы для производства нематериальных ценностей, будь то «внешнее

---

[302] Там же. С. 112-113.

[303] Там же. С. 136-137.

[304] См.: *Запольский С.В.* Указ. соч. С. 75.

[305] См.: *Лушникова М.В., Лушников А.М.* Указ. соч. С. 944.

[306] Соображения о том, что при неравноправии субъектов соглашение сторон невозможно в принципе, блокируются, например, тем, что государство действует в рамках принципов общей экономической эффективности и ограничено своими задачами и функциями действовать в общественных интересах (см.: *Худяков А.И.* Указ. соч. С. 82). Поэтому, в частности, следует поддержать те судебные решения, которые учитывают необходимость достижения баланса интересов в финансово-бюджетной сфере (подробнее об этом см.: *Кустова М.В., Шевелева Н.А.* Коммерческая организация – получатель бюджетной субсидии может защищать свое имущественное право на получение денежных средств // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 4. С. 4-9).

[307] *Карасева (Сенцова) М.В.* Финансовое право – идентификация предмета // Финансовое право. 2022. № 8. С. 2-6 [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

и внутреннее спокойствие страны, защита правового порядка, меры поощрения культурного и экономического развития»[308]. К.Т. Эеберг отмечал, что государство должно принимать на себя только такие задачи (и соответственно расходы), которые частные лица не могут, не должны или не хотят решать[309]. Французский правовед П.М. Годме подчеркивал, что государственные финансы «определяются решениями государства и действиями публичной власти», при этом получение прибыли не является целью, они скорее действуют ради общего интереса[310].

С учетом данного понимания именно в качестве бюджетных (а не гражданских) следует рассматривать правоотношения по поводу, например, предоставления и использования бюджетных субсидий (грантов, инвестиций) на основе заключенного финансового договора[311]. Как справедливо подчеркивает С.В. Запольский, финансовые договоры наглядно демонстрируют стремление финансового права трансформироваться из «инструмента закрепления абсолютного господства государства в сфере финансов в развитый юридический режим, основанный на *законе «взаимодействия»* государства в лице его органов, граждан и производственных коллективов с равными правовыми возможностями каждого»[312]. Значимые аргументы в пользу финансового договора и критику подходов рассмотрения договора исключительно как частноправовой конструкции приводит также А.И. Худяков[313], который справедливо отмечает, что попытки

---

[308] *Ходский Л. В.* Основы государственного хозяйства. Курс финансовой науки. 4-ое изд., перераб. и доп. СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, М. Дворянская, 1913. С. 22-23.

[309] См.: *Эеберг К.Т.* Очерк финансовой науки. Пер. под ред. [и с предисл.] А. Свирщевского. Ярославль: типо-лит. М.Х. Фальк, 1893. С. 23.

[310] *Годме П.М.* Финансовое право / Пер., вступ. ст.: Халфина Р.О. М.: Прогресс, 1978. С. 41-42.

[311] См.: *Запольский С.В., Васянина Е.Л.* Промышленные субсидии - публично-правовой инструмент управления // Право и экономика. 2020. № 10. С. 22-31 [Доступ из СПС КонсультантПлюс], см. также: *Васянина Е.Л.* Проблемы реализации механизма бюджетного финансирования // Финансовое право. 2021. № 4. С. 26-29.

[312] См.: *Запольский С.В.* Дискуссионные вопросы теории финансового права. С. 82. Соглашения в сфере публичных правоотношений признаются в качестве возможных также в рамках правовых исследований иной отраслевой направленности. Например, Ю.А. Тихомиров отмечает, что публичный договор позволяет согласовать разнонаправленные интересы, приобретает все больше значение в публичной сфере. При этом предмет публичного договора должны составлять только те отношения, которые могут быть опосредованы именно договорной формой (иначе возникает «договорная эйфория») (см.: *Тихомиров Ю.А.* Указ. соч. С. 278-279).

[313] Обращаясь к истокам воззрений о том, что финансовое право оперирует исключительно односторонне-властным методом, ученый подчеркивает, что это имело место в те времена, когда государство в своей финансовой деятельности не желало и не допускало возможности договариваться с частными субъектами по поводу собирания денежных средств. Однако в настоящее время государство прибегает к договорной модели все чаще, при этом

признать любые договорные конструкции вотчиной гражданского права[314] не учитывают тот факт, что регулируемые такими договорами отношения могут быть качественно разнородными (экономическое равенство обеспечивает юридическое, а не наоборот). Поэтому, по мнению ученого, нет договора вообще, есть только конкретный отраслевой договор как соглашение сторон, но не обязательно основанное на принципе их юридического равенства[315].

Наконец, следует признать, что вывод за пределы бюджетно-правового регулирования вновь возникающих в бюджетной сфере отношений, которые содержательно (в том числе количественно) вытесняют ранее существовавшие формы, означает фактическое нивелирование значения бюджетного права, его трансформации и развития[316]. Как представляется, подход, сформированный наукой советского финансового права, был обусловлен спецификой плановой экономической системы, которая не предполагала активное участие каких-либо иных (помимо публичных) субъектов в бюджетных правоотношениях. Так, даже поддерживая узкий подход к определению круга субъектов бюджетного права, Ю.В. Леднева справедливо отмечает, что он «не вполне согласуется с реалиями сегодняшнего дня и состоянием правового регулирования в бюджетной сфере»[317].

С учетом изложенного представляется возможным рассматривать в качестве

упорно старается «сбросить с этих договоров гражданско-правовые одежды, ломая их основной принцип – равенство сторон» (см.: *Худяков А.И.* Указ. соч. С. 78).

[314] При этом очевидно, что не любую конструкцию гражданского права возможно адаптировать под нужды других правовых отраслей, так как существует определенная опасность, «когда гражданско-правовые понятия начинают казаться общими юридическими понятиями, а признаки вида ошибочно принимаются за признаки рода» (*Елистратов А.И.* Основные начала административного права. М.: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. С. 52-53).

[315] См.: Худяков А.И. Указ. соч. С. 80-81, 83. Благодаря концепции финансового договора А.И. Худяков считает возможным «считать предметом финансового права все общественные отношения, возникающие в процессе финансовой деятельности государства, независимо от метода их правового регулирования» (Там же. С. 176). Иного понимания придерживается М.К. Сулейманов, который, полемизируя с А.И. Худяковым, предлагает именовать такие договоры иначе, так как в указанную форму «облекаются обычные отношения власти и подчинения» (*Сулейменов М.К.* Право как система. М.: Статут, 2016. С. 147-148). При этом, по мнению ученого, «отношения в сфере государственных финансов регулируются финансовым правом, когда государство выступает в качестве властного субъекта, и гражданским правом, когда отношения строятся на началах равенства государства и другой стороны правоотношения» (Там же. С. 149).

[316] Так, например, ранее отмеченная публично-правовая компания «Единый заказчик в сфере строительства» субъектом бюджетного права (согласно первому подходу) становится, а другие подобные организации – нет.

[317] *Леднева Ю.В.* Юридические лица как субъекты бюджетного права. С. 87.

субъектов бюджетного права любых лиц, которым бюджетное законодательство определяет права и (или) обязанности в области своего регулирования. В указанном значении система субъектов будет представлена публичными[318] и частными (юридическими[319] и физическими лицами, например, открывающими бюджетные счета в Федеральном казначействе, получателями бюджетных субсидий, грантов, инвестиций, подконтрольными субъектами в рамках мероприятий государственного (муниципального) финансового контроля и некоторыми другими) субъектами. Будучи субъектом бюджетного права, лицо наделяется правовым статусом, элементами которого являются бюджетная право- и дееспособность, включая деликтоспособность, то есть способность нести ответственность за свои действия (бездействие)[320]. При этом, на наш взгляд, релевантные критерии определения субъектного состава бюджетных правоотношений должны быть имплементированы в Бюджетный кодекс РФ[321].

---

[318] Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования, органы публичной власти. Кроме того, к числу публичных субъектов допустимо отнести квазипубличные (наделенные делегированными полномочиями) организации.

[319] А.С. Емельянов подчеркивает, что субъектами финансового права следует признавать организации, а не юридические лица (в смысле субъектов, обладающих гражданской правосубъектностью). Указанное обусловлено тем, что в финансовом праве правоспособностью могут обладать также филиалы, представительства, некоммерческие организации, не имеющие прав юридического лица (см.: *Емельянов А.С.* Финансовое право. М.: «Былина», 2002. С. 74-75). Указанное действительно верно для налогового законодательства, но вряд ли применимо для бюджетного права. Кроме того, логика возведения категории юридического лица на новый уровень, за пределы рассмотрения ее исключительно как гражданско-правовой категории, прослеживается в работах по теории права (см., например: *Архипов С.И.* Субъект права: теоретическое исследование. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 304, 359).

[320] См.: *Яковлев В.Ф., Талапина Э.В.* Юридические лица и субъекты публичного права: в поисках правового баланса // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 132. См. также: *Хребтова Т.П.* Органы внутренних дел как субъекты финансового права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9. Н.А. Поветкина справедливо подчеркивает, что реализация принципа ответственного управления публичными финансами «должна быть обеспечена гарантиями его соблюдения и включать самостоятельные механизмы, предусматривающие ответственность уполномоченных субъектов за результаты деятельности» (*Поветкина Н.А.* Принципы правового обеспечения финансовой устойчивости Российской Федерации: теоретические подходы и классификация // Журнал российского права. 2017. № 5. С. 75).

[321] В этой связи нелишним будет упомянуть противоречивую позицию А.Г. Пауля, который считает необходимым четко определять границы бюджетного права (в которых нет места частным субъектам), но допускает возможность размещения не относящихся к его предмету норм в рамках Бюджетного кодекса РФ, мотивируя это тем, что данный закон уже давно напоминает «смешанный акт». При этом, по мнению А.Г. Пауля, «правоприменитель должен четко видеть и осознавать границу между нормами, регулирующими бюджетные отношения, и иными нормами» (Актуальные проблемы финансового и налогового права : учебное пособие. С. 69). Однако возникает вопрос, чем обусловлена подобная императивность для судебных инстанций, которые скорее обязаны следовать устремлениям и намерениям законодателя в силу конституционного принципа разделения властей и разграничения полномочий. В свою очередь, позволять фиксировать в Бюджетном кодексе РФ отношения,

Итак, ранее полученные выводы о применимости психологической концепции вины к физическим лицам, которые, как было установлено, должны рассматриваться в качестве субъектов бюджетного права, следует дополнить также аргументацией о том, как следует понимать вину коллективных субъектов. Как известно, право организует деятельность не только физических, но также юридических лиц и прочих коллективных субъектов, вопрос о понимании вины которых является наиболее сложным при конструировании анализируемой категории[322]. По этому поводу существует два основных подхода.

Согласно первой позиции вину коллективных субъектов возможно определить через психическое отношение к совершенному деянию и его последствиям. Так, И.С. Самощенко считал, что вина организации (к которой он относил также органы государства) возможна, так как она имеет свою волю, пусть даже психологически вырабатываемую и изъявляемую отдельными людьми. Ученый подчеркивал, что «вина организации – вина тех людей (органов, членов или работников соответствующей организации), которые, осуществляя стоящие перед организацией задачи, ведут себя неправомерно»[323]. Н.С. Малеин также отмечал, что субъектом правонарушения может быть юридическое лицо, но «в конечном счете и эти виды правонарушений совершаются людьми…, из действий которых слагается как правомерная, так и противоправная деятельность юридических лиц»[324]. При этом ученый дополнительно указывал, что ответственность юридического лица не может рассматриваться как «ответственность за чужие действия или вину третьих лиц» (работников), так как именно через них вся деятельность юридического лица и осуществляется.

не соответствующие предмету бюджетного права (по мысли автора), но требовать их разграничения в рамках правоприменения, представляется недостаточно последовательным. Соответственно в рамках подхода, предлагаемого в настоящей работе, такой проблемы не возникает.

[322] См.: *Гогин А.А.* Указ. соч. С. 67. Для целей конституционного права А.А. Кондрашев также отмечает, что наиболее проблемным вопросом является дискуссия о возможности определения вины коллективных субъектов (в том числе государства в целом) (см.: *Кондрашев А.А.* Указ. соч. С. 108). Аналогичную мысль А.Н. Козырин высказал и применительно к налоговому праву (см.: *Козырин А. Н.* Указ. соч. С. 157).

[323] См.: *Самощенко И.С.* Указ. соч. С. 136.

[324] *Малеин Н.С.* Указ. соч. С. 18.

Юридическое лицо отвечает за собственные действия, за свою вину[325].

По мнению Г.К. Матвеева, правосубъектность юридического лица вовне проявляется через признак самостоятельности его имущественной ответственности, оно обладает собственной свободной волей, поэтому правонарушения как физических, так и юридических лиц имеют одинаковые элементы, в том числе выраженные в вине и ее формах (умысла и неосторожности)[326]. Вместе с тем волю коллектива нельзя сводить к совокупности воль отдельных физических лиц, деятельность юридического лица приобретает новое качество из совокупности индивидуальных волевых действий. Согласно этому вина коллектива также не сводится к совокупности вин отдельных его участников, это именно порочная воля и сознание самой организации[327]. Вслед за Г.К. Матвеевым, С.Н. Братусь также считал, что вина организации есть не просто суммированная вина ее работников, а «некое выражение недостаточной организованности и слаженности в деятельности всего трудового коллектива»[328].

В рамках указанного подхода «вина органа, если она является условием ответственности, рассматривается как вина самого юридического лица»[329]. При этом действия представителей признаются действиями самого юридического лица (продолжение деятельности его органа), поэтому и вина представителей есть вина юридического лица, а не ответственность за «чужую» вину[330]. Так, например, В.П. Грибанов предлагал понимать вину организаций через вину соответствующих работников при исполнении ими своих служебных функций[331]. А.А. Солдатов

---

[325] Чужая вина, ответственность за чужую вину – «нонсенс, терминология, несовместимая с понятием правонарушения, с назначением, сущностью, неотвратимостью юридической ответственности, с принципом справедливости» (Там же. С. 168-169).

[326] См.: *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 206-207, 212-213.

[327] Там же. С. 208, 214-216.

[328] См.: *Братусь С.Н.* Указ. соч. С. 178-179.

[329] *Братусь С.Н.* Субъекты гражданского права. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. С. 205.

[330] См.: *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 221. Аналогично решается вопрос и о вине работников. Это именно собственная вина, а не вина в неудачном выборе работников (culpa in eligendo) или недостаточном контроле за их деятельностью (culpa in custodiento). Юридическое лицо будет признано невиновным в том случае, когда докажет, что действия и ущерб стали результатом таких обстоятельств, «которые ни орган, ни члены (участники) юридического лица предотвратить не могли (казус)» (Там же. С. 222-224, 226).

[331] См.: *Грибанов В.П.* Указ. соч. С. 340.

указывает, что «виновность юридического лица определяется виновностью его руководителя. Она может выражаться в форме умысла или неосторожности»[332]. Е.В. Юрчак также отмечает, что вину организации «следует ставить в зависимость от вины физических лиц, имеющих право совершать юридически значимые действия от имени и в интересах юридического лица», так как «воля организации производна от воли ее участников»[333].

Вторая позиция исходит из того, что определять вину юридического лица через вину физических лиц недопустимо. Так, И.В. Маштаков подчеркивает, что вина юридических лиц должна трактоваться иначе, нежели вина физических лиц, так как юридическое лицо попросту не обладает рассудком и психикой[334]. Б.А. Булаевский отмечает, что вина относится к числу психических явлений, психика является свойством человеческого мозга, значит юридическим лицам напрямую она не присуща. Вина коллективного субъекта «должна усматриваться в том, что оно не сумело организовать свою деятельность надлежащим образом»[335]. В.В. Денисенко указывает, что «наделять юридическое лицо (то есть юридическое понятие) психическими возможностями бессмысленно»[336]. О.В. Дмитриева подчеркивает, что признание вины юридических лиц через вину их работников свидетельствует о подмене объекта научного исследования[337]. Д.А. Пашенцев и В.В. Гарамита считают, что вина юридического лица должна рассматриваться именно через «непринятие всех мер по устранению или недопущению отрицательных результатов своих действий, диктуемых обстоятельствами в той или иной ситуации», и проявляется в недостатках в технологическом процессе, организации управления, нарушении исполнительской дисциплины и т.п.[338].

Для целей решения вопроса о том, какой из рассмотренных подходов к вине

---

[332] *Солдатов А.А.* Проблемы административной ответственности юридических лиц. Краснодар: КЮИ МВД России, 1999. С. 241.

[333] *Юрчак Е.В.* Указ. соч. С. 16.

[334] *Маштаков И.В.* Указ. соч. С. 63.

[335] См.: *Булаевский Б.А.* Указ. соч. С. 58.

[336] *Денисенко В.В.* Системный анализ административно-деликтных отношений. СПб: Университет МВД России, 2001. С. 122.

[337] См.: *Дмитриева О.В.* Указ. соч. С. 54-55.

[338] См.: *Пашенцев Д.А., Гарамита В.В.* Указ. соч. С. 84, 87.

коллективного субъекта следует избрать в бюджетном праве, отметим, что представленные научные споры лишь усиливаются разнонаправленными законодательными решениями. Так, в уголовном праве ответственность юридических лиц невозможна в связи с действием принципа ответственности за (индивидуальную) вину[339], поэтому «ответственности в уголовно-правовом порядке подлежат исключительно физические лица, а среди них – только те, кто обладает сознанием и волей»[340]. В свою очередь, юридическое лицо, являясь фикцией, преступление совершить не может[341]. И.С. Власов прямо подчеркивает, что концепция уголовной ответственности юридических лиц противоречит «многовековым принципам ответственности за индивидуальную вину, присущим праву континентальных стран Европы»[342]. Вместе с тем вопрос о возможности уголовной ответственности юридических лиц лежит в плоскости основных принципов карательной деятельности государства. С одной стороны, идея усиления ответственности хозяйствующих субъектов может быть решена в рамках административного, гражданского или финансового права[343]. С другой стороны, по мнению Ю.И. Бытко, необходимо учитывать, что юридическое лицо в своих действиях может достичь уровня «социального зла», наказание за которое находится в сфере ведения именно уголовного права[344]. Кроме того, справедливо отмечается, что юридическое лицо, участвуя в одном с физическим лицом преступлении, привлекается исключительно к административной ответственности, получая таким образом «ничем не объяснимое преимущество перед физическим

---

[339] Подробнее об этом см.: *Власов И.С.* О введении в России института уголовной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 82.

[340] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный). Т. 1. Общая часть / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017 [Доступ из СПС КонсультантПлюс]. Комментарий к ст. 5 (автор комментария – Пудовочкин Ю.Е.).

[341] См.: Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права: Учебное пособие / Под науч. ред. Н.Ф. Кузнецовой. М.: Городец, 2009. С. 78-79; *Додонов В.* Ответственность юридических лиц в современном уголовном праве // Законность. 2006. № 4. С. 56-59.

[342] *Власов И.С.* Указ. соч. С. 84

[343] См.: *Кузнецова Н.Ф.* Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1993. № 4. С. 20.

[344] См.: *Бытко Ю.И.* Понятие и содержание вины юридических лиц в уголовном праве // Современное право. 2018. № 6. С. 102-108 [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

лицом[345].

В настоящее время подобные противоречия лишь усилены Конституционным Судом РФ, который отметил, что ответственность за (административные) правонарушения в сфере коррупции могут «представлять общественную опасность, сопоставимую с общественной опасностью коррупционных преступлений, совершаемых в интересах физических лиц, а в некоторых случаях – и более высокую»[346]. Продолжая данную мысль, подчеркнем, что правонарушения в финансово-бюджетной сфере, совершаемые коллективными субъектами, особенно в части нецелевого расходования бюджетных средств, которые приводят к срыву значимых показателей социально-экономического развития государства, также могут представить значимую общественную опасность и, следовательно, требуют реакции законодателя посредством мер уголовно-правового принуждения. При этом целесообразно отметить, что попытки наложить конструкцию вины в уголовном праве на юридическое лицо преимущественно осуществляются в рамках психологической концепции: вина юридического лица представляет собой психическое отношение коллектива организации[347] или ее руководителей[348] к деянию и его последствиям, либо вина юридического лица определяется виной сотрудника, совершившего должностное преступление[349].

Вместе с тем данные подходы не учитывают, что юридическое лицо является самостоятельным участником правоотношений, а уголовное законодательство

---

[345] *Кашепов В.П.* О разграничении пределов административной и уголовной ответственности // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: Материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся. С. 110.

[346] Определение Конституционного Суда РФ от 5 июня 2014 года № 1308-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Приоритет» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 6. См. также: *Казакова В.А., Иншаков С.М.* Тенденции введения уголовной ответственности юридических лиц в России // Безопасность бизнеса. 2019. № 5. С. 32-37.

[347] См.: *Комоско А.А.* Уголовная ответственность юридических лиц: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 13.

[348] См.: *Демин С.Г.* Пределы уголовной ответственности юридических лиц в России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 6.

[349] См., например: Гражданское право. Ч. 1 / Под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. СПб.: ТЕИС, 1996. С. 491-505.

не предусматривает организацию в качестве субъекта преступления[350]. По этой причине некоторыми учеными предлагается, например, различать субъектов преступления (ими должны оставаться физические лица) и субъектов уголовной ответственности (которыми могут стать юридические лица)[351]. Как представляется, приведенные логические нестыковки обусловили рассмотрение вина юридического лица в рамках поведенческой концепции. Вина в таком случае будет означать возможность для соблюдения юридическим лицом правил и норм, за нарушение которых предусмотрена ответственность, если им не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению[352]. Обозначим также компромиссный вариант, предлагающий обеспечить на уголовно-правовом уровне охрану ряда отношений, на которые могут посягать юридические лица, но не посредством установления их вины в целях привлечения к уголовной ответственности. Речь идет о т.н. мерах безопасности[353]. В то же время особая дискуссионность рассматриваемого вопроса, его противоречивость позволяют многим авторам и вовсе отказаться от попыток имплементации института уголовной ответственности юридических лиц в российское уголовное право[354].

В свою очередь, в административном законодательстве реализован подход, согласно которому устанавливается не психическое отношение юридического лица к деянию, а имеющаяся у него возможность для соблюдения правил и норм,

---

[350] См.: *Бытко Ю.И.* Указ. соч.

[351] См.: *Волженкин Б.В.* Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998. С. 25-26; *Коробеев А.И.* Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 1. Преступление / Под ред. проф. А.И. Коробеева. Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 1999. С. 381.

[352] См.: *Бытко Ю.И.* Указ. соч. В основе подхода – позиция Конституционного Суда РФ, изложенная в постановлении от 25 апреля 2011 года № 6-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 3.7 и части 2 статьи 8.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «СтройКомплект» (СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2769).

[353] См.: *Щедрин Н., Востоков А.* Уголовная ответственность юридических лиц или иные меры уголовно-правового характера в отношении организаций // Уголовное право. 2009. № 1. С. 60-61.

[354] См.: *Власов И.С.* Указ. соч. С. 89; *Арбузов С.С., Кубанцев С.П.* О перспективе введения в России института уголовной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 2012. № 10. С. 100. На примере коррупционных преступлений С.Е. Нарышкин и Т.Я. Хабриева справедливо отмечают, что «для введения уголовной ответственности юридических лиц необходимы не только пересмотр устоявшихся стереотипов, изменение концепции уголовного законодательства, но и решение других, более частных задач. Так, требует решения вопрос об определении физического лица (директор, бухгалтер, учредитель и т.д.), чьи действия будут обусловливать причастность юридического лица к коррупционному преступлению» (*Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я.* Механизм оценки антикоррупционных стандартов ГРЕКО // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 10).

за нарушение которых законом предусмотрена ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению (часть 2 статьи 2.1 КоАП РФ). Другими словами, модель вины юридических лиц, сконструированная в административном позитивном праве, представляет собой поведенческую концепцию, характеризующую недостатки в организации деятельности юридического лица в прошлом[355]. Зачастую данный подход рассматривается как присущий для юридических лиц органически и является безальтернативным[356]. Вместе с тем данная концепция все же подвергается серьезной научной критике, которую (с учетом включения в КоАП РФ составов, опосредующих нарушения в финансово-бюджетной сфере) следует рассмотреть несколько более подробно.

Так, Б.В. Россинский отмечает, что данный подход «позволяет в реальной правоприменительной практике фактически всегда, без каких-либо усилий делать необоснованный вывод о виновности юридического лица»[357]. Поэтому ученый предлагает вину юридического лица определять «через вину должностного лица или нескольких должностных лиц, допустивших нарушения тех или иных правил и норм»[358]. В.Д. Сорокин подчеркивает, что в основе решения, заложенного в КоАП РФ, лежит, по-видимому, «ведомственный интерес»[359]. А.С. Телегин также указывает, что действующая законодательная модель «позволяет органу (должностному лицу), рассматривающему дело, назначать наказание без установления доказательств, свидетельствующих о виновности юридического

---

[355] См.: *Есаков Г.А.* Комплаенс и предотвращение рисков уголовной и административной ответственности // Закон. 2021. № 5. С. 74-81 [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

[356] См., например: *Кисин В.Р., Хадисов Г.Х.* Объективное вменение в законодательстве об административных правонарушениях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 11. С. 11-17.

[357] *Россинский Б.В.* Почему в Российской Федерации утвердился институт административной ответственности юридических лиц и пришло ли время его ликвидировать? // Административное право и процесс. 2018. № 1. С. 5-13 [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

[358] *Он же.* Некоторые проблемы и перспективы развития административной ответственности // Административное право и процесс. 2017. № 6. С. 38-42 [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

[359] *Сорокин В.Д.* Указ. соч. С. 458. Ученый дальше в отношении принятых в КоАП РФ формулировок пишет: «Что предпочтительнее, сказать прямо, что мы за объективное вменение в отношении привлечения к административной ответственности юридических лиц, по крайней мере, на определенный период времени, или изворачиваться, хитрить, придумывать неуклюжие формулировки закона, которые рассчитаны фактически на то, чтобы «задрапировать» применение этого самого объективного вменения?» (Там же. С. 491).

лица. Подобный подход вряд ли можно признать обоснованным»[360], так как это противоречит принципу индивидуализации ответственности юридических лиц[361]. По этой причине ученый предлагает рассматривать вину юридического лица в совершении административного правонарушения через вину его руководителя (должностного лица)[362].

Данная научная позиция фактически нашла поддержку у Конституционного Суда РФ, который в своем постановлении от 14 апреля 2020 года № 17-П, помимо прочего, раскрыл возможность дифференциации вины юридического лица на формы умысла и неосторожности, указав, что, во-первых, законодатель не считает вину юридического лица тождественной вине физического лица или совокупной виновности нескольких таких лиц; во-вторых, признается связь между привлечением к административной ответственности юридического лица и виновными действиями (бездействием) физического лица, особенно учитывая, что конечной целью наказания юридического лица является воздействие на волю и сознание связанных с ним физических лиц, с тем чтобы добиться частной превенции административных правонарушений; в-третьих, привлекая юридическое лицо к ответственности нельзя отрицать возможность учесть обстоятельства, характеризующие форму вины соответствующих физических лиц, так как правонарушение юридического лица всегда является действием (бездействием) действующих от его имени физических лиц.

Анализируя указанную судебную позицию, Г.А. Есаков отметил, что суд

---

[360] *Телегин А.С.* Административная ответственность юридических лиц: некоторые вопросы применения // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 2. С. 52.

[361] *Он же.* К вопросу о юридической природе административного правонарушения // Административное право и процесс. 2020. № 4. С. 19-23 [Доступ из СПС КонсультантПлюс]. На необходимость соблюдения принципа правовой определенности прямо указано в постановлении Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2014 года № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 и 19.7.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами обществ с ограниченной ответственностью «Барышский мясокомбинат» и «ВОЛМЕТ», открытых акционерных обществ «Завод "Реконд», «Эксплуатационно-технический узел связи» и «Электронкомплекс», закрытых акционерных обществ «ГЕОТЕХНИКА П» и «РАНГ» и бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики «Детская городская больница № 3 «Нейрон» Министерства здравоохранения Удмуртской Республики» (СЗ РФ. 2014. № 10. Ст. 1087).

[362] См.: *Телегин А.С.* Указ. соч.

фактически «приравнял вину юридического лица к вине физических лиц, осуществляющих руководство им, что явно не соответствует замыслу законодателя и господствующему мнению в литературе»[363]. В особом мнении судьи С.Д. Князева на вышеуказанное постановление Конституционного Суда РФ отмечается, что для юридического лица «законодатель императивно опирается на поведенческий (объективный) алгоритм установления виновности… т.е. фактически с «объективным вменением», не предполагающим учета каких-либо психологических (субъективных) нюансов административно-противоправного поведения юридического лица».

Как представляется, формулировка вины юридического лица, выбранная законодателем для целей КоАП РФ, действительно не предполагает, что она является следствием умысла или неосторожности соответствующих физических лиц. П.П. Серков справедливо отмечает, что «воля и сознание отдельного человека, в том числе руководителя юридического лица, не отражают в полном объеме весь характер противоправной деятельности (бездеятельности) юридического лица»[364]. Однако отсутствие критериев определения вины юридического лица, закрепленных на законодательном уровне, во многом подтверждает опасения отдельных ученых относительно возврата института административной ответственности к объективному вменению. Все указанные недостатки и противоречия модели административного законодательства следует учесть при разработке концептуальных начал о вине коллективных субъектов в бюджетном праве.

Иной подход реализован в налоговом законодательстве, и в силу пункта 4 статьи 110 Налогового кодекса РФ вина организации в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо ее представителей, действия (бездействие) которых обусловили совершение данного налогового правонарушения. Фактически данный кодекс, в отличие

---

[363] См.: *Есаков Г.А.* Указ. соч.

[364] *Серков П.П.* Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. С. 92.

от КоАП РФ, принял идеи психологической концепции вины юридических лиц[365]. При этом такой подход нередко критикуется в научной литературе. Так, А.Н. Козырин считает, что «вину организации не следует сводить к вине других лиц. Организация может проявить собственную волю и действовать виновно, независимо от вины ее должностных лиц и представителей». Далее ученый подчеркивает, что практика зачастую ориентируется на концепцию вины, предложенную в административном и гражданском праве, при этом определяя лишь факт нарушения налоговых норм, «без выяснения причин такого нарушения»[366]. С.П. Бортников обращается к возможным коллизиям, отмечая, что если должностное лицо будет признано виновным в совершении правонарушения (например, по статье 15.11 КоАП РФ), то, «по существу, автоматически устанавливается и вина юридического лица» согласно Налоговому кодексу РФ (например, по каждому из составов, сформулированных в статье 120)[367]. Вместе с тем, как справедливо подчеркивает сам ученый, субъективный подход к определению виновности юридического лица, используемый для целей налогового права, не согласуется с нормами КоАП РФ. По этой причине различия в дефинициях определения вины юридических лиц, предусмотренных в налоговом и административном законодательстве, препятствуют применению преюдиции.

Еще более неоднозначной оказывается ситуация при обращении к позитивному регулированию в гражданском праве, в котором предпочтительная для законодателя модель не может быть даже в полной мере уяснена. Так, в пункте 1 статьи 401 Гражданского кодекса РФ указано, что лицо (видимо, в том числе юридическое), не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности. Указание на наличие формы вины

---

[365] См.: *Панов А.Б.* Административная ответственность юридических лиц: монография. М.: Норма, 2013. 192 с. [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

[366] *Козырин А.Н.* Указ. соч. С. 157-158.

[367] *Бортников С.П.* Юридическая ответственность в налоговом праве: теория и практика: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 200.

свидетельствует о модели психологической концепции. Однако далее закон указывает, что лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства. В данном случае свидетельством невиновности (и, как представляется, в обратном случае – вины) выступают критерии, рассматриваемые в рамках поведенческой концепции.

Все вышеуказанные противоречащие друг другу законодательные решения (в уголовном, административном, налоговом и гражданском законодательстве) объективно препятствуют выработке единых подходов к вине коллективных субъектов в тех правовых отраслях, где указанная категория только получает свое осмысление и развитие. Примером тому служат конституционно-правовые исследования. К примеру, по мнению Г.А. Трофимовой, понимание вины в конституционном праве возможно в рамках психологической концепции, при этом при определении вины коллективных субъектов следует исходить из того, что она равна вине ее членов[368]. Идеи поведенческой концепции в целом придерживается и Н.М. Колосова, полагая, однако, что для публичных субъектов вина может быть определена как непринятие коллективным субъектом объективно возможных мер по устранению или недопущению отрицательных результатов своих действий[369]. В некоторых других также исследованиях предлагается руководствоваться объективным критерием, состоящим в неприменении всех зависящих от субъекта мер, в том числе «неиспользование предоставленных ему прав (полномочий), для соблюдения конституционно-правовых норм и выполнения возложенных на него обязанностей»[370]. В.А. Виноградов пишет, что «возможность принять меры по предотвращению неисполнения конституционных обязанностей у коллективных субъектов больше в силу самого

---

[368] *Трофимова Г.А.* Понятие конституционного правонарушения // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 3-9. [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

[369] См.: *Колосова Н.М.* Теория конституционной ответственности: природа, особенности, структура: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 19.

[370] См.: *Васильева С.В., Виноградов В.А., Мазаев В.Д.* Конституционное право России. М., 2010. С. 110-111.

факта существования коллективного субъекта как определенного коллектива людей (что, в частности, предполагает в ряде случаев наличие в его составе специалистов)»[371], поэтому вину коллективных субъектов автор рассматривает как «неприменение коллективным субъектом всех зависящих от него мер, в том числе неиспользование предоставленных ему прав (полномочий), для соблюдения конституционно-правовых норм и выполнения возложенных на него обязанностей, за нарушение которых предусмотрена конституционно-правовая ответственность»[372].

Общий обзор научных позиций и законодательных решений в различных сферах правового регулирования показал, что до настоящего времени не выработаны единые подходы относительно понимания категории вины. Указанное объективно не способствует поискам оптимального подхода к определению вины в бюджетном праве, однако все же показывает возможный вектор дальнейших научных поисков. Думается, что при строгом разделении применимых сфер реализации психологической и поведенческой концепций по субъектному составу формируется цельная, концептуально стройная теория юридической вины. Для физических лиц, чьи субъективные характеристики имеют принципиальное значение как для действия в отношении них всего правового инструментария, так и при совершении ими противоправных поступков, психологическая концепция вины оказывается единственно возможной и наиболее обоснованной. При этом возможные проблемы ее доказывания, а также установления работающих критериев должны быть отнесены на область того или иного вида юридического процесса.

Для коллективных субъектов права, включая юридических лиц и органы публичной власти, вина также должна определяться, что соответствует базовым и фундаментальным принципам юридического равенства, законности

---

[371] *Виноградов В.А.* Ответственность в механизме охраны конституционного строя. М.: Институт права и публичной политики, 2005. С. 113.

[372] Там же. С. 114.

и справедливости[373]. Обратный подход влек бы невозможность признания их субъектами правонарушения, отрицание их деликтоспособности, а значит и дееспособности в принципе. При этом подходы к определению вины должны учитывать характеристики таких коллективных субъектов, воля которых формируется особым образом. Поэтому более оправданной оказывается поведенческая концепция вины. Также стоит отметить, что вина через психическое отношение фактически приводит к тому, что вина одних и тех же физических лиц будет создавать последствия, выраженные в мерах юридической ответственности, как для них, так и для качественно других субъектов права, которыми являются коллективные субъекты. Вместе с тем еще И.С. Самощенко подчеркивал, что вина – это всегда вина самого лица как его внутреннее психическое состояние, органически связанное с его внешним поведением[374].

При этом следует иметь в виду, что при обсуждении вины публичного субъекта речь, в первую очередь, идет о вине органов публичной власти. Потребность в определении вины таких субъектов для установления факта совершения ими правонарушения диктуется тем, что в современном обществе государство также должно быть ответственно перед обществом. Французский юрист Г. Жез отмечал, что в «современном государстве нет такой власти… которая могла бы воспрепятствовать реализации правомерно возникших индивидуальных прав, требований и долговых обязательств»[375]. Р.Е. Артюхин отмечает, что в современном обществе публично-правовое образование должно подчиняться тем же правилам, по которым действуют частные субъекты, в частности, нести

---

[373] В постановлении Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 года № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции» (СЗ РФ. 1999. № 30. Ст. 3988) указано следующее: «Принцип соразмерности, выражающий требования справедливости, предполагает установление публично-правовой ответственности лишь за виновное деяние и ее дифференциацию в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обусловливающих индивидуализацию при применении взыскания. Указанные принципы привлечения к ответственности в равной мере относятся к физическим и юридическим лицам».

[374] См.: *Самощенко И.С.* Указ. соч. С. 136.

[375] См.: *Жез Г.* Общая теория бюджета. Пер. под ред. Г.Г. Соловья и К.К. Шмакова, предисловие Г.Я. Сокольникова. М., Государственное финансовое издательство Союза ССР, 1930. С. 34.

ответственность перед избирателями[376]. В связи с этим вполне справедливым представляется утверждение о том, что в правовом государстве «юридическая ответственность должна применяться не только к частным лицам, но в первую очередь к публичным субъектам права». Причем в круг публичных субъектов входит помимо государства также система специально созданных органов и должностных лиц, которые «вступают в правоотношения от имени государства и исполняют обязанности, принадлежащие государству» (указанное, в частности, вытекает из статьи 3 Конституции Российской Федерации)[377].

Применительно к финансовому праву указанные выводы также справедливы. Так, еще выдающийся дореволюционный представитель финансово-правовой науки В.А. Лебедев в структуре финансовой власти выделял (наряду с распорядительной и организационной) принудительную власть, которая проявляется в двух аспектах. Во-первых, власть в отношении служащих в целях принудить их надлежащим образом исполнять свои обязанности (взыскания и штрафы); во-вторых, в отношении податных лиц – принятие различных мер по взысканию имущества. Ученый обращал внимание, что и частные лица должны быть защищены от произвола финансовой власти. Такие правонарушения В.А. Лебедев разделял на проявляемые – в прямом нарушении закона и в нарушении интересов частного лица. В первом случае лицо обжалует действия власти в административном порядке, во втором – вчиняет иск по правилам гражданского судопроизводства[378].

В свою очередь, Ю.А. Тихомиров подчеркивает, что все государственные органы «являются официальными представителями государства, действуют

---

[376] См.: *Артюхин Р.Е.* Правовое регулирование отчетной стадии бюджетного процесса : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 23.

[377] См.: *Кожевников О.А.* Юридическая ответственность в системе права: Монография / Под ред. Р.Л. Хачатурова. Тольятти: ВУиТ, 2003. С. 100. Согласно позиции Конституционного Суда РФ «гражданин и государство в Российской Федерации связаны взаимными правами, ответственностью и обязанностями» (Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 1995 года № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 54).

[378] См.: *Лебедев В.А.* Финансовое право: учебник. М.: Статут (в серии «Золотые страницы финансового права России». Т. 2), 2000. С. 135-137.

в рамках законно установленной компетенции и для осуществления общих публичных интересов в своей сфере»[379], поэтому ответственность государственного органа – это всегда ответственность представляемого лица (то есть публично-правового образования)[380]. Правоспособность органов публичной власти производна от публично-правовых образований, от имени которых в качестве уполномоченных представителей такие субъекты выступают[381]. Говоря об ответственности непосредственно государственных органов за свои неправомерные действия (бездействие), И.В. Рукавишникова считает, что в этих случаях имеет место именно финансовая ответственность, обусловленная спецификой объекта правонарушения и налагаемыми мерами[382].

Стоит также отметить справедливое замечание М.В. Карасевой о том, что субъектом финансового правоотношения является публичный субъект, а в конкретном правоотношении от имени его выступает соответствующий орган публичной власти, наделяемый правосубъектностью публичного субъекта, за исключением деликтоспособности, поэтому правильно говорить – публично-правовое образование в лице соответствующего органа власти[383]. Н.И. Химичева также указывала, что государство выступает в правоотношениях через свои органы, которые действует от его имени и интересов[384]. И.И. Кучеров подчеркивает, что «отдельные субъекты бюджетного права хотя и обладают бюджетной правосубъектностью, свою дееспособность в этой сфере как бы переносят на других лиц», публично-правовые образования выступают в бюджетных правоотношениях в лице своих органов[385]. Указанной мысли следует и Н.А. Саттарова, отмечая, что публично-правовое образование не выступает субъектом финансового правонарушения, при этом органы государственной власти

---

[379] *Тихомиров Ю.А.* Указ. соч. С. 180.

[380] Там же. С. 195.

[381] См.: *Емельянов А.С.* Указ. соч. С. 73.

[382] См.: *Рукавишникова И.В.* Указ. соч. С. 165.

[383] См.: Финансовое право Российской Федерации : Учебник/ Отв. ред. М.В. Карасева. С. 125-126.

[384] См.: Советское финансовое право : Учебник. С. 79.

[385] См.: *Кучеров И.И.* Бюджетное право России: Курс лекций. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. С. 61.

могут выступать в качестве субъектов бюджетных правонарушений (например, в сфере отношений по бюджетному финансированию)[386].

Таким образом, при конструировании концепции вины в бюджетном праве необходимо учитывать, что вину коллективных субъектов определять возможно, причем на основе поведенческого стандарта. При этом относительно перечня таких субъектов речь идет как о юридических лицах, являющихся получателями средств из бюджета, так и об органах публичной (государственной, местной) власти, представляющих соответствующие публично-правовые образования.

С учетом изложенного считаем целесообразным в дальнейшем для целей бюджетного права руководствоваться комплексным пониманием вины[387], представляющую собой особое психическое (для физических лиц) или иное обусловленное внешней объективацией воли (для коллективных субъектов) состояние лица относительно совершенного деяния и/или его последствий, отражающее отрицательное отношение к основным социальным ценностям, защищаемым государством посредством института юридической ответственности. Как представляется, в данном определении наиболее емко выражается предназначение вины, позволяя ей участвовать в конструировании правонарушения и юридической ответственности. При этом с учетом сложного субъективного состава бюджетного права именно двухаспектный подход к вине позволяет эффективно решать задачи по привлечению виновных лиц к бюджетно-правовой ответственности.

---

[386] См.: Финансовое право : учебник для академического бакалавриата / под общ. ред. С. В. Запольского / под общ. ред. С. В. Запольского. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2015. С. 142.

[387] Фактически единственное определение вины, учитывающее две стороны ее проявления, было предложено Е.В. Юрчак, согласно которой вина – это «психическое отношение деликтоспособного физического лица или лица, уполномоченного на совершение юридически значимых действий от имени и в интересах юридического лица, к совершаемому им общественно вредному деянию и его последствиям, в котором проявляется его отрицательное субъективное отношение к ценностям общества» (*Юрчак Е.В.* Указ. соч. С. 16).

§ 1.3. Процедурные аспекты установления вины

Как было установлено ранее, вина, занимая строго определенное место в структуре правовых явлений, относится к числу категорий материального права. В этом состоит ее раскрытие в институциональном и содержательном аспектах. Опираясь на соответствующие научные разработки, законодатель должен решать ряд вопросов, направленных на обеспечение эффективного охранительного механизма для той или иной сферы правового регулирования, в том числе относительно понятия правонарушения, его основных признаков, а также условий применения к правонарушителю мер юридической ответственности. Все это в полной мере относится к вопросу конструирования перспектив совершенствования охранительной части бюджетного законодательства.

Однако необходимо помнить, что право является динамичным механизмом, и при реализации юридической ответственности требуется установить и доказать состав правонарушения, в том числе вину. Для целей настоящей работы данный аспект представляет значительный исследовательский интерес, однако и существенную сложность, так как в условиях отсутствия в бюджетном праве вины как таковой требуется все же определить основные инструменты ее установления, в первую очередь, формирования перечня обстоятельств, исключающих вину, а также оптимальной модели распределения бремени доказывания вины. В связи с этим необходимо вновь обратиться к решениям, разработанным на уровне теории, а также в отраслевых науках и законодательстве.

Отметим, что любое правовое установление реализуется в конкретном правоотношении, а при совершении лицом противоправного поступка – в особом охранительном правоотношении ответственности. По этому поводу Г.А. Прокопович отмечает, что цель юридической ответственности определяется в рамках охранительной функции права как охрана существующего строя и общественного порядка, а в конкретном правонарушении – наказание виновного и

предупреждение совершения новых правонарушений[388]. Поэтому ученый считает, что правонарушение выступает юридическим фактом и основанием возникновения охранительного правоотношения, «в рамках которого следует искать правовую ответственность»[389]. И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшин также указывали, что юридическая ответственность возникает после установления (признания) правонарушения, факта его совершения, компетентными органами или лицами. В этом значении ответственность возникает лишь на одной из стадий развития охранительного правоотношения[390].

И все же несколько более точной видится позиция Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского, которые указывают, что «государственно-принудительная форма реализации юридической ответственности возникает с момента совершения правонарушения», в этом проявляется статика – обязанность претерпеть лишения будет существовать независимо от того, понесет ли лицо наказание фактически. При этом динамика ответственности наступает со вступления в силу решения компетентного органа, после чего непосредственно реализуются функции юридической ответственности (карательная, воспитательная, восстановительная)[391]. В свою очередь, для целей финансового права отметим точку зрения А.С. Емельянова, который подчеркивает, что «реализация финансовой ответственности происходит в рамках особого охранительного правоотношения, которое возникает, осуществляется и прекращается в строго установленном финансовым законодательством порядке»[392].

Сторонами правоотношения ответственности выступают правонарушитель и государство в лице своих уполномоченных органов[393]. Предмет взаимодействия

---

[388] См.: *Прокопович Г.А.* Указ. соч. С. 63-64.

[389] Там же. С. 76. См. также: *Нерсесянц В.С.* Указ. соч. С. 249.

[390] См.: *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* Указ. соч. С. 67, 69.

[391] См.: *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 190-191.

[392] *Емельянов А.С.* Реализация охранительной функции финансового права: автореф. … дис. д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 17.

[393] См.: *Кожевников О.А.* Указ. соч. С. 101. Причем для государства вступление в такие правоотношения также является обязанностью. Еще И.Я. Фойницкий отмечал, что «право наказания, принадлежащее государству, составляет его обязанность, от осуществления которой оно не может воздержаться. Это – обязанность перед частными лицами, потерпевшими от преступления, и перед всем обществом» (*Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М., Добрсовет : Городец, 2000. С. 15).

указанных субъектов в рамках данного правоотношения определяется материальным правом и в самом общем виде состоит в том, что лицу вменяется[394] состав правонарушения, обусловливающий применение релевантной меры ответственности. В свою очередь, порядок реализации такого вменения регулируется процессуальным правом[395]. Предложенные умозаключения позволяют констатировать, что в бюджетном праве также следует рассматривать бюджетно-правовое отношение ответственности, возникающие между лицом, совершившим бюджетное правонарушение (например, получатель субсидии, инвестиций, межбюджетного трансферта) и компетентным уполномоченным органом, ведущим производство и/или принимающим решение по соответствующему делу (Федеральное казначейство, финансовый орган, судебные органы).

Отдельными учеными отмечалось, что строгая правовая регламентация привлечения к юридической ответственности диктуется требованиями и интересами справедливости и законности – необходимо установить факт правонарушения и все необходимые обстоятельства[396]. Вместе с тем при установлении факта совершения лицом правонарушения и вменения ему в связи с этим меры юридической ответственности наиболее сложной оказывается проблема определения вины как самого важного элемента субъективной стороны состава правонарушения[397]. Вменение, предполагающее исследование вопросов вины лица в совершении правонарушения, образует одно из существенных

---

[394] Вменение означает «поставление содеянного на счет субъекта» (*Назаренко Г.В.* Указ. соч. С. 61).

[395] В литературе отмечается, что именно состав правонарушения определяет применимую процедуру разрешения возникающего на его основании конфликта (см.: Юридический конфликт : монография / О.А. Акопян, С.Б. Бальхаева, А.А. Головина [и др.] ; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: ИНФРА-М : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2017. С. 181).

[396] См.: *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* Указ. соч. С. 49.

[397] Так, В.В. Лунеев отмечал, что именно субъективная сторона (включая вину) предполагает наибольшую долю спорных и проблемных вопросов в рамках доказывания в уголовном процессе (см.: *Лунеев В.В.* Указ. соч. С. 9). И.С. Самощенко подчеркивал, что роль вины характеризуется и тем, что при спорных моментах квалификации обращают внимание на содержание умысла, а не на внешнее деяние и последствия (см.: *Самощенко И.С.* Указ. соч. С. 154).

достижений эволюционного развития права – принцип субъективного вменения[398]. В связи с этим важной задачей науки финансового права является обоснование необходимости строгого следования данному принципу в рамках всего финансового (в том числе бюджетного) законодательства.

Следует дополнительно подчеркнуть, что для вины, которая сама по себе является категорией материального права, все же характерно комплексное раскрытие в материально- и процессуально-правовом аспектах. Как справедливо отмечает Н.В. Витрук, «вопрос вины либо ее отсутствия относится к составу правонарушения как основанию возникновения юридической ответственности, а связанный с этим вопрос презумпции и доказывания составляет предмет содержания юрисдикционного процесса, судопроизводства»[399]. П.С. Дагель и Р.И. Михеев для уголовной вины указывали, что данный процесс раскрывается в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном аспектах (что установить и как доказать)[400]. В.А. Виноградов подчеркивает, что мало провозгласить виновную ответственность, надо еще предусмотреть механизм ее определения, решить вопрос о бремени доказывания[401]. Установление вины при отправлении правосудия необходимо для практической реализации принципов вины и индивидуализации юридической ответственности[402]. Потребность в установлении вины диктуется и тем, что судам необходимо выявить объективную истину, важнейшей частью которой являются вопросы виновности субъекта (в том числе содержание, формы, степень вины)[403]. К слову, анализ разнородной судебной практики по вопросам

---

[398] Согласно позиции Г.В. Назаренко принцип субъективного вменения шире виновного вменения и включает в себе еще те характеристики, которые позволяют субъекту иметь права и нести обязанности – возраст и вменяемость. Принцип личной ответственности, принцип ответственности вменяемого лица и принцип ответственности за вину – все это частные проявления принципа субъективного вменения (см.: *Назаренко Г.В.* Указ. соч. С. 63-64).

[399] *Витрук Н.В.* Указ. соч.

[400] См.: *Дагель П.С., Михеев Р.И.* Указ. соч. С. 10-11.

[401] *Виноградов В.А.* Указ. соч. С. 215.

[402] См.: *Дагель П.С., Михеев Р.И.* Указ. соч. С. 6.

[403] Там же. С. 7. В то же время автор теории справедливости Дж. Роулз отмечал, что установление вины уголовным судом – проявление несовершенной процедурной справедливости, так как, несмотря на строгое, честное и правильное ведение дела, «невиновный человек может быть провозглашен виновным, а совершивший преступление окажется на свободе» (*Роулз Дж.* Теория справедливости: Пер. с англ. / Науч. ред. и предисл. В.В. Щелищева. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. С. 86).

бюджетных споров показывает, что зачастую суды не рассматривают указанные индивидуализирующие факторы, применяя нормы бюджетного законодательства на основе принципа объективного вменения.

С учетом изложенного, юридическая процедура установления вины видится в определении стабильного перечня условий и внешних объективаций правонарушения, свидетельствующих о вине лица или ее отсутствии, а также соответствующего законодательного решения вопроса об используемой модели доказывания[404]. Установить вину – значит познать психику человека посредством анализа его деятельности[405]. И.С. Самощенко отмечал, что нет абстрактной вины, она всегда конкретна и проявляется в конкретном правонарушении[406]. Установление вины подразумевает «процесс выяснения в деянии (действии или бездействии) субъекта признаков умысла или неосторожности, указанных в законе, определения формы и степени вины, вида, содержания и направленности умысла, вида и содержания неосторожности, мотивов, цели преступления и иных признаков субъективной стороны»[407]. При этом формы психического отношения – абстракции – наполняются содержанием в каждом конкретном случае[408].

Устанавливается вина согласно пониманию ее форм, конструируемых из различного сочетания интеллектуального и волевого моментов. Как представляется, отраслевое законодательство должно быть построено таким образом, чтобы конкретный состав правонарушения указывался с релевантной формой искомой вины, соответствующей сущности противоправного проступка[409]. При этом для установления вины в форме небрежности и вины коллективных субъектов (в рамках поведенческой концепции) должны быть определены измеримые, однозначно трактуемые и понятные критерии. В этом смысле стоит

---

[404] Причем такой перечень обстоятельств подлежит определению вне зависимости от выбранной презумпции, так как привлекаемое лицо в любом случае должно иметь вполне определенные представления о том, что именно будет означать установленная в его отношении вина.

[405] См.: *Векленко С.В.* Указ. соч. С. 127.

[406] См.: *Самощенко И.С.* Указ. соч. С. 137.

[407] См.: *Дагель П.С., Михеев Р.И.* Указ. соч. С. 10-11.

[408] См.: *Назаренко Г.В.* Указ. соч. С. 52.

[409] Указанное позволит, например, преодолеть оценочные моменты при установлении вины в форме простой или грубой неосторожности в гражданском праве.

согласиться с позицией Г.А. Злобина и Б.С. Никифорова применительно к уголовному праву о том, что «с точки зрения его гносеологической функции закон должен быть непосредственным выражением не теории уголовного права, а алгоритма судебной деятельности по квалификации преступления и определения наказания»[410]. Кроме того, еще со времен римского права действует принцип «lex non cogit ad impossibilia» (*закон не должен требовать невозможного)*[411], что для анализируемых вопросов означает неизбежность формулирования релевантных критериев, на которые должны опираться суды при установлении вины лица в совершении правонарушения. Думается, что наиболее оптимальная модель для целей бюджетного права предполагает формирование ориентиров понимания объективных критериев вины на законодательном уровне, а конкретное их наполнение должно происходит посредством формирования правоприменительной практики (в том числе при реализации мероприятий государственного финансового контроля органами Федерального казначейства, Счетной палатой Российской Федерации и контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации).

В рамках процессуальной деятельности уполномоченных государственных органов определяется не только факт наличия вины, но также ее степень, которая выражает глубину и стойкость антиобщественных установок субъекта, определяет вину с количественной стороны как меру отрицательного отношения виновного лица к основным социальным ценностям[412]. Степень вины как количественное

---

[410] *Злобин Г.А. Никифоров Б.С.* Умысел и его формы. М.: «Юридическая литература», 1972. С. 249. П.С. Дагель и Р.И. Михеев считают, что в целях исключения ошибок при определении вины необходимо дальнейшее совершенствование текста закона, в том числе в части описания умысла и неосторожности (см.: *Дагель П.С., Михеев Р.И.* Указ. соч. С. 23).

[411] Так (применительно к налоговому праву) Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении от 25 ноября 2008 года № 7841/08 по делу № А60-13433/2007-С6 указал, что законодатель, устанавливая особенности определения налоговой базы налогоплательщиками, осуществляющими деятельность, связанную с использованием объектов обслуживающих производств и хозяйств, должен создавать условия, обеспечивающие возможность ее применения налогоплательщиками в различных ситуациях. При этом устанавливаемые налоговым законодательством требования должны быть выполнимы».

[412] См., например: *Рарог А.И.* Указ соч. С. 102, 124. Следует отметить, что праву в целом не очень интересно, почему лицо отрицательно относится к ценностям общества, однако мотивы, лежащие в основе поведения, определяют степень вины (см.: *Самощенко И.С.* Указ. соч. С. 158-159).

выражение психических процессов, происходящих в сознании лица по поводу совершения правонарушения, позволяет, в частности, принять решение о смягчении юридической ответственности[413]. Другими словами, степень вины характеризует серьезность проступка, от чего определяется и строгость ответственности[414]. В науке также отмечается, что характер и степень вины влияют на содержание восстановительной функции юридической ответственности (ее восстановительное воздействие), например, вопрос об уменьшении неустойки, если она явно несоразмерна последствиям, характеру вины правонарушителя[415]. Представляется, что развитие научной мысли о степени вины важно для бюджетного права, в котором имеет значение как фактическое достижение или недостижение целей бюджетной политики (для чего предоставлялись бюджетные средства, был ли достигнут эффект от их использования), так и количественные факторы, в том числе обусловленные нецелевым, неэффективным использованием бюджетных средств.

При установлении вины неизбежно встает вопрос о том, какие обстоятельства будут однозначно свидетельствовать о ее отсутствии, при этом формирование соответствующего перечня позволяет значительно упростить задачи по доказыванию вины. К их числу следует отнести следующие основные факторы, которые в совокупности являются обстоятельствами, исключающими вину в совершении деяния и, как следствие, не позволяющими рассматривать его (деяние) в качестве правонарушения.

Во-первых, «извиняющим» обстоятельством выступает невменяемость лица. Согласно позиции В.С. Нерсесянца вменяемость субъекта означает, что его действия с субъективной стороны носят виновный характер[416]. Г.В. Назаренко считает, что вменяемостью является способность субъекта «действовать виновно,

---

[413] «Великая заслуга уголовной защиты в истории правосудия, именно и заключается в раскрывании обстоятельств, не только смягчающих, но и совсем даже погашающих нравственную виновность подсудимого, нарушившего формальный уголовный закон» (*Владимиров Л. Е.* Учение об уголовных доказательствах. СПб.: Кн. маг. «Законоведение», 1910. С.172).

[414] См.: *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* Указ. соч. С. 88.

[415] См.: *Хачатуров Р.Л. Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 344.

[416] См.: *Нерсесянц В.С.* Указ. соч. С. 246.

то есть осознанно (с разумением) и волимо (в соответствии с разумением)»[417]. Отметим, что вменяемость предстает в качестве предпосылки виновной ответственности[418]. В свою очередь, невменяемость означает нарушение способности человека к адекватному отражению окружающей действительности и на его основе к избирательному поведению[419]. Невменяемость исключает вменение в вину содеянного, что, разумеется, исключает и юридическую ответственность[420].

Во-вторых, невиновным является деяние, ставшее следствием случая или вызвано действием непреодолимой силы, что составляет субъективные границы вины. На понятиях данных категорий с учетом необходимости рассмотрения вопроса об их внедрении в бюджетное право следует остановиться несколько более подробно. Так, случай (казус) по Аристотелю – это «причина чего не определена, происходит не ради чего-либо и не всегда и не по большей части, и не по какому-либо закону»[421]. Под случаем В.П. Грибанов понимал событие, наступление которого не мог предвидеть причинитель вреда в данном конкретном случае[422]. Е.А. Суханов определяет казус как «событие, которое могло бы быть предотвращено ответственным за это лицом, но этого им не было сделано лишь потому, что такое событие невозможно было предвидеть и предотвратить ввиду внезапности его наступления»[423]. В уголовном праве выделяются как субъективный случай или казус, заключающийся в отсутствии элементов вины (осознания и желания), так и психказус как невозможность предотвращения последствий в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам[424].

А.Б. Венгеров расширил понятие казуса, указав, что в него следует включать как отсутствие причинной связи между деянием и его результатом (невыполнение

---

[417] См.: *Назаренко Г.В.* Указ. соч. С. 70.

[418] См.: *Векленко С.В.* Указ. соч. С. 77-78, 87.

[419] Там же.

[420] См.: *Назаренко Г.В.* Указ. соч. С. 73.

[421] *Аристотель.* Риторика / Пер. с греч. Н. Платоновой. СПб: Тип. В. С. Балашева и Ко, 1894. С. 10.

[422] См.: *Грибанов В.П.* Указ. соч. С. 343.

[423] См.: Российское гражданское право: Учебник. Под ред. Е.А. Суханова. С. 466.

[424] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный). Т. 1. Общая часть. Комментарий к ст. 28 (автор комментария – Ю.Е. Пудовочкин).

обязательства, но в силу стихийного бедствия), так и невиновное причинение вреда (вне воли и желания человека)[425]. В этой связи, однако, следует сделать одну оговорку, проиллюстрировав ее следующим. Исследуя указанную проблематику применительно к римскому праву, Е.В. Пассек пришел к выводу, что следует выделять два вида случаев – простой (casus) и особый (damnum fatale, vis major – т.е. непреодолимая сила). Даже при простом случае поведение также оценивается как акт виновного деяния, который проявился в том, что лицо не проявило ту степень заботливости, какая требовалась от него по характеру обязательства от самого заботливого хозяина[426]. Другими словами, в римском праве невиновное поведение было оценочной категорией по критерию заботливости обыкновенного хозяина (тогда до границ простой неосторожности), либо заботливого и осмотрительного хозяина (до границ легкой неосторожности, поглощавшей казус), однако всегда до пределов непреодолимой силы[427]. Повышенные требования возлагались, если лицо взялось выполнить работу как мастер своего дела[428]. Таким образом, непреодолимая сила[429] рассматривается как обстоятельство, не только исключающее вину, но также и саму обязанность по возмещению вреда[430]. Несмотря на вышеприведенные замечания представляется оправданным сделать

---

[425] См.: *Венгеров А.Б.* Указ. соч. С. 538-539.

[426] См.: *Пассек Е.В.* Понятие непреодолимой силы (vis major) в гражданском праве. М.: Статут, 2003. С. 199-201.

[427] См.: *Хужин А.М.* Указ. соч. С. 8-9.

[428] См.: *Новицкий И.Б.* Основы римского гражданского права. М.: Зерцало, 2007. С. 153-154. О.В. Дмитриева считает указанные факты проявлением безвиновной «ответственности» (о критике которой см. параграф 1.1 настоящей работы), отмечая, что они сохранялись в узкой сфере имущественных отношений, например, в отношении тех, кто имел во власти чужую вещь на основании договора или права (корабельщик, хозяин гостиницы) с обязанностью за вознаграждение соблюдать наивысшую заботливость (diligentia exactissima) (*Дмитриева О.В.* Указ. соч. С. 11-12).

[429] Перечень релевантных фактов, свидетельствующих о непреодолимой силе, преимущественно является открытым. Например, согласно пункту 1.3 Положения о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор), утвержденного постановлением Правления Торгово-промышленной палаты Российской Федерации от 23 декабря 2015 года № 173-14, форс-мажором могут быть признаны стихийные бедствия (землетрясение, наводнение, ураган), пожар, массовые заболевания (эпидемии), забастовки, военные действия, террористические акты, диверсии, ограничения перевозок, запретительные меры государств, запрет торговых операций, в том числе с отдельными странами, вследствие принятия международных санкций и другие, не зависящие от воли сторон договора (контракта) обстоятельства.

[430] В свою очередь, О.В. Дмитриева считает, что возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности (автор считает это проявлением ответственности), следует разделять на виды: обычные – до пределов непреодолимой силы (к ним теперь относится и воздушный транспорт), особые – даже при непреодолимой силе (космические объекты) (см.: *Дмитриева О.В.* Указ. соч. С. 32-33).

аналогичный вывод и применительно к случаю. На наш взгляд, казус и вина имеют принципиальное различие, так как случай всегда предполагает не только фактическую, но также и объективную (в том числе с применением объективных масштабов в рамках поведенческой концепции вины) невозможность соблюдения требований правовой нормы. Думается, что однозначное разграничение случая и вины в рамках бюджетного законодательства позволит дифференцировать применяемые государством меры за нарушение его предписаний, одновременно повысив значение воспитательно-предупредительного эффекта мер бюджетно-правовой ответственности, применяемых к актам виновного деяния правонарушителя.

В-третьих, вины лица не будет, если деяние является общественно полезным. Стоит отметить, что именно по вине различаются внешне противоправные факты причинения вреда при задержании, необходимой обороне и т.п. В этих случаях лицо сознает общественно полезный характер своего деяния, защищая законные права и интересы[431]. При правомерном причинении вреда право (закон) просто отдает предпочтение одним ценностям в ущерб другим, менее значимым[432] (например, вред работодателю при забастовке, нецелевое использование предоставленных бюджетных средств в связи с направлением их на ликвидацию последствий аварии).

Наконец, деяние может быть следствием ошибки, определяемой как неправильное представление лица относительно юридического значения совершенного деяния в целом или его существенных обстоятельств[433]. Вину может исключать ошибка в правовом запрете и ошибка-незнание. Ошибка в правовом запрете (юридическая ошибка) выражается в неверной оценке деяния как правомерного. В большинстве случаев она преодолевается через презумпцию

---

[431] См.: *Назаренко Г.В.* Указ. соч. С. 36-37.

[432] См.: *Черданцев А.Ф.* Указ. соч. С. 312-313.

[433] См: Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.П. Ревина. М.: Юстицинформ. 2016. С. 219-221; Уголовное право. Общая часть: Учебник. 2-е издание перераб. и доп. / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Иногамовой-Хегай, д-ра юрид. наук, проф. А.И. Рарога, д-ра юрид. наук, проф. А.И. Чучаева. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008. С. 193-200. См. также: *Дорогин Д.А.* Разновидности юридической ошибки, исключающей уголовную ответственность // Lex russica. 2019. № 8. С. 74-85.

знания законов – принцип «Ignorantia juris non excusat» (*незнание закона не извиняет, не освобождает от ответственности*)[434] и, по общему правилу, не влияет на определение формы вины. Особенно это характерно для профессиональных участников правоотношений, которые преимущественно действуют в бюджетном праве. Однако ошибка может стать следствием добросовестного заблуждения, основанного, например, на дефекте формулирования правовой нормы[435] или объективной невозможности узнать о запрете. Подобные ошибки обусловливают судебное установление конкретной формы вины или ее отсутствие[436].

При этом стоит отметить, что презумпция знания законов все же является опровержимой. Г.К. Матвеев отмечал, что осознание общественной опасности и вредности деяний означает и осознание противоправности, государство не требует знания законов как таковых[437]. И.С. Самощенко подчеркивал, что наказание лица при доказанности знания о противоправности своего поступка представляет собой объективное вменение (не знал, не мог и не должен был знать о запрещенности поступка)[438]. Н.С. Малеин подчеркивал, что вина охватывает отношение к деянию и последствиям не только применительно к фактическим обстоятельствам, но и «в смысле их общественно опасного противоправного характера». При этом знать нормы не обязательно, но должен осознаваться общественно вредный характер поведения[439].

Как представляется, к ошибке в запрете примыкает также руководство лица письменными разъяснениями, данными ему либо неопределенному кругу лиц уполномоченными государственными органами в пределах своей компетенции. Указанный случай в качестве обстоятельства, исключающего вину в совершении

---

[434] См.: Латинские юридические изречения / Сост. Е.И. Темнов. М.: Право и закон; Экзамен, 2003. С. 185.

[435] Указанное неизбежно влияет на результативность правового регулирования (подробнее об этом см.: *Кожокарь И.П.* Эффективность права в категориальном аппарате теории права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 2. С. 196-225).

[436] См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник. Практикум / Под ред. А.С. Михлина. М.: Юристъ, 2004. С. 167.

[437] См.: *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 267.

[438] См.: *Самощенко И.С.* Указ. соч. С. 145-146.

[439] См.: *Малеин Н.С.* Указ. соч. С. 16.

налогового правонарушения, прямо названо в подпункте 3 пункта 1 статьи 111 Налогового кодекса РФ. С учетом близости налогового и бюджетного права следует иметь в виду целесообразность формулирования подобного правила в Бюджетном кодексе РФ.

Ошибка-незнание (фактическая ошибка) предполагает, что лицу неизвестны значимые обстоятельства, которые оказывают влияние на квалификацию деяния. В этом случае может иметь место как вина в форме неосторожности (обстоятельство могло и должно было быть известно лицу), так и невиновное причинение вреда[440]. Вину будет исключать извинительная фактическая ошибка, т.е. такая, которую лицо объективно избежать не могло[441]. С.В. Векленко отмечает, что категория ошибки в праве должна быть четко обозначена в своих границах в виде того минимума знаний, наличие которого может свидетельствовать о реальном или возможном (при надлежащей внимательности) понимании объекта правонарушения. При объективном отсутствии такого минимума знаний имеет место невиновное причинение вреда[442].

Все вышеуказанные обстоятельства – как «извиняющие», так и свидетельствующие о вине, ее конкретных формах проявления и степени – вопрос достоверных доказательств, приводимых в соответствующем процессе при разрешении конкретного деяния. Совокупность всех обстоятельств дела, определяющих установление вины, представляют собой «объем и характер фактических обстоятельств, характеризующих систему взаимосвязи «деяние – ситуация – личность», существенных, необходимых и достаточных для установления вины и ее содержания, формы и степени[443]. Так, например, признание подсудимым своей вины, если оно не подтверждено совокупностью

---

[440] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Р.О. Долотов и др.; под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021 [Доступ из СПС КонсультантПлюс]. Комментарий к ст. 24 (автор комментария – Г.А. Есаков).

[441] См.: *Рарог А.И.* Указ. соч. С. 133, 135-136.

[442] См.: *Векленко С.В.* Указ. соч. С. 180-181.

[443] См.: *Дагель П.С., Михеев Р.И.* Указ. соч. С. 93.

других собранных по делу доказательств, не может служить основанием для постановления обвинительного приговора[444].

Законодательству известны две основные модели процедурного распределения обязанностей по доказыванию вины и связанных с ней обстоятельств, которые в самом общем виде представляют собой презумпции виновности и невиновности[445]. В первом случае отсутствие своей виновности должно доказать само лицо, в свою очередь, при выборе презумпции невиновности доказательная база формируется другим участником правоохранительного отношения – уполномоченным государственным органом. С учетом целесообразности рассмотрения вины в бюджетном праве в рамках двуединой модели необходимо проанализировать обе указанные презумпции более подробно, отметив общие характеристики правовой презумпции[446].

Презумпция представляет собой своеобразный юридический прием, который заключается в том, что обоснованное предположение возводится в ранг юридического факта и принимается в качестве такового «по умолчанию», то есть до тех пор, пока не будет опровергнуто[447]. Классическим является определение презумпции, предложенное В.К. Бабаевым, а именно: «закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное соответствующим опытом»[448]. Согласно французскому правоведу Ж.-Л. Бержелю презумпцией

---

[444] Пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

[445] См. также: *Ибрагимов Р.Г.* Презумпция виновности в совершении бюджетного правонарушения: теоретический аспект // Финансовое право. 2020. № 6. С. 37-41.

[446] Презумпции наряду с оговорками, преюдициями, примечаниями и фикциями относятся к юридической технике, составляющей ядро догмы права (см.: Теория государства и права в науке, образовании, практике: монография / Ю.Г. Арзамасов, В.М. Баранов, Н.В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. М.: ИД Юриспруденция, 2016. С. 67). В последние годы проблематика теоретического осмысления правовых презумпций получила определенный импульс в трудах отечественных ученых. Среди теоретиков права следует выделить труды советского ученого В.К. Бабаева (см., например: *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве: учеб. пособие. Горький: Изд-во Горьк. высш. школы МВД СССР, 1974. 124 с.).

[447] См.: *Каминская В.И.* Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948; Нагорная Э.Н. Бремя доказывания в налоговых спорах: Монография. М.: Юстицинформ, 2006 [Доступ из СПС «КонсультантПлюс»].

[448] *Бабаев В.К.* Указ. соч. С. 14.

является «вид юридического суждения, в силу которого и на основании установленных фактов можно индуктивным путем вывести другой факт, который еще не доказан»[449]. Ученый считает, что установление презумпции преследует вполне осязаемую цель в правоприменительном процессе, побуждая «закон сделать уступку какой-то стороне из соображений юридической политики и определенных ценностей, которые этот закон стремится защищать»[450], при этом ценность «презумпций не превосходит ту ценность, которая присуща преследуемой ими цели». В таком значении презумпция служит обстоятельством, на основании которого возникает, изменяется или прекращается правоотношение; при этом доказывание или опровержение презумпции в рамках данного правоотношения и происходит[451].

Отметим, что значение имеет не только вопрос характера презумпций, их количества в конкретной отрасли законодательства и значение в регулировании тех или иных общественных отношений. Не менее важной является процедура установления презумпций, характер используемых юридических формулировок и точность их восприятия на этапе правоприменения. Другими словами, процесс презюмирования требует от законодателя высокого уровня юридической техники, достичь которого возможно лишь посредством определения «лучших» из уже введенных в правовую материю презумпций. В свою очередь, требование ясности и определенности правового регулирования[452] влечет необходимость установления четких критериев того, как, в каком объеме и пределах должна быть сконструирована правовая презумпция. Только в этом случае можно говорить о том, что законодатель создал эффективный механизм, а действующая

---

[449] *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права / Под. общ. ред. В.И. Даниленко / Пер. с фр. Г.В. Чуршукова. М.: Издательский дом NOTA BENE, 2000. С. 506. Ученый предлагает деление презумпций на легальные и косвенные (т.е. зависящие от правоприменителя), в свою очередь легальные делятся на простые и неоспоримые (Там же. С. 506-510). Очевидно, что применительно к презумпциям виновности и невиновности речь идет о простых легальных презумпциях.

[450] Там же. С. 507.

[451] См.: *Мелехин А.В.* Теория государства и права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. // СПС КонсультантПлюс. 2009.

[452] Категорию определенности в праве в своих работах подробно исследовал профессор Н.А. Власенко (см., например: *Власенко Н.А.* Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 32-44).

презумпция позволяет решить осознанную (и предполагаемую) им задачу. В рамках развития бюджетного законодательства презюмирование также имеет определенные перспективы, и, как представляется, со временем в Бюджетном кодексе РФ должны быть сконструированы правила не только о презумпциях, связанных с виной, но также о презумпции добросовестности[453].

Обратимся далее к презумпции невиновности[454], которая состоит в предположении, что вины лица в совершенном деянии нет, даже при наличии множества свидетельствующих об этом фактов[455]. Закон в таком случае для «свержения» презумпции требует определенной процедуры и подтверждения в виде решения уполномоченного органа (суда или органа административной юрисдикции). Таким образом, процесс доказывания виновности в совершенном лицом правонарушении одновременно является и опровержением презумпции, установлением факта ее неприменимости к конкретному делу.

Презумпция невиновности стала следствием развития взглядов о том, что государство и его представители также подчинены действию правовых норм, а потому должны доказать виновность лица, которого обвиняют в совершении преступления[456]. С.С. Алексеев и вовсе вместе с принципом ответственности за вину называет презумпцию невиновности одной из фундаментальных правовых ценностей[457]. В отечественном праве презумпция невиновности в совершении преступления закрепляется на конституционном уровне (статья 49 Конституции

---

[453] Подробнее об добросовестности в контексте бюджетного права см.: Поветкина Н.А. Категория «добросовестность» в бюджетном праве: постановка проблемы // Финансовое право. 2022. № 12. С. 7-9.

[454] По вопросу о пределах действия данной презумпции см.: *Чебуренков А.А., Штанов С.В.* Проблемы определения в юридической науке пределов действия презумпции невиновности // Российский судья. 2016. № 11. С. 31-36. Целесообразно также отметить, что в ряде современных исследований обосновывается необходимость введения презумпции финансовой виновности в отношении государственных служащих, чей уровень жизни не соответствует декларируемым доходам по модели ряда азиатских стран (в первую очередь, Сингапура) (см.: *Агешкина Н.А., Бельянская А.Б., Смушкин А.Б.* Комментарий к Федеральному закону от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2017 (комментарий к статье 3)).

[455] См.: *Мелехин А.В.* Указ. соч.

[456] См.: *Прудников М. Н.* История государства и права зарубежных стран : учебник для бакалавров. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт ; ИД Юрайт, 2013. С. 430-431.

[457] См.: *Алексеев С.С.* Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. М.: Норма, 2009. С. 100. Ч. Беккариа был первым, кто обосновал презумпцию невиновности как один из основополагающих правовых принципов (см.: Философия права: Учебное пособие / Отв. ред.: Н.Н. Черногор, О.Ю. Рыбаков; Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. М.: Статут, 2018. С. 90).

Российской Федерации) и означает, что: а) каждый обвиняемый считается невиновным до приговора суда[458]; б) обвиняемый не должен доказывать свою невиновность; в) неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в его пользу. Указанные положения стали следствием правила, закрепленного в части 1 статьи 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 года[459], где указано, что каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты[460].

Развивает конституционно- и международно-правовые положения статья 14 Уголовно-процессуального кодекса РФ[461], в которой, в частности, подчеркивается, что бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Кроме того, обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. По этому поводу Верховный Суд РФ в своем постановлении от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» отмечает, что сомнения в доказанности обвинения определяются в том числе на основании отдельных его составляющих, например, форм вины. Необходимо также отметить, что формулирование идеи о юридическом равенстве недоказанной виновности и доказанной невиновности означает, что лицо является реабилитированным и признается жертвой судебной и/или следственной ошибки[462].

---

[458] Данный документ является единственным юридическим актом, опровергающим презумпцию невиновности (см.: Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головко. М.: Статут, 2016. 1278 с. [Доступ из СПС КонсультантПлюс]).

[459] Принята Генеральной Ассамблеей Организации объединенных наций 10 декабря 1948 года (Российская газета. 1995. № 67).

[460] В ч. 2 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций 16 декабря 1966 года (Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12), также указано, что каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону.

[461] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

[462] См.: *Безлепкин Б.Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 15-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2021. 640 с. Комментарий к ст. 14.

В административном законодательстве также используется презумпция невиновности в совершении административного правонарушения (статья 1.5 КоАП РФ)[463]. Вместе с тем установлено, что бремя доказывания в ряде случаев может быть возложено на самого обвиняемого[464], что свидетельствует о выборе в этой части презумпции виновности. В литературе отмечается при этом, что закон не обеспечивает должного уровня процессуальных гарантий реализации презумпции невиновности, так как «стороны обвинения в производстве по делам об административных правонарушениях de jure не существует, поэтому функции обвинения «вынужден» de facto брать на себя суд»[465]. В то же время следует отметить позицию Конституционного Суда РФ, обозначенную в постановлении от 27 марта 2023 года № 11-П[466], в котором отмечено, что без установления в предусмотренном порядке вины, «привлечение к административной ответственности неминуемо будет вступать в противоречие с конституционной природой презумпции невиновности, предполагающей в соответствии со статьей 49 (части 1 и 3) Конституции Российской Федерации возможность ее преодоления исключительно вступившим в законную силу судебным (юрисдикционным) актом, при принятии которого любые неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, должны толковаться в его пользу».

Обратимся к решению вопроса о презюмировании вины в финансовом праве. Стоит отметить, что категории презумпций в целом до настоящего времени

---

[463] См. также: пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.

[464] Согласно примечанию к статье 1.5 КоАП РФ при совершении лицом административного правонарушения в области дорожного движения и благоустройства территории, совершенные с использованием транспортных средств либо собственником, владельцем земельного участка либо другого объекта недвижимости, в случае фиксации этих административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами.

[465] *Мацкевич П.Н.* Преюдиция в гражданском и административном судопроизводстве. М.: Статут, 2020. 239 с. [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

[466] «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 2.1 и статьи 12.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой государственного бюджетного учреждения города Москвы «Автомобильные дороги Зеленоградского административного округа» // СЗ РФ. 2023. № 15. Ст. 2745.

составляет научный интерес исключительно специалистов в сфере налогового права[467]. Соответствующие разработки стали результатом принятия Налогового кодекса РФ, в котором в пункте 6 статьи 108 закрепляется презумпция невиновности[468]), что свидетельствует об устремлениях законодателя по улучшению положения налогоплательщика посредством возложения бремени доказывания на налоговые органы[469]. Вполне оправданной представляется позиция М.В. Карасевой, которая указывает, что данная презумпция является одним из проявлением общей презумпции добросовестности налогоплательщика[470], формулируемой ученым следующим образом: «предполагается, что налогоплательщик добросовестен, т.е. он сообразует свое поведение с требованиями норм налогового права»[471]. По аналогии можно предположить, что презумпция невиновности в совершении бюджетного правонарушения также должна рассматриваться в контексте презумпции добросовестности участника бюджетных правоотношений.

Принципиально иное содержание имеет презумпция виновности в совершении правонарушения, однако механизм ее опровержения строится идентичным образом – доказать, что в действиях лица не было обстоятельств, презюмируемых законом. В качестве существенного теоретического замечания следует обозначить, что в юридической науке вплоть до настоящего времени не решен вопрос о том, как следует соотносить понятия вины и виновности.

---

[467] В этой связи следует отметить следующие работы: *Щекин Д.М.* Юридические презумпции в налоговом праве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001; *Карасева М.В.* Презумпции и фикции в части первой Налогового кодекса РФ // Журнал российского права. 2002. № 9. С. 71-81; *Пилипенко А.А.* Налогово-правовая презумпция: вопросы научного понимания // Налоги. 2017. № 1. С. 29-32 и некоторые другие.

[468] Лицо считается невиновным в совершении налогового правонарушения, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке. Лицо, привлекаемое к ответственности, не обязано доказывать свою невиновность в совершении налогового правонарушения. Обязанность по доказыванию обстоятельств, свидетельствующих о факте налогового правонарушения и виновности лица в его совершении, возлагается на налоговые органы. Неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к ответственности, толкуются в пользу этого лица.

[469] По вопросу анализа презумпции добросовестности в призме конституционного правосудия см.: Судебная практика в современной правовой системе России: монография / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.В. Габов и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М.: ИЗиСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2017. [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

[470] См.: *Карасева М.В.* Бюджетное и налоговое право России (политический аспект). М.: Юристъ, 2005. С. 128.

[471] Там же. С. 127.

Например, С.В. Векленко для целей уголовного права считает, что виновность характеризует не только наличие субъективных, но также объективных элементов преступления. В таком понимании виновности появляются законные основания не привлекать к уголовной ответственности лиц, даже при наличии у них вины в совершении преступления (например, при малозначительных деяниях, наличии иммунитетов и т.п.)[472]. И.С. Дикарев также отмечает, что в науке уголовного права различие вины и виновности состоит в том, что последняя включает в себя не только собственно психическое отношение лица, но и факт совершения им определенных действий, образующих объективную сторону состава преступления[473]. В свою очередь, П.С. Дагель и Р.И. Михеев указывали, что виновность характеризует именно вину, выраженную в совершенном лицом деянии[474].

В то же время, по мнению Е.В. Юрчак, вина отличается от виновности тем, что виновность представляет собой вину, доказанную с учетом всех обстоятельств совершения правонарушения и установленную вступившим в законную силу правоприменительным актом[475]. Позволим себе согласиться именно с указанным подходом, отметив, что вину следует понимать в увязке с понятием виновности, характеризующую признание наличия вины в совершении конкретного правонарушения. В связи с этим представляется оправданным использовать термин «презумпция виновности» по той причине, что пока не будет доказано обратное, согласно презумпции вина лица в совершении бюджетного правонарушения считается установленной.

Наиболее характерный пример презумпции виновности закреплен в гражданском законодательстве. Избрание данной презумпции (пункт 2 статьи 401 и пункт 2 статьи 1064 Гражданского кодекса РФ) следует традиции, сложившейся

---

[472] См.: *Векленко С.В.* Указ. соч. С. 91-92.

[473] См.: *Дикарев И.С.* Признание обвиняемым себя виновным в совершении преступления // Российская юстиция. 2018. № 4. С. 36.

[474] *Дагель П.С., Михеев Р.И.* Указ. соч. С. 10.

[475] См.: *Юрчак Е.В.* Указ. соч. С. 16. Указанный автор также обобщает имеющиеся точки зрения по данному вопросу (Там же. С. 82-84).

еще в римском частном праве[476], и объясняется тем, что кредитор (потерпевший) скорее не располагает сведениями о деятельности должника, обратная презумпция стала бы «непреодолимой преградой для привлечения последнего к ответственности»[477]. Д.А. Пашенцев и В.В. Гарамита считают справедливым, что в гражданских спорах суд руководствуется действующей презумпцией вины, но при этом все же должен оценить аргументы лица о своей невиновности. Его внутреннее состояние (на момент совершения правонарушения) можно оценить исключительно по внешним признакам, причем исходя из поведения других участников оборота или его собственных действий в аналогичных ситуациях[478]. Еще одно обоснование выбора данной презумпции заключается в действующих принципах гражданского права: свободы участия субъектов в гражданском обороте, предполагающей, что лицо должно принять на себя риск возникновения неблагоприятных последствий своих действий, в том числе связанных с необходимостью доказывать невиновность, а также равноправия субъектов, так как потерпевший доказывает факт нарушения своих прав и законных интересов, а нарушитель – то, что он действовал невиновно[479].

В этой связи стоит также отметить позицию А.М. Хужина, согласно которому в гражданском праве в ряде случаев действует презумпция виновности, имеющая неопровержимый характер[480]. Указанную концепцию О.В. Дмитриева называет теорией процессуальных преимуществ, согласно которой потерпевший не должен доказывать наличие вины правонарушителя, а тот будет нести ответственность,

---

[476] См.: *Яковлева Э.Г.* Доказательственные презумпции в гражданском судопроизводстве // Администратор суда. 2011. № 2. С. 31-32.

[477] *Шевченко Г.Н.* Указ. соч. См., также: *Хохлов В.А.* Указ. соч. С. 230-231; *Сарбаш С.В.* Указ. соч. С. 288.

[478] См.: *Пашенцев Д.А., Гарамита В.В.* Указ. соч. С. 85.

[479] См.: *Витрук Н.В.* Указ. соч. Несколько иное правило предусмотрено при разрешении корпоративных споров. Так, в силу пункта 1 статьи 53.1 Гражданского кодекса РФ директор будет нести ответственность, если будет доказано, что он действовал недобросовестно или неразумно (содержание стандартов добросовестности и разумности определено в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 года «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (Солидарность. 2013. № 31)), в том числе если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску. Недобросовестность и неразумность фактически свидетельствуют о вине директора (подробнее об этом см.: *Гутников О.В.* Развитие корпоративной ответственности в судебной практике // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 48-65).

[480] См.: *Хужин А.М.* Указ. соч. С. 44.

даже если докажет свою невиновность[481]. Неопровержимость презумпции обусловлена тем, что в доказывании обратного нет необходимости в силу «отсутствия юридического интереса, либо законодательного установления неопровержимости». А.М. Хужин дальше пишет: «Устанавливая неопровержимую презумпцию, законодатель указывает на усиление виновного начала ответственности в определенных законом случаях до максимальных пределов субъективной возможности лица»[482]. Все же думается, что такое решение вопроса (по крайней мере, для целей возможной имплементации в бюджетное законодательство) является неверным. Распространяя вину до случая, ученый как бы меняет саму конструкцию вины, антиподом которой всегда выступает случай. В связи с этим Д.Е. Богданов справедливо отмечает, что предложенная позиция является не более чем попыткой обосновать теорию безвиновной «ответственности», оставаясь при этом в рамках индивидуалистической концепции ответственности за вину[483].

При рассмотрении вопроса о презумпции следует отметить также позицию Р.О. Халфиной, которая указывала, что в рамках ответственности за правонарушение (ученый выделяла два вида ответственности) зачастую устанавливается презумпция невиновности, а при ответственности за нарушение прав и обязанностей в существующем правоотношении – «презумпция виновности лица, не исполнившего обязанность или нарушившего право», так как соответствующие нормы преследуют различные цели. В первом случае ставится задача стимулировать соблюдение правопорядка, во втором – активную деятельность участника правоотношения, направленную на выполнение имеющихся обязанностей[484]. Как представляется, с одной стороны, выделение видов ответственности в данном ключе представляется недостаточно

---

[481] См.: *Дмитриева О.В.* Указ. соч. С. 47.

[482] См.: *Хужин А.М.* Указ. соч. С. 63.

[483] См.: *Богданов Д.Е.* Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 454.

[484] См.: *Халфина Р.О.* Указ. соч. С. 322, 325.

обоснованным, и, кроме того, в отсутствие дополнительной аргументации все же не прослеживаются различия между моделями презюмирования.

Завершая анализ различных законодательных решений относительно выбора модели доказывания отметим, что согласно позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в постановлении от 27 апреля 2001 года № 7-П[485], вопрос о распределении бремени доказывания может решать сам законодатель, в том числе с учетом особенностей регулируемых отраслью отношений, субъектного состава, требования неотвратимости ответственности и т.п. Вместе с тем осязаемые критерии того, как должен поступить законодатель при конструировании презумпции впервые (указанный вопрос особенно актуален для бюджетного законодательства), все же должны быть установлены. В этой связи следует исходить из двух существенных предпосылок – профессиональном характере деятельности, осуществляемой участником соответствующего правоотношения, а также поиске оптимального баланса интересов.

Действительно, наблюдать применение данных критериев возможно по всей системе законодательства: физическое лицо, которого обвиняют в совершении преступления или административного правонарушения, для обеспечения баланса и защиты как слабой стороны «поощряется» презумпцией невиновности, аналогичным образом право обеспечивает баланс интересов налогоплательщиков и налоговых органов. В свою очередь, презумпция виновности допустима в тех случаях, когда предполагаемый правонарушитель является профессионалом[486]. Так, например, судья Конституционного Суда РФ А.Л. Кононов в своем особом мнении по постановлению от 27 апреля 2001 года № 7-П справедливо отмечал, что «ответственность за нарушение таможенных правил носит публичный и

---

[485] «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат «Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита-Плюс» и «Невско-Балтийская транспортная компания», товарищества с ограниченной ответственностью «Совместное российско-южноафриканское предприятие «Эконт» и гражданина А.Д. Чулкова» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2409.

[486] Примером, помимо правил, установленных в Гражданском кодексе РФ, могут служить положения статьи 245 Трудового кодекса Российской Федерации (от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3).

именно административно-правовой характер… Здесь, в отличие от гражданско-правовой ответственности, существует неравноправие сторон, действуют отношения власти и подчинения между государственным органом, налагающим взыскание, и субъектом ответственности, и именно поэтому презумпция невиновности носит характер особой конституционной и общеправовой гарантии от произвола обвиняющей власти, гарантии соблюдения прав и свобод».

Несомненный научный интерес выбор модели доказывания исходя из субъектного состава представляют наработки конституционно-правовой науки. В частности, по мнению В.А. Виноградова, в условиях, когда конституционное право регулирует отношения неравноправных сторон, «презумпция невиновности носит характер особой конституционной и общеправовой гарантии соблюдения прав и свобод»[487]. Наиболее логичной в этой связи выглядит позиция, предполагающая необходимость разделять презумпции исходя из вида субъекта – для государственных органов следует установить презумпцию виновности, физических лиц – невиновности[488]. Думается, что подобной логики следует придерживаться и при конструировании случаев использования презумпции невиновности в бюджетном праве, особенно в контексте расширения его субъектного состава.

Таким образом, по результатам исследования вины как полиаспектной юридической категории, проявляющей себя как в правовой науке, так и в рамках позитивного права, определено, что ее значение заключается в следующем. Вина выступает в качестве детерминанты как правонарушения, так и юридической ответственности, рассматриваемой нами в единстве ее карательной и восстановительной (а также некоторых других) функций. На основе категории вины разграничению подлежат меры юридической ответственности и меры защиты, правонарушения и объективно противоправные деяния, а также однозначно решается вопрос о принадлежности фактов возмещения вреда

---

[487] *Виноградов В.А.* Указ. соч. С. 123.

[488] См., например: *Сергеев А.Л.* Конституционная ответственность федеральных органов государственной власти Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 11.

за случай (реже – действие непреодолимой силы) к иным, нежели юридическая ответственность, институтам. В силу специфики вины, включающей необходимость исследования психических процессов, ее понимание неизбежно включает объективные критерии – в них выражается вина в форме небрежности, выступающая границей, отделяющей данную категорию от случая, а также вина коллективных субъектов, воля которых, будучи лишь опосредованной волей физических лиц, иначе влияет на конструирование концепции вины. При этом юридическая процедура установления вины предполагает разработку универсальных критериев, а их наполнение в рамках разрешения конкретного правового спора с учетом сбора и оценки доказательств решается посредством установления презумпций виновности или невиновности. Вместе с тем разнонаправленные законодательные решения все же позволяют сделать общий вывод о том, что выбор той или иной презумпции для целей распределения бремени доказывания при установлении вины в совершении правонарушения должен определяться исходя из сущностных характеристик соответствующей отрасли (подотрасли) права и ее субъектов.

Важно отметить, что в отраслях, для которых вина является традиционной категорией, так и для тех правовых сфер, которые обратились к ней не так давно, понимание анализируемой категории, место в системе правового регулирования все же характеризуются актуальными дискуссиями и противоречиями. В этом смысле бюджетное законодательство находится на значительно более раннем этапе развития, так как вовсе не признает и не детерминирует вину, являющуюся универсальной правовой категорией, для целей бюджетно-правового принуждения.

Однако с учетом результатов исследования, предпринятого в настоящей главе, обозначим исходные данные, которые найдут свое отражение при формировании теоретико-правовой модели вины в бюджетном праве. Во-первых, вина занимает строго определенное место в системе иных правовых явлений охранительной части права, а именно является обязательным признаком правонарушения и элементом его состава и тем самым дифференцирует правовые

институты ответственности и защиты. Кроме того, категория вины предопределяет исход дискуссии о безвиновной (строгой) «ответственности», позволяет признать, что случаи возмещения вреда без вины не являются проявлением юридической ответственности. Следовательно, необходимо различать также институты бюджетно-правовой ответственности, мер бюджетно-правовой защиты и возмещения вреда в бюджетном праве, в основе которых находится качественное решение вопроса о вине.

Во-вторых, сущность и содержание вины раскрывается в двух основных аспектах, обусловленных видом субъекта правонарушения. Для физических лиц применима психологическая концепция вины (вина как отношение лица к деянию и его последствиям), для коллективных субъектов – поведенческая концепция (вина как непринятие всех необходимых мер для соблюдения установленных требований). С учетом качественного преобразования состава субъектов бюджетного права обе указанные концепции вины должны найти свое отражение при характеристике ее теоретико-правовой модели.

В-третьих, конструирование вины в бюджетном праве предполагает необходимость определения обстоятельств, исключающих вину в совершении деяния, содержащего признаки (бюджетного) правонарушения, к числу которых относятся невменяемость лица, а также если деяние стало следствием случая или вызвано непреодолимой силой, является общественно полезным или результатом ошибки. Кроме того, цели правоприменения диктуют потребность определения релевантной процедуры доказывания вины, выраженной в установлении соответствующих презумпций виновности и невиновности.

Все указанные аспекты в совокупности, которые можно рассматривать в качестве институционального (вина в системе правовых явлений и категорий), содержательного (двуединая модель вины в зависимости от субъектного состава регулируемых правом отношений) и процессуального (процедуры установления и доказывания вины) аспектов, требуют научного осмысления того, в каких основных характеристиках следует принять юридическую конструкцию вины в бюджетном праве, сформировав тем самым ее теоретико-правовую модель.

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ КАТЕГОРИИ ВИНЫ В БЮДЖЕТНОМ ПРАВЕ

§ 2.1. Общая характеристика категории вины в системе смежных категорий бюджетного права

С учетом выводов о месте категории вины в системе явлений правовой действительности, а также промежуточных замечаний относительно возможной синергии бюджетно-правового механизма и анализируемой категории вины, рассмотрим далее более подробно связь вины в бюджетном праве с иными ключевыми категориями его охранительной части, а именно принуждения, правонарушения и ответственности. При этом бюджетное принуждение наряду с убеждением является одним из средств обеспечения бюджетной дисциплины, понятие которой как разновидности финансовой дисциплины остается одним из наиболее аморфных, не закреплено и зачастую понимается слишком широко, что не позволяет зафиксировать ту «точку опоры», которая необходима для рассмотрения вины в системе иных категорий бюджетного права. Указанное обстоятельство дает основание обратить более пристальное внимание на исследование категории бюджетной дисциплины[489].

Дисциплина в целом как социальное явление представляет собой выраженную в нормах «некую совокупность требований, … которые сложились в обществе и предъявляются к поведению людей»[490]. Дисциплина реализуется во всех сферах общественной жизни, при этом в праве является формой объективации правопорядка[491]. В теории советского финансового права в содержание финансовой дисциплины включалось, в частности, полное и

---

[489] См. также: *Ибрагимов Р.Г.* Меры принуждения в системе правовых средств обеспечения бюджетной дисциплины // Финансовое право. 2021. № 6. С. 43-47.

[490] См.: Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка. С. 272.

[491] Там же. С. 52.

своевременное выполнение всеми субъектами своих обязательств по платежам в бюджет, а также расходование средств по целевому назначению в пределах, установленных финансовым планом, и в соответствии с фактическим выполнением количественных и качественных показателей планов и с максимальной экономией[492]. В.В. Бесчеревных отмечал, что случаи нецелевого (не по назначению) использования сметных кредитов являются нарушением сметно-бюджетной дисциплины, и виновные в этом лица «привлекаются к административной, а в некоторых случаях и к судебной ответственности»[493]. К проблеме соблюдения финансовой дисциплины обращались и в зарубежной литературе. В частности, французский ученый Б. Гурней отмечал, что «в глазах многих руководителей необходимость соблюдения финансовой дисциплины не представляется наиболее важной задачей. Для руководителя административной единицы самым главным является выполнение тех задач, которые соответствуют конечным целям, поставленным перед данным органом»[494]. В современных реалиях, как справедливо отмечает Н.А. Поветкина, обеспечение финансовой дисциплины, является одним из ключевых условий (наряду с предупреждением рисков и совершенствованием системы финансового контроля) поддержания финансовой устойчивости государства[495].

Финансовая дисциплина раскрывается в различных формах – бюджетной, налоговой, учетной, платежной и других. Однозначного понятия бюджетной дисциплины наукой в настоящее время не предложено[496], а на уровне

---

[492] См.: Финансовое право / под ред. В. В. Бесчеревных, С. Д. Цыпкина. С. 397.

[493] Там же. С. 139.

[494] *Гурней Б.* Введение в науку управления. Пер. с фр. Г.С. Яковлева, ред. и вступ. статья М.И. Пискотина. М.: Издательство «Прогресс». С. 104.

[495] См.: *Поветкина Н.А.* Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения: монография / под ред. И.И. Кучерова. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2016. С. 41.

[496] Здесь следует упомянуть работу В.Н. Репецкого, в которой комплексно рассмотрена бюджетная дисциплина как финансово-правовая категория (см.: *Репецкий В.Н.* Бюджетная дисциплина и ее финансово-правовое обеспечение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984). В период 1990-х годов издавались также отдельные нормативные правовые акты в целях укрепления бюджетной (финансовой) дисциплины (например: Указ Президента Российской Федерации от 18 сентября 1996 года № 1363 «Об укреплении бюджетной дисциплины в части таможенных платежей» // СЗ РФ. 1996. № 39. Ст. 4529; Указ Президента Российской Федерации от 14 мая 1998 года № 554 «О мерах по укреплению финансовой дисциплины и исполнению бюджетного законодательства Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2145).

правоприменения суды нередко используют термин «бюджетная дисциплина» как абстрактную и широкую категорию. В частности, в своих определениях Верховный Суд РФ противопоставляет явления бюджетной дисциплины и бюджетного правонарушения[497], использует термин «бюджетно-учетная дисциплина», под которой понимает всю совокупность требований законодательства в финансово-бюджетной сфере, а также правил бухгалтерского учета[498], а также рассматривает вопросы «соблюдения бюджетного законодательства и учетной дисциплины»[499]. Подобный диссонанс даже на уровне одного суда не способствует единству подходов к оценке и анализу такого явления, как бюджетная дисциплина. Указанное, в свою очередь, в перспективе влечет также негативные практические последствия, так как правоприменитель, не используя четкую и однозначную терминологию в отношении бюджетно-правовых явлений, в конечном итоге начинает заимствовать конструкции иной отраслевой принадлежности (например, неосновательное обогащение из гражданского права), причем зачастую не связанных с задачами, стоящими перед бюджетным правом.

В связи с этим представляется необходимым обозначить, что бюджетная дисциплина как ключевой вид финансовой дисциплины[500] раскрывается в системе требований, предъявляемых к участникам бюджетных правоотношений и направленных на неукоснительное соблюдение ими предписаний, выраженных в нормах бюджетного законодательства. Такое понимание бюджетной дисциплины обусловливает то, что она является категорией общего порядка: совершение бюджетного правонарушения, несоблюдение правил, определяющих порядки формирования доходов и осуществления расходов, а также другие подобные

---

[497] См.: определение Верховного Суда РФ от 4 марта 2020 года № 307-ЭС20-453 по делу № А44-12001/2018

[498] См.: определение Верховного Суда РФ от 24 июля 2019 года № 308-ЭС19-10927 по делу № А53-20898/2018.

[499] См.: определение Верховного Суда РФ от 10 января 2019 года № 309-КГ18-22943 по делу № А50-1365/2016.

[500] Как и сам бюджет является ключевым элементом финансовой системы Российской Федерации.

случаи отклонений от требований бюджетного законодательства – все это представляет собой частные случаи нарушения бюджетной дисциплины.

Для целей поддержания надлежащего уровня бюджетной дисциплины государство использует систему разнообразных правовых средств, категория которых исследуется в рамках инструментальной теории, определяющей право как прикладное явление, своеобразный инструмент, направленный на достижение конкретных заданных целей[501]. По мнению Д.А. Пашенцева и Л.Б. Ситдиковой, правовые средства могут быть определены как «приемы и способы достижения целей правового регулирования, то есть в конечном счете достижения упорядоченности общественных отношений, основанной на законности», и относят к ним «права, обязанности, запреты, поощрения, санкции, льготы, а также сами нормы права, которые формулируют и закрепляют указанные средства»[502]. Обращаясь непосредственно к бюджетно-правовым средствам, отметим позицию Н.В. Омелехиной, которая рассматривает их как инструментальные образования правовой действительности, приводящие к достижению определенного правового результата[503]. С учетом этого систему правовых средств обеспечения бюджетной дисциплины в самом общем виде можно представить как упорядоченную совокупность мер, обеспечивающих соблюдение предписаний, выраженных в нормах бюджетного законодательства.

---

[501] См.: *Попондопуло В.Ф.* Правопонимание: критический обзор основных концепций // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 15-29 [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

[502] *Пашенцев Д.А., Ситдикова Л.Б.* Правовые средства реализации национальных целей Российской Федерации (теоретико-правовой аспект) // Российская юстиция. 2019. № 8. С. 2-4 [Доступ из СПС КонсультантПлюс]. Указанное определение стало во многом результатом обобщения дефиниций правовых средств, ранее предложенных в правовой науке. См., например: *Алексеев С.С.* Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 14; *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. С. 17; *Сапун В.А.* Теория правовых средств и механизм реализации права: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. С. 52-53; Правовые средства противодействия коррупции / Под ред. Н.А. Власенко. М.: Юриспруденция, 2012. С. 13; *Пугинский Б.И.* Указ. соч. С. 87. По мысли С.С. Алексеева комплекс «правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования» образует правовой режим (см.: *Алексеев С.С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1989. С. 185).

[503] См.: *Омелехина Н.В.* Бюджетно-правовые средства: правовая идентификация и эффективность воздействия. Часть 1. Общая характеристика и отличительные особенности // Финансовое право. 2019. № 8. С. 12-15. [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

Необходимо отметить, что наиболее общее разграничение правовых средств предполагает выделение стимулов и ограничений[504], степень применения которых в бюджетном праве различна. Так, в качестве поощрения (вид стимула) можно рассматривать дотации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации, в том числе в целях поощрения достижения наилучших значений показателей по итогам оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и (или) органов местного самоуправления (пункт 11 статьи 131 Бюджетного кодекса РФ). Однако стимулирование в бюджетном праве широкого распространения не получило, что обусловлено характером осуществляемой публично-правовыми образованиями деятельности в финансово-бюджетной сфере, статусом субъектов бюджетных правоотношений, спецификой использования бюджетных средств и другими особенностями. Вызвано это также тем, что активное применение стимулирующих мер (в первую очередь, льгот) потенциально может приводить к бюджетной несбалансированности[505].

По указанным причинам гораздо в большей степени в целях обеспечения бюджетной дисциплины законодатель использует ограничения, которые в основном раскрываются через реализуемое в правовой форме государственное принуждение[506]. Как справедливо подчеркивал Р. Штаммлер, право есть попытка принуждения людей следовать справедливому правилу поведения[507]. Указанное

---

[504] Как отмечает А.В. Малько, «при всем единстве и взаимопроникновении стимулирующих и ограничивающих факторов они представляют собой качественно различные явления с прямо противоположными функциями» (*Малько А.В.* Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 239).

[505] См.: *Омелехина Н.В.* Бюджетно-правовые средства: правовая идентификация и эффективность воздействия. Часть 2. Элементарные (первичные) правовые средства // Финансовое право. 2019. № 10. С. 8-12. [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

[506] См.: *Малько А.В.* Указ. соч. С. 247. О сущностном понимании государственного принуждения и его структуре см. пар.1.1. настоящей работы.

[507] См.: *Штаммлер Р.* Сущность и задачи права и правоведения / Пер. с нем. В.А. Краснокутского. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908. С. 28. В этой связи следует оговориться и привести высказывание В.Н. Кудрявцева о том, что право все же не может сводиться только к принуждению. Ученый писал: «Обязательность правовых предписаний вытекает не из принуждения, как такового, а из того факта, что данное правило поведения установлено государством, выражающим волю всего советского народа, объективную общественную потребность» (*Кудрявцев В.Н.* Право и поведение. С. 129).

в полной мере справедливо также для определения предназначения финансового (бюджетного) права. Посредством принуждения обеспечивается защита прав и законных интересов субъектов финансового права, «т.е. обеспечивается исполнение юридических обязанностей участников финансовых правоотношений и в необходимых случаях восстановление нарушенных прав»[508]. Н.А. Саттарова непосредственно для бюджетного права подчеркивает, что оно «заключает в себе возможность применения принудительных мер и в своем регулирующем воздействии на общественные отношения не может обойтись без государственного принуждения»[509].

Итак, законодатель, преследуя цели обеспечения надлежащего уровня бюджетной дисциплины, должен умело сочетать стимулирующие и принудительные средства, причем применение последних в совокупности позволяет обеспечивать достижение целей бюджетной политики. В связи с этим и принимая во внимание, что бюджетное принуждение как разновидность правового принуждения непосредственно связано с категориями ответственности и правонарушения, а значит и вины, несколько более подробно рассмотрим сущность и содержание принуждения в бюджетном праве. Так, И.В. Рукавишникова отмечает, что содержанием бюджетного принуждения выступают определенные последствия для субъекта, на которого возложена соответствующая бюджетно-правовая обязанность[510].

Как представляется, структуру бюджетного принуждения целесообразно представить в виде институтов бюджетно-правовой ответственности и защиты[511], которые подлежат разграничению по двум основным критериям: основание возникновения (правонарушение или объективно противоправное деяние)

---

[508] Советское финансовое право: Учебник. С. 83.

[509] *Саттарова Н.А.* Принуждение в финансовом праве. С. 91.

[510] См.: *Рукавишникова И.В.* Указ. соч. С. 68.

[511] Так, М.Б. Разгильдиева разделяет финансово-правовое принуждение на связанное с совершением финансовых правонарушений (юридическая ответственность) и в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением финансовых обязанностей (в том числе сокращение лимитов бюджетных обязательств, приостановление операций по счетам и другие) (см.: *Разгильдиева М.Б.* Финансово-правовое принуждение: монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. С. 147).

и характер реализуемой принудительной меры (лишения и дополнительные ограничения личного, имущественного, организационного характера или принуждение к исполнению ранее имевшейся юридической обязанности). Указанное понимание системы бюджетного принуждения складывается из совокупности следующих основных положений.

Так, одним из характерных признаков сформировавшейся отрасли права[512] является собственный институт ответственности[513], поэтому следует отдельно остановиться на вопросе о данном институте финансового права. В дореволюционной науке указанный вопрос практически не поднимался, однако осознавался на практическом уровне. Л.В. Ходский отмечал, что закон (действующий в то время) создает лишь ответственность для подотчетных лиц, не обращая должного внимания на министров, по чьим распоряжениям осуществляется неправомерное расходование бюджетных средств. Ученый считал, что лучшим средством для борьбы с подобными проявлениями должен служить предварительный контроль[514]. Согласно С.И. Иловайскому бюджетно-правовое регулирование в дореволюционной России предполагало, что финансовый контроль является «последним… колесом в бюджетном механизме государства», тогда как вопросы ответственности определены вне границ финансового права, реализуясь «посредством репрессии того или иного характера (чисто нравственной,

---

[512] Как известно, выделение финансового права в самостоятельную отрасль впервые было обосновано Р.О. Халфиной и обусловлено «спецификой объекта правового регулирования и его общественным значением» (*Халфина Р.О.* Вопросы советского административного и финансового права. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 195). М.И. Пискотин, относя финансовое право к отраслям второго порядка, подчеркивал, что оно не выделяется особым для него методом (иначе оно бы было признано отраслью в результате первичного деления права), а исключительно предметом правового регулирования (см.: *Пискотин М.И.* Указ. соч. С. 48). Однако впоследствии было обосновано, что выделение финансового права из других отраслей не происходило, и оно появилось одновременно с государственным и административным правом (см.: *Бесчеревных В.В.* Компетенция Союза ССР в области бюджета. М.: Юрид. лит., 1976. С. 30.). В настоящее время данная позиция представляется наиболее верной. Так, О.Н. Горбунова отмечала, что финансовое право возникло одновременно с государством, а «воля, выраженная в нормах финансового права, является не просто усмотрением государства, а диктуется его объективно необходимыми экономическими потребностями» (*Горбунова О.Н.* Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России: научно-популярная монография. М.: ООО «Издательство "Элит"», 2012. С. 122-123).

[513] Например, С.А. Авакьян озвучил данную мысль применительно к конституционному праву (см.: *Авакьян С.А.* Указ. соч. С. 9).

[514] См.: *Ходский Л. В.* Указ. соч. С. 509-510.

частноправовой, уголовно-правовой)»[515].

В советском финансовом праве по фактам, выявленным в рамках финансового контроля, к соответствующим виновным должностным лицам применялись дисциплинарные взыскания, возбуждались уголовные дела, а также могли производиться денежные начеты при возникновении материального ущерба государству, кооперативным и общественным организациям. Такие денежные расчеты рассматривались в качестве мер материальной ответственности[516]. М.А. Гурвич отмечал, что «руководители государственных учреждений и хозяйственных предприятий… отвечают перед государством за сохранность передаваемых в их распоряжение государственных средств, за правильное и целесообразное их использование», и обязаны соблюдать при этом режим экономии[517]. Использование государственных средств не по прямому назначению рассматривалось в качестве должностного преступления и предусматривало ответственность (исключительно) в уголовном порядке[518].

В настоящее время вопрос о правовой охране общественных отношений, урегулированных нормами финансового права, на уровне науки решается иначе, что в большей степени соответствует предназначению данной отрасли как важного регулятора общественных отношений в финансовой сфере. В этом смысле юридическая наука постепенно отходит от того понимания, что в классическом представлении о видах юридической ответственности лежит не отраслевой признак и что охранительные нормы допускают универсальный характер санкций[519].

---

[515] *Иловайский С.И.* Учебник финансового права. Одесса: Издание Е.С. Иловайской, 1912. С. 454.

[516] См.: Финансовое право / под ред. В. В. Бесчеревных, С. Д. Цыпкина. С. 402-403.

[517] См.: *Гурвич М.А.* Советское финансовое право. Учебное пособие. М.: Госюриздат, 1952. С. 255.

[518] Там же. С. 258.

[519] Подробнее об этом см.: *Майоров В.И., Данилова Н.В., Геймур О.Г., Краснова Т.В.* Формирование новых видов ответственности в российском праве // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 216–229; Ответственность за нарушение финансового законодательства: науч.-практ. пособие / Р.Ю. Абросимов, О.А. Акопян, Я.В. Буркавцова и др.; отв. ред. И.И. Кучеров. М: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014. 225 с. [Доступ из СПС КонсультантПлюс]. Нелишним будет отметить любопытную интерпретацию преломления видов ответственности в отраслевом разрезе, предложенную В.Д. Сорокиным, который считает, что за административные правонарушения, совершенные юридическими лицами, должна наступать финансовая ответственность. Так, по мнению автора, будет обеспечено единообразное понимание вины, присущей исключительно физическим лицам (соответственно, финансовую ответственность В.Д. Сорокин понимает, по-видимому, как нечто внеюридическое) (см.: *Сорокин В.Д.* Указ. соч. С. 492).

Представляется справедливым, что «право, а значит и виды ответственности динамичны»[520].

Так, М.Б. Разгильдиева считает, что в рамках финансового права как самостоятельной отрасли «должен существовать собственный институт, способный обеспечивать исполнение и соблюдение финансово-правовых норм – институт финансово-правовой ответственности»[521]. Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский указывают, что данный институт подчеркивает самостоятельность финансового права[522]. Н.В. Сердюкова отмечает, что финансовое право как самостоятельную отрасль права характеризует «наличие специальных, характерных только для данной отрасли права мер принуждения, в том числе мер ответственности»[523]. Н.А. Саттарова и вовсе подчеркивает, что существование финансово-правовой ответственности в качестве самостоятельного вида юридической ответственности является одной из фундаментальных парадигм науки современного финансового права[524]. Указанные взгляды согласуются и с теоретическими позициями. Например, Е.А. Киримова справедливо отмечает, что «наличие развитых, цельных, гармоничных охранительных правовых институтов является одним из показателей развитости и сбалансированности соответствующих отраслей права, качества их как регуляторов общественных отношений»[525].

---

[520] *Цечоев В.К., Швандерова А.Р.* Указ. соч. С. 248. В этом смысле нельзя признать верной позицию Д.Л. Комягина, который указывает следующее: «Ошибкой было бы полагать, что финансовая (в том числе бюджетная) ответственность выделяется по тому признаку, что следует из нарушений, связанных с формированием и использованием публичных фондов денежных средств». За такими нарушениями, по мнению ученого, следует меры иной отраслевой принадлежности (см.: *Комягин Д.Л.* Бюджетное право России: учебное пособие / общ. ред. А.Н. Козырин. М.: Институт публично-правовых исследований, 2011. С. 230; Казна и бюджет / Отв. Ред. Д.Л. Комягин. М.: Наука, 2014. С. 291).

[521] *Разгильдиева М.Б.* Указ. соч. С. 276-277.

[522] См.: *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 748.

[523] *Сердюкова Н.В.* Финансово-правовая ответственность по российскому законодательству: становление и развитие: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003. С. 8.

[524] См.: *Саттарова Н.А.* Указ. соч. С. 331.

[525] *Киримова Е.А.* Указ. соч. С. 40. Существуют, однако, и другие точки зрения. К примеру, Е.Л. Васянина отмечает, что «в сложившейся ситуации, когда одно и то же финансовое правонарушение вызывает разные юридические последствия, а различными отраслевыми законами за эти правонарушения предусмотрены одинаковые меры ответственности в форме штрафа, говорить о существовании финансово-правовой ответственности в качестве самостоятельного вида ответственности преждевременно» (*Васянина Е.Л.* Применение мер правового принуждения

В то же время в финансово-правовой науке отсутствует единое определение категории ответственности, что в основном обусловлено ранее обозначенными проблемами, которые на теоретическом уровне остаются дискуссионными. Например, согласно позиции М.В. Карасевой финансово-правовая ответственность – это «применение к нарушителю финансово-правовых норм мер государственного принуждения уполномоченными на то государственными органами, возлагающими на правонарушителя дополнительные обременения имущественного характера»[526]. В свою очередь, С.Е. Батыров определяет анализируемую категорию как «правоотношение, возникающее из нарушения установленных законодательством финансовых обязательств, выражающееся в применении к правонарушителю мер финансово-правового характера, влекущих наступление невыгодных имущественных последствий вследствие отрицательной оценки государством его противоправного виновного деяния, наступление которых обеспечивается возможностью государственного принуждения»[527]. А.С. Емельянов раскрывает финансово-правовую ответственность через обязанность лица, «нарушившего нормы финансового права, понести неблагоприятные последствия своего противоправного поведения, связанные с воздействием на принадлежащие ему фонды денежных средств (финансовые ресурсы) вследствие применения к нему финансовых санкций специально уполномоченными органами государственной власти и местного самоуправления»[528].

Вопрос определения финансово-правовой ответственности усложняется дискуссией о том, какого типа ограничительные меры (санкции) выступают ее содержанием, что предопределяет ее разграничение с другими видами юридической ответственности. Так, основанием разграничения финансово-правовой и административной ответственности А.С. Емельянов считает сферу

за нарушение финансового законодательства: проблемы теории и практики // 2023. Т. 7. № 2. С. 56). Однако в данном случае наблюдаем ссылку именно на непоследовательность законодательных решений.

[526] *Карасева М.В.* Финансовое право. Общая часть: Учебник. М.: Юристъ, 1999. С. 183.

[527] *Батыров С.Е.* Финансово-правовая ответственность: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 13.

[528] *Емельянов А.С.* Финансовое право (учебник). С. 105.

применения и порядок реализации. При этом отличия финансово-правовой ответственности от гражданско-правовой ученый определяет тем, что объектом воздействия первой являются фонды денежных средств, которые «не могут быть отождествлены с простой совокупностью имущества, а объединены единой целью его (имущества – денежных средств) использования»[529]. И.В. Маштаков указывает, что отличие административной и финансово-правовой видов ответственности состоит в том, что первая является карательной, а вторая – восстановительной[530]. И.В. Хаменушко исходит из того, что правовосстановительный и штрафной характер ответственности обусловлен различными сферами применения (частной и публичной соответственно), поэтому соединять их в некий «синтетический» институт недопустимо. Так, по мнению ученого, характер налагаемых санкций должен определять то, какая процедура будет применяться. Для восстановления прав (в том числе бюджетных) возможно следовать порядку применения мер имущественной ответственности в гражданском праве, где установлены правила о состязательности и процессуальном равенстве сторон. В свою очередь, при применении штрафных санкций, создающих дополнительные обязанности (лишения) для нарушителя, необходимо подходить более основательно, в том числе на основе принципа вины, что обусловливает потребность «выравнивания» сильной и слабой стороны процесса[531].

Необходимость разграничения штрафных и восстановительных санкций и, как следствие, видов юридической ответственности в финансово-бюджетной сфере, прослеживается и в других работах, основанных на следующей логике. В случае, если речь идет о санкциях восстановительного характера, вина не требуется, ответственность может быть основана на принципе причинения (вреда), характерном для гражданского права. В свою очередь, при применении

---

[529] Там же. С. 105-106, 132.

[530] См.: *Маштаков И.В.* Указ. соч. С. 45-46.

[531] См.: *Хаменушко И.В.* Дискуссионные вопросы умножения видов юридической ответственности // Финансовое право. 2010. № 2 [Доступ из СПС КонсультантПлюс]. Ученый при этом критикует концепцию финансово-правовой ответственности в принципе, отмечая, что имеющиеся разработки в основном «лишь регистрируют действия законодателя, покорно подгоняя под его действия концептуальные обоснования» (Там же).

карательных санкций, обращенных «исключительно к волевой, сознательной деятельности людей», основанием «для их применения может служить не любое несоблюдение норм, а лишь виновное несоблюдение правовых предписаний»[532]. С.В. Кучеров и вовсе предлагает все меры принуждения карательного характера вывести из бюджетного законодательства и перевести в сферу регулирования административного права, и, перенаправив их воздействие с публичных субъектов и учреждений и ужесточив, распространить исключительно на должностных лиц[533]. По мнению Н.А. Саттаровой, «не существует только карательных или только восстановительных санкций», однако далее ученый отмечает, что «по своей природе финансово-правовая ответственность является правовосстановительной, поскольку связана с выполнением обязанности публичного характера»[534]. Иной точки зрения придерживается М.Б. Разгильдиева, которая указывает, что применение меры финансово-правовой ответственности преследует цель предупреждения совершения иных правонарушений в финансовой сфере, и это обеспечивается наказанием, то есть финансово-правовая ответственность реализует исключительно карательную функцию[535]. В свою очередь, восстановительная функция не обеспечивается финансово-правовой ответственностью, а реализуется иными мерами принуждения – восстановительными (например, изъятие бюджетных средств)[536].

Подобные диссонирующие позиции не выглядят в полной мере оправданными и требуют некоторых уточнений. Думается, что ответственность (в том числе финансово-правовая) всегда сопряжена с дополнительными ограничениями личного, имущественного или организационного характера,

---

[532] См.: Актуальные проблемы теории и практики финансового права Российской Федерации / под ред. проф. д.ю.н. А.Н. Козырина) / Специально для системы ГАРАНТ, 2009. 294 с. См. также: *Курылев С.В.* Санкция как элемент правовой нормы // Советское государство и право. 1964. № 8. С. 52.

[533] См.: *Кучеров С.В.* Правовые средств предупреждения нарушений бюджетного законодательства Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. С. 8, 14.

[534] *Сатарова Н.А.* Указ. соч. С. 320.

[535] В.Н. Кудрявцев указывал, что «санкция, являющаяся реализацией юридической ответственности, способна оказать существенное предупредительное воздействие на поведение гражданина и коллектива, потому что она применяется за вину, в других же случаях меры государственного принуждения такого влияния не оказывают и не рассчитаны на это» (*Кудрявцев В.Н.* Указ. соч. С. 136).

[536] См.: *Разгильдиева М.Б.* Указ. соч. С. 283.

а потому неизбежно реализует карательную функцию[537]. Следование данной точке зрения не позволяет проводить никаких различий между видами ответственности на штрафную и восстановительную, поэтому и финансово-правовая ответственность должна быть определена исходя из выполнения ею всех функций, присущих юридической ответственности в целом. С учетом указанных обстоятельств отметим, что под финансово-правовой ответственностью следует понимать реализуемую в особой процессуальной форме обязанность лица за факт совершения им финансового правонарушения претерпевать неблагоприятные последствия личного, имущественного или организационного характера. Поэтому необходимо отметить справедливость и обоснованность признания, что финансово-правовая ответственность реализует как восстановительную, так и карательную функции[538].

При этом в зависимости от направленности правового воздействия можно говорить лишь о законодательных приоритетах при реализации функций данного вида юридической ответственности. Так, например, наказание для субъекта бюджетного права, ответственного за строительство социального объекта, допустившего нецелевое использование бюджетных средств и, как следствие, срыв сроков ввода такого объекта в эксплуатацию, должно обеспечивать как непосредственное воздействие на его имущественную (личную, организационную) сферу, но в то же время преследовать идею достижения изначально запланированного результата (то есть ввода социального объекта). В этой связи недостаточно ограничиться наложением штрафа, приостановкой деятельности, прекращением финансирования и т.п., а необходимо также предусмотреть такие меры, которые позволят восстановить нарушенные публичные интересы (например, компенсация затрат в связи с передачей объекта

---

[537] См., например: *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. С. 151.

[538] См., например: *Арсланбекова А.З.* Финансово-правовые санкции в системе мер юридической ответственности: Монография. М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 2008. С. 100, 105; *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 753. При этом восстановительный аспект финансово-правовой ответственности проявляется в том, что (помимо прочего) сам факт осуждения лица восстанавливает нарушенные им общественные отношения (Там же. С. 764-765).

новому подрядчику, включая упущенную выгоду от неиспользования объекта в период между изначально запланированным сроком ввода и фактическим вводом объекта новым подрядчиком).

Таким образом, с учетом целей финансового (бюджетного) права, призванного обеспечивать реализацию публичного интереса и направленного на своевременное и эффективное выполнение соответствующих задач, мы поддерживаем подход по рассмотрению ответственности в качестве института, одновременно выполняющего как карательную, так и восстановительную функции. В этом смысле предпочтительнее выглядит позиция Н.И. Химичевой, которая отмечала, что финансово-правовые санкции соединяют в себе элементы как правовосстановления, так и кары (штрафной характер)[539]. Указанной мысли придерживается также А.З. Арсланбекова, указывая, что финансово-правовые санкции объединяют в себе как восстановительную, так и штрафную функции[540].

Далее отметим, что основным аргументом рассмотрения любого вида ответственности (в том числе финансово-правовой) в призме карательно-восстановительного воздействия является то, что его фактическим основанием всегда выступает правонарушение как акт виновного деяния лица. Видовое разнообразие правонарушений определяется отраслевой принадлежностью нарушенных норм[541]. Именно по признаку вины финансовые (бюджетные) правонарушения следует отделять от всех иных объективно противоправных деяний. Как справедливо отмечает Н.В. Витрук, «правонарушение может быть в конечном счете преодолено лишь на основании применения юридической ответственности»[542]. Кроме того, Конституционный Суд РФ в постановлении от 25 января 2001 года № 1-П[543] указал, что общепризнанным принципом

---

[539] См.: Финансовое право. Учебник / ред. Н. И. Химичева. С. 43.

[540] См.: *Арсланбекова А.З.* Указ. соч. С. 119, 122.

[541] Многие ученые в области теории права приводили лишь некоторые виды правонарушений (уголовные, административные, гражданско-правовые, дисциплинарные), оставляя сам перечень открытым (см., например: *Байтин М.И.* Указ. соч. С. 208; *Малеин Н.С.* Указ соч. С. 24).

[542] *Витрук Н.В.* Указ. соч. С. 62. См. также: *Прокопович Г.А.* Указ. соч. С.61.

[543] «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова» // СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 700; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июля 2021 года

привлечения к ответственности во всех отраслях права является наличие вины как элемента субъективной стороны состава правонарушения, а всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. предусмотрено непосредственно в законе. В другом своем постановлении от 27 апреля 2001 года № 7-П Конституционный Суд РФ отметил, что юрисдикционный орган, рассматривающий дело (на примере таможенного спора), не может ограничиваться формальной констатацией лишь факта нарушения соответствующих правил, не выявляя иные связанные с ним обстоятельства, в том числе наличие или отсутствие вины соответствующих субъектов, в какой бы форме она ни проявлялась и как бы ни было распределено бремя ее доказывания. Данная правовая позиция определяет необходимость «учета виновного начала при привлечении лица к мерам любого вида юридической ответственности, при условии отсутствия в законодательстве соответствующей правовой регламентации»[544].

Несмотря на указанный доминирующий подход, единого определения правонарушения для финансового (бюджетного) права, являющегося фактическим основанием ответственности, в науке не выработано. Например, А.З. Арсланбекова понимает под финансовым правонарушением противоправное, виновное деяние, посягающее на установленный порядок в сфере финансов, «которое не влечет уголовной или административной ответственности»[545]. Указание на виновность как признак финансового правонарушения прослеживается также в других работах по финансовому праву. Например, Н.В. Сердюкова к числу обязательных признаков финансового правонарушения относит вину[546]. Называет финансовое

№ 39-П «По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 2.1, части 2 статьи 2.2, части 1 статьи 4.5 и части 1 статьи 11.15.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Востокфлот» // СЗ РФ. 2021. № 31. Ст. 5988.

[544] См.: *Рымарев Д.С.* Вина как необходимое условие конституционно-правовой ответственности участников выборов: монография. Иркутск: Избирательная комиссия Иркутской области, Иркутский институт законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского, 2017. 176 с. [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

[545] *Арсланбекова А.З.* Указ. соч. С. 99. Думается, что давать определение «от противного» в данном случае означает умаление не только определяемого явления, но также отрицание однопорядковости с административным и уголовным правом финансового права как самостоятельной отрасли права, имеющей свой особый предмет правового регулирования.

[546] См.: *Сердюкова Н.В.* Указ. соч. С. 19, 20.

правонарушение виновным деянием лица и М.Б. Разгильдиева[547].

Исследовательский интерес представляет позиция А.С. Емельянова, который определяет финансовое правонарушение как «виновное, противоправное деяние, причиняющее вред финансовой системе государства, за совершение которого законодателем установлена финансово-правовая ответственность»[548]. При этом ученый выступает против выделения вины в качестве «общего, обязательного элемента состава финансового правонарушения», предлагая рассматривать данный элемент иначе – через категорию невиновности, которая наряду с невменяемостью и недостижением определенного возраста будет являться основанием для освобождения от финансово-правовой ответственности. А.С. Емельянов считает, что указанное согласуется с имеющейся в финансовом праве презумпцией виновности[549]. Однако ранее нами уже было отмечено, что указанная позиция (основанная на взглядах С.С. Алексеева) необоснованно переводит вопрос о презумпции из числа процессуальных в разряд материально-правовых категорий. Как представляется, презумпция все же сводится исключительно к вопросу о бремени доказывания соответствующего ей явления[550]. По аналогии, отсутствие вины исключает и преступление, и административный проступок, и, как следствие, меры соответствующих видов ответственности. В данном случае фактически наблюдаем идею устранить связку, отнеся вину сразу на случай исключения меры ответственности.

Таким образом, нерушимая связь правонарушения и ответственности предполагает, что за финансовое правонарушение следуют меры финансово-правовой ответственности, выраженные в финансово-правовых санкциях, которые заключаются в возложении на правонарушителя определенных неблагоприятных

---

[547] См.: *Разгильдиева М.Б.* Указ. соч. С. 282.

[548] *Емельянов А.С.* Указ. соч. С. 107.

[549] См.: *Емельянов А.С.* Охранительная функция финансового права и механизм ее реализации: Монография. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 2005. С. 193. Ученый, однако, критикует принцип причинения, предлагая рассматривать субъективные элементы не как основания ответственности, но как основания освобождения от нее. Ученый считает, что в таком понимании значимость оснований освобождения от финансово-правовой ответственности сравнивается по силе с составами правонарушения в уголовном и административном праве (Там же. С. 196).

[550] Подробнее об этом см. пар.2.3 настоящей работы.

последствий. В свою очередь, за объективно противоправные деяния, не требующие установления вины, могут применяться меры защиты восстановительного характера[551]. Кроме того, следует подчеркнуть, что близость и некоторое сходство предметов регулирования финансового и гражданского права не может оправдать указание на реализацию финансово-правовой ответственностью исключительно восстановительной функции[552], так как (несмотря на определенную дискуссию) гражданско-правовая ответственность также покоится на общих основаниях привлечения к юридической ответственности. При этом представляется верным подчеркнуть, что особенностью финансово-правовых санкций является их реализация преимущественно в денежной, имущественной форме, что позволяет обеспечить возмещение государству причиненного финансового ущерба[553].

Все указанные выводы в полной мере применимы к основной подотрасли финансового права – бюджетному праву[554]. Так, Н.А. Поветкина полагает, что бюджетно-правовая ответственность является одной из разновидностей финансово-правовой ответственности, поэтому обладает всеми важнейшими признаками последней[555]. В числе видов публично-правовой ответственности Г.А. Прокопович также называет бюджетную ответственность[556]. Не теряет актуальность определение бюджетной ответственности, данное И.И. Кучеровым, как обязанности «лица, нарушившего бюджетное законодательство, претерпеть

---

[551] Подобную логику можно проследить и применительно к налоговой ответственности. Так, С.П. Бортников считает, что особенность имущественных отношений в публичном праве проявляется в том, что «восстановление нарушенного субъективного права осуществляется вне зависимости от наличия вины в его причинении, т. е. вне рамок юридической ответственности» (*Бортников С.П.* Указ. соч. С. 87).

[552] Так, А.С. Емельянов подчеркивает, что ввиду правовосстановительного характера данных видов ответственности, возможно «игнорировать форму вины и степень виновности правонарушителя, и иногда и само наличие вины, и в большей степени принимать во внимание вину потерпевшей стороны» (*Емельянов А.С.* Указ. соч. С. 187-188).

[553] См.: *Саттарова Н.А.* Указ. соч. С. 324.

[554] См. также: *Ибрагимов Р.Г.* Бюджетно-правовая ответственность в контексте расширения круга субъектов бюджетного права // Финансовое право. 2022. № 11. С. 41-45.

[555] См.: Ответственность за нарушение финансового законодательства: Научно-практическое пособие. С. 80.

[556] См.: *Прокопович Г.А.* Указ. соч. С. 180. По мнению указанного автора критерием деления юридической ответственности (на публичную и частную) выступает направленность санкций норм – ради законных частных или публичных интересов (Там же. С. 209).

лишения имущественного или личного характера в результате применения к нему государством в лице органов, исполняющих бюджеты, соответствующих мер принуждения»[557].

Сам факт существования и последующего разграничения бюджетно-правовой и иных видов юридической ответственности видится в следующем. Уголовное право охраняет наиболее важные общественные отношения[558], поэтому «концентрирует наиболее жесткие меры государственно-правового воздействия – реакцию государства в целом на общественно опасные правонарушения – преступления» тогда как другие охранительные институты остаются в пределах регулятивных отраслей[559]. При этом справедливо, что отграничение финансовых правонарушений от преступлений должно производиться по критерию степени общественной опасности (а не по наличию или отсутствию таковой)[560]. По этой причине все значимые нарушения в сфере образования, распределения и использования бюджетных средств, то есть посягающие на общественные отношения, составляющие предмет бюджетного права, должны со временем найти свое отражение в соответствующих статьях Особенной части Уголовного кодекса РФ. Указанное является принципиальным вопросом развития уголовного законодательства в части обеспечения охраны бюджетной сферы посредством уголовно-правовых норм на современном этапе[561]. В этой связи заслуживает интерес предложение Т.В. Конюховой, заключающееся в том, чтобы внести изменения в Бюджетный кодекс РФ в части разграничения административного проступка и преступления с указанием, что «любое малозначительное нарушение бюджетного законодательства является проступком»[562].

---

[557] *Кучеров И.И.* Указ. соч. С. 287.

[558] См.: Проблемы теории права и правореализации: Учебник / Отв. ред. Л.Т. Бакулина. М.: Статут, 2017. С. 213.

[559] См.: *Алексеев С.С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001. С. 66–68.

[560] См. например: *Емельянов А.С.* Финансовое право (учебник). С. 121-122; *Саттарова Н.А.* Указ. соч. С. 127; *Арсланбекова А.З.* Указ. соч. С. 111.

[561] В то же время в действующем Уголовном кодексе РФ предусмотрено всего два состава, непосредственно относящихся к бюджетной сфере (ст. 285.1 и 285.2), что явно не соответствует ее значению для стабильного функционирования государства и общества.

[562] *Конюхова Т.В.* Система институтов бюджетного права Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 28.

Указанный подход, при котором только уголовному праву позволительно «вторгаться» в сферы регулирования иных отраслей, предопределяет взаимодействие бюджетного и административного права, охранительный институт которого должен обеспечивать защиту лишь в собственной сфере регулирования – отношений по поводу управления в рамках деятельности органов исполнительной власти[563]. Другими словами, административная ответственность не распространяется на субъектов иных отраслей, что, например, иллюстрируется разграничением субъектного состава административной и налоговой ответственности[564]. По справедливому замечанию С.Н. Мещеряковой, иной подход «разрывает охранительную финансово-правовую норму, делает ее применение невозможной в силу разного предназначения финансового и административного права»[565].

Однако стоит отметить, что вплоть до настоящего времени административно-правовая наука с таким подходам не смирилась и зачастую утверждает, что «правовая природа юридических предписаний, за нарушение которых устанавливается ответственность, не имеет значения», административная ответственность обеспечивает охрану любых правоотношений. «Поэтому, кстати, утверждения о существовании отраслевых видов юридической ответственности (экологической, финансовой и т.д.) не имеют смысла»[566]. Вместе с тем уже в советское время существовал подход, согласно которому административный

---

[563] Ю.А. Тихомиров указывает, что административное право регулирует вопросы организации и деятельности разветвленного аппарата управления, «а также «управленческий» разрез всех сфер экономического и социального развития общества» (*Тихомиров Ю.А.* Указ. соч. С. 43-44). О понимании предмета данной отрасли в современных реалиях см.: *Россинский Б.В.* Развитие представлений о предмете административного права // Административное право и процесс. 2021. № 5. С. 6-13.

[564] Стоит отметить, что даже факт закрепления в административном законодательстве ответственности за финансовые правонарушения не приводит к тому, что такая ответственность становится административной. Это обусловлено предметом правового регулирования (финансового права), а не формальным закреплением тех или иных составов (см.: *Саттарова Н.А.* Указ. соч. С. 323).

[565] *Мещерякова С.Н.* Актуальные вопросы финансово-правовой теории: правовые санкции // Российская юстиция. 2016. № 3. С. 11-13 [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

[566] *Зырянов С.М.* Административная ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: Материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся. С. 118. См. также: *Старовикова И.Д.* Административная ответственность за правонарушения в области финансов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. С. 7.

проступок предполагает нарушение норм именно административного права (иной взгляд – административная ответственность наступала и за нарушение норм других отраслей права, что означало, будто предмет данной отрасли не совпадает с объектом защиты его охранительных норм)[567]. Кроме того, отдельными учеными отмечается, что даже определение административного правонарушения согласно статье 2.1 КоАП РФ предполагает, что за него ответственность может быть предусмотрена только согласно положениям указанного закона (следовательно, например, налоговая ею не является), при этом наличие в КоАП РФ дублирующих положений свидетельствует о его несовершенстве, а не об отсутствии финансовой (в том числе бюджетно-правовой) ответственности[568].

Предложенное видение связи охранительных институтов уголовного и административного права с охранительным бюджетно-правовым механизмом предопределяет влияние указанных отраслей на формирование модели вины в бюджетном праве. Как представляется, сферы регулирования административного и бюджетного права (и финансового права в целом) имеют принципиальные различия, поэтому основанием бюджетно-правовой ответственности выступает бюджетное (а не какое-либо иное) правонарушение[569], которое может быть определено как общественно опасное (вредное) виновное противоправное деяние деликтоспособного лица, за которое предусмотрены меры бюджетно-правовой ответственности[570]. Иные возможные подходы (непризнание бюджетных правонарушений как таковых или позиция, согласно которой за бюджетное правонарушение наступает ответственность иной отраслевой принадлежности) не соотносятся с вышеописанными подходами применительно к правонарушению

---

[567] Подробнее об этом см: *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность (очерк теории). С. 33-34.

[568] См.: *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 751.

[569] Р.Л. Хачатуров и Д.А Липинский отмечают, что ситуации, когда правонарушения предусмотрены одной отраслью права, а ответственность за их совершение – другой, обусловлены тем, что соответствующие институты ответственности в таких отраслях находятся в стадии формирования (Там же. С. 264).

[570] См., например: *Арсланбекова А.З.* Указ. соч. С. 99, 111, 121; *Руденко А.А.* Финансово-правовой статус главных и иных распорядителей средств федерального бюджета как участников бюджетного процесса: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 10; *Полякова С.А.* Финансово-правовая ответственность за нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 12.

в целом и финансовому правонарушению в частности.

Кроме того, предложенное ранее понимание видового многообразия субъектов бюджетного права позволяет отказаться от подхода, при котором разграничение правонарушений в бюджетной сфере долгое время проводилось по субъектному составу. Так, например, О.М. Гейхман указывает, что правонарушения, совершенные государством и органами власти, являются бюджетными, должностными и юридическими лицами – административными, физическими лицами – уголовными[571]. Как уже отмечалось, отграничение бюджетных правонарушений от административных и уголовных должно проходить по сферам регулирования данных правовых областей, и изменение принятой парадигмы бюджетного права о его субъектах позволяет укрепить данную позицию. В этой связи уместно привести ссылку на положения статьи 176 Закона Испании об общем бюджете[572], которая определяет, что органы власти и другой персонал, находящийся на службе у публичных субъектов, которые в результате умысла или грубой небрежности принимают решения или совершают действия в нарушение положений данного закона, обязаны выплатить компенсацию Государственному казначейству, или, в определенных случаях, соответствующему лицу убытки, являющиеся их следствием, независимо от уголовной или дисциплинарной ответственности, которая может им соответствовать.

Таким образом, несмотря на то, что разделяемое нами понимание ответственности и правонарушения в бюджетном праве, учитывающее категорию вины, в полной мере основано на теоретических разработках, оно все же не принято в бюджетном законодательстве, а потому нередко в специальных исследованиях находят отражение иные подходы. В связи с этим в науке распространена критика классического определения бюджетного правонарушения, которую можно свести

---

[571] См.: *Гейхман О.М.* Указ. соч. С. 58, 70.

[572] Закон Испании об Общем бюджете от 26 ноября 2003 года № 47/2003. Режим доступа: https://boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2003-21614&p=20221224&tn=6 (дата обращения: 21 февраля 2023 года).

к двум основным концепциям: бюджетное правонарушение не нуждается в признаке (и элементе состава) вины, обладая таким образом трехзвенной структурой[573]; бюджетное право не предусматривает бюджетные правонарушения, участники бюджетного процесса (как традиционные субъекты данной подотрасли) совершают нарушения, за которые следуют бюджетные меры принуждения, не являющиеся мерами юридической ответственности[574].

Обозначим некоторые позиции относительно правонарушения с трехзвенной структурой. Так, предлагая понятие бюджетного правонарушения, О.М. Гейхман не называет виновность в качестве образующих данное определение признаков[575], указывая, что «бюджетное право не считает субъективное состояние правонарушителя категорично необходимым основанием бюджетно-правовой ответственности»[576]. Е.С. Алексеева солидарно подчеркивает, что «виновность при применении бюджетных мер принуждения за бюджетное нарушение не имеет значения»[577]. Т.А. Вершило отмечает, что «для бюджетного правонарушения характерной особенностью является отсутствие такого обязательного субъективного признака, как вина»[578]. При этом нечетко прослеживается позиция Н.А. Саттаровой по вопросу вины как признака бюджетного правонарушения, которая, с одной стороны, отмечает, что бюджетное правонарушение имеет место в том случае, когда полностью реализованы все признаки его состава, в том числе субъективная сторона[579]. С другой стороны, ученый соглашается с Н.С. Макаровой[580], указывая на трехчленную структуру состава бюджетного

---

[573] См., например: *Саттарова Н.А.* Указ. соч. С. 126; *Емельянов А.С.* Охранительная функция финансового права и механизм ее реализации. С. 193.

[574] См.: Казна и бюджет. С. 295.

[575] См.: *Гейхман О.М.* Бюджетно-правовая ответственность: Монография / Под ред. д-ра юрид. наук Ю.А. Крохиной. М.: РПА МЮ РФ, 2005. С. 56.

[576] *Гейхман О.М.* Бюджетно-правовая ответственность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 8.

[577] *Алексеева Е.С.* Проблемы реализации ответственности за нарушение бюджетного законодательства // Lex russica. 2017. № 11. С. 60.

[578] Бюджетное право: учебник / Н.Д. Вершило, Т.А. Вершило, О.Н. Горбунова и др.; под ред. И.А. Цинделиани. М.: Проспект, 2018. 400 с. [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

[579] См.: *Саттарова Н.А.* Указ. соч. С. 125.

[580] См.: *Макарова Н.С.* Бюджетная ответственность: понятие, основания и особенности реализации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 9.

правонарушения. В то же время Н.А. Саттарова подчеркивает, что «бюджетное законодательство не содержит указаний на виновность правонарушителя, однако его вина предполагается»[581]. И.И. Кучеров, не предлагая взаимоисключающих позиций, несколько ранее также указывал, что вина правонарушителя предполагается[582]. В свою очередь, Т.В. Архипенко и А.В. Макаров отмечают: «Отличием бюджетной ответственности от административной является то, что Бюджетным кодексом не определена необходимость установления вины правонарушителя при применении в отношении него мер принуждения за нарушение бюджетного законодательства»[583].

Близкие подходы относительно вины в бюджетном правонарушении можно проследить и в диссертационных исследованиях последних лет. Так, например, по мнению О.Г. Воронцова, «само по себе отсутствие данного признака не является решающим аргументом против существования бюджетно-правовой ответственности». Указанный автор считает возможность безвиновной ответственности важным фактором правового обеспечения реализации принципов бюджетной системы, иными словами, выбранное законодательное решение оправдывается тем, что таким образом обеспечивается надлежащая охрана бюджетных отношений[584]. На примере нецелевого использования бюджетных средств С.А. Полосин указывает, что субъективная сторона при нецелевом использовании бюджетных средств несущественна, «поскольку не представляется возможным определить субъективную сторону как невиновное действие». Данный вывод объясняется автором тем, что «особенности правового статуса субъектов бюджетного правонарушения предполагают строгую формализацию порядка использования бюджетных средств, высокий профессиональный уровень должностных лиц, что не оставляет места некомпетентным действиям, которые

---

[581] *Саттарова Н.А.* Указ. соч. С. 126. См. также: Финансовое право : учебник для академического бакалавриата. С. 149-150.

[582] *Кучеров И.И.* Указ. соч. С. 290.

[583] См.: *Архипенко Т.В., Макаров А.В.* Соотношение административной и бюджетной ответственности // Финансовое право. 2004. № 4. С. 30.

[584] См.: *Воронцов О.Г.* Принципы бюджетной системы российской федерации: теоретико-правовые основы реализации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2019. С. 142-143.

могли бы квалифицироваться как невиновное совершение нецелевого использования бюджетных средств»[585].

Необходимо обозначить, что взгляды вышеприведенных авторов, не признающих за бюджетным правонарушением признак вины, базируются на законодательной конструкции. Однако с учетом развития бюджетных отношений и, как следствие, перспектив совершенствования бюджетного законодательства назрела необходимость в более глубоком, научно обоснованном взгляде на рассматриваемый вопрос. В связи с этим необходимо однозначно отметить, что концепция бюджетного правонарушения с трехзвенной структурой противоречит обоснованным ранее теоретическим построениям о связи «принуждение – ответственность – правонарушение – вина»[586]. Г.А. Прокопович справедливо обозначает опасность, когда формирование теоретических конструкций происходит в рамках отраслевых исследований, в которых могут подменяться понятия, что нередко «разрушает основы общей теории правонарушения и юридической ответственности»[587]. Указанное, как видим, зачастую наблюдается в науке финансового права применительно к понятию бюджетного правонарушения. Даже в гражданском праве, где дискуссия о вине как условии ответственности является наиболее острой, вопрос о том, что правонарушение в любом случае и всегда предстает как акт виновного деяния практически не оспаривается. Попытки «сломать» устоявшееся понятие правонарушения (как виновное деяние лица) в настоящее время оказались относительно успешными только в конституционном праве, и то во многом обусловлены идеей ученых «вписать» многие политические по своей природе санкции (отзыв депутата, роспуск парламента и т.п.) в теорию конституционно-правовой ответственности.

---

[585] *Полосин С.А.* Ответственность за нецелевое использование бюджетных средств в системе мер финансово-правового принуждения: дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. С. 119.

[586] Которые, к слову, в теоретическом смысле укладываются в реализацию охранительной функции финансово-правовых средств (см.: Правовые средства обеспечения финансовой безопасности : монография / отв. ред. И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина. М.: ИЗиСП : Норма : ИНФРА-М, 2019. С. 33-34).

[587] См.: *Прокопович Г.А.* Указ. соч. С. 165.

Обратимся далее ко второй научной концепции, которая заключается в отрицании категорий ответственности и правонарушения в бюджетном праве, базируясь преимущественно на том, что бюджетное право регулирует отношения между такими лицами, чьи субъективные характеристики никакого значения для квалификации их деяний не имеют. Аргументы по этому поводу приводятся Д.Л. Комягиным, по мнению которого субъекты в бюджетном праве не являются даже лицами, «это скорее институциональные единицы государственного управления, части единого механизма», функционирующие за счет бюджетных средств, а «любое взыскание с них будет означать взыскание из бюджета в другой бюджет (или даже в тот же бюджет)»[588]. По этой причине ученый не считает, что законодатель допустил ошибку, употребив термин «бюджетное нарушение», и буквальное толкование положений Бюджетного кодекса РФ[589] позволяет верно разграничить: правонарушения – совершаются неучастниками бюджетного процесса, за что предусматривается юридическая ответственность, нарушения – участниками бюджетного процесса с применением в отношении них бюджетных мер принуждения[590]. Помимо этого, «применение компенсационных мер по перечислению средств, не предусмотренных бюджетной росписью, лишает смысла всю огромную работу, которая была проделана при составлении, рассмотрении и утверждении бюджета»[591].

Думается, что приведенные аргументы являются в достаточной мере спорными по следующим основным причинам. Во-первых, круг субъектов

---

[588] См.: Казна и бюджет. С. 298. В другой своей работе автор приводит схожую мысль: «в условиях единого счета бюджета изъятие бюджетных средств с лицевых счетов получателей бюджетных средств означает перечисление с единого счета бюджета вновь на этот же счет, или попросту «из кармана в карман» (*Комягин Д.Л.* Бюджетное право России: учебное пособие. С. 251).

[589] В основе данной идеи – положения реформы Бюджетного кодекса РФ 2013 года (Федеральный закон от 23 июля 2013 года № 252-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 31. Ст. 4191), когда законодатель отказался от термина «ответственность» и ввел в оборот понятие бюджетных мер принуждения.

[590] См.: Казна и бюджет С. 295. Соответственно, специфические санкции, предусмотренные бюджетным законодательством, есть не более чем предупредительные и обеспечительные меры (блокировка расходов, приостановление операций), являющиеся формами государственного принуждения, но не мерами юридической ответственности (Там же. С. 291-292).

[591] Там же. С. 298.

бюджетного права в настоящее время значительно расширяется за счет юридических и физических лиц[592]. При этом публично-правовое образование, будучи классическим субъектом, согласно конституционным принципам федеративного государства и признания прав местного самоуправления[593] действует самостоятельно, имеет право собственности на свой бюджет, и «наказание рублем» в конечном счете все же может иметь соответствующий эффект[594]. Во-вторых, тезис о лишении смысла работы по составлению сбалансированного бюджета также представляется спорным, так как в бюджетном праве предусмотрены, например, специальные правила возмещения вреда, причиненного в том числе частным субъектам, за счет бюджетных средств, составляющие в совокупности бюджетно-правовой институт иммунитета бюджета[595].

Интерес представляет позиция С.В. Мирошник, которая отмечает, что субъективная сторона в бюджетном праве отличается от традиционного понимания в силу специфики субъектного состава. По мнению автора, «если субъектом бюджетного правонарушения выступает лицо, обладающее публичной финансовой правосубъектностью (например, финансовые органы), субъективная сторона совершенного деяния должна выражаться не через категорию вины, а через понятие «нарушение полномочий или компетенции». Признание исключительно вины как элемента субъективной стороны бюджетного правонарушения заводит

---

[592] Подробнее об этом см. пар. 1.2 настоящей работы.

[593] В частности, закрепленных в статьях 5 и 12 Конституции Российской Федерации и получивших развитие в нормах Бюджетного кодекса РФ (например, в статьях 30 и ст. 31).

[594] Кроме того, называя субъектов бюджетного права лишь институциональными единицами, Д.Л. Комягин, видимо, должен двинуться дальше и отказать в признании за ними возможности называться субъектами. Как известно, право регулирует отношения между субъектами, иначе оно превращается в инструкции, которые можно обратить и на бездушные машины. Поэтому кажется очевидным, что до тех пор пока право признается социальным регулятором общественной жизни, бюджетное право как его часть и разновидность также регулирует именно общественные отношения, которые возникают между субъектами, наделенными определенными качествами, в том числе способностью к поведенческой деятельности, выражающейся в понятии правосубъектности (включая деликтоспособность).

[595] Подробнее об этом см.: *Поветкина Н.А.* Финансовая устойчивость Российской Федерации: монография. С. 226-237. Кроме того, представляется вполне оправданным отметить, что в том и состоит работа по планированию бюджета –исходя из состояния (уровня) финансовой дисциплины участников бюджетного процесса рассчитать объемы возможного возмещения при совершении ими (право)нарушений.

в тупик, позволяет безнаказанно нарушать нормы бюджетного права. Субъекты бюджетного права – это не только юридические лица, это органы публичной власти, наделенные широким кругом государственно-властных полномочий. По какой причине, в форме умысла или неосторожности, они не исполняют возложенные на них бюджетно-правовые обязанности, не имеет никакого значения, поскольку затронуты публично значимые интересы»[596]. Представленная позиция, на первый взгляд, верно подмечая некоторые особенности бюджетного права, все же строится на игнорировании общего учения о вине в праве. Кроме того, необходимо задаться закономерным вопросом, любое ли нарушение «публично значимых интересов» должно влечь применение к лицу мер бюджетно-правовой ответственности.

Нелишним также отметить, что непризнание в бюджетном праве категорий правонарушения и вины является еще одним существенным препятствием для выстраивания общей стройной и логичной концепции для всего финансового права. Так, С.В. Запольский обращает внимание на то, что «нередко создается впечатление, что законодатель вообще не ощущает единства финансового права и ведет противоречивую деятельность «поинститутно» … можно даже сделать вывод: законодатель не считает финансовое законодательство и финансовое право чем-то агрегатированным»[597]. Кроме того, подчеркнем, что любое правовое предписание (обязывание, дозволение или запрет) подкрепляется мерами государственного принуждения, наиболее строгие из которых – меры юридической ответственности – должны применяться к актам осознанного и волевого поведения лица, нарушающего такое предписание. А раз это так, значит бюджетное право также должно создавать такие охранительные механизмы в виде ответственности, которые учитывали бы субъективные моменты.

Действительно, необходимость наложить лишения и дополнительные ограничения требует от государства учитывать субъективные характеристики

---

[596] См.: *Мирошник С.В.* Бюджетно-правовая ответственность: проблемы правового регулирования // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 78.

[597] *Запольский С.В.* Указ. соч. С. 84.

нарушителя, выраженные, в первую очередь, в понятии вины (реже – мотиве, цели), что обусловливает единство ответственности и правонарушения как виновного деяния. Государство силой своего принудительно-властного инструментария должно реагировать преимущественно на такое нарушение, которое было опосредовано сознанием и волей нарушителя, и тем самым направлено на подрыв устоев общества, правопорядка, отрицание социальных ценностей или пренебрежение ими. В бюджетном праве государством также обеспечивается ряд важных ценностей, которые концентрированно и в наиболее общем виде выражены в принципах, закрепленных в Бюджетном кодексе РФ, в частности, бюджетной сбалансированности, достоверности, адресного и целевого характера, эффективности использования бюджетных средств и некоторых других[598]. Кроме того, превентивная функция бюджетно-правовой ответственности, направленная на предупреждение совершения новых правонарушений, может быть действенно реализована только в тех случаях, когда является следствием оценки поведения нарушителя с позиций его вины. В противном случае превенция не может достигнуть своего предназначения, так как лица, для которых она потенциально предназначена, не смогут осознать, какое именно поведение будет подвергнуто осуждению.

Именно с учетом указанных предпосылок устанавливается общий запрет объективного вменения – ответственности не должны подлежать действия или бездействие лица, которые стали следствием субъективного случая (казуса) или непреодолимой силой. В указанных границах принцип вины действует как наиболее действенный инструмент разграничения противоправного и правомерного поведения субъектов права. При этом вина предопределяет применение к лицу меры ответственности, выраженной в санкции[599], поэтому про санкции необходимо отдельно обозначить, что их отнесение к той или иной

---

[598] Подробнее о реализации указанных принципов в бюджетной системе см.: *Воронцов О.Г.* Принципы бюджетной системы Российской Федерации. Теоретико-правовые основы реализации. Монография / Под ред. Н.А. Поветкиной. М.: ИФНРА-М, 2021. 225 с.

[599] См., например: *Лейст О.Э.* Указ. соч. С. 50; *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* Указ. соч. С. 54, 67; *Байтин М.И.* Указ. соч. С. 194, 204; *Емельянов А.С.* Финансовое право (учебник). С. 116-117, 124.

отрасли права обусловлено тем, обеспечивают ли санкции исполнение соответствующих отраслевых норм[600]. Думается, что связь санкции с остальными элементами правовой нормы должна быть неразрывной и реализованной именно в рамках бюджетного законодательства, иначе санкция оказывается оторванной от соответствующих правовых предписаний и запретов[601]. При этом применение санкций может производиться в административном порядке, что не меняет их правовой природы[602]. Содержанием санкций выступают дополнительные ограничения и лишения, предполагающие ущемление имущественной или личной сферы деятельности лица, нарушившего требования норм права[603]. Именно в возникновении обязанности претерпеть обременения, которые до нарушения нормы не существовали, и должна определяться сущность бюджетно-правовой ответственности.

---

[600] См.: *Саттарова Н.А.* Указ. соч. С. 314. Неслучайно еще применительно к дореволюционной России Д.М. Львов отмечал, что споры (в том числе те, которые сегодня были бы названы финансово-правовыми) между частным лицом и казной рассматриваются административным судом (*Львов Д.М.* Курс финансового права / Сост. Дмитрий Львов, э.-орд. проф. Казан. ун-та. Казань : тип. Императорского Ун-та, 1887. С. 456).

[601] М.И. Байтин указывал, что санкция как вид и мера юридической ответственности есть «обязательный неотъемлемый элемент именно нормы права» (*Байтин М.И.* Указ. соч. С. 204. См. также: *Шебанов А.Ф.* Форма советского права. М.: Юрид. лит., 1968. С. 130-132).

[602] И.И. Розанов указывал, что «сущность финансовой санкции вовсе не меняется от того, в каком порядке – административном или судебном – она реализуется. Более того, содержание финансовых санкций существенно влияет на способ или форму ее применения. Поэтому отнесение санкций к той или иной отрасли права зависит не от их названия и порядка (способа) применения, а от того, использование нормы какой отрасли права (уголовного, административного, гражданского, финансового) они непосредственно обеспечивают» (*Розанов И.И.* Финансово-правовые средства обеспечения государственной финансовой дисциплины: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1971. С. 8. См. также: Финансовое право. Учебник / ред. Н. И. Химичева. С. 33). Для финансового права в целом А.З. Арсланбекова также отмечает, что порядок применения финансовых санкций – судебный или бесспорный (административный) – не влияет на их видовую, иную качественную характеристику (см.: *Арсланбекова А.З.* Указ. соч. С. 118). В теории также отмечается, что бесспорность порядка взыскания не означает применение меры без учета вины правонарушителя (см.: *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 759-761).

[603] А.С. Емельянов указывает, что содержание финансовых санкций «состоит в ограничении, лишении субъективных прав или благ лица, к которому они применяются» (*Емельянов А.С.* Указ. соч. С. 119). Однако особенность финансовых санкций в виде их восстановительного характера обусловливает возможность, по мнению А.С. Емельянова, их применения в ряде случаев без учета вины. ученый называет это объективным вменением при применении санкций в бюджетном праве. Карательные санкции всегда должны быть применены с учетом вины (Там же. С. 121-123, 126-127). В контексте поддерживаемого в рамках настоящей работе понимания финансово-правовой (и бюджетно-правовой) ответственности такое разделение все же представляется неверным. Кроме того, сам же ученый отмечает – финансовая санкция определяется как мера, состоящая в возложении на правонарушителя дополнительных обременений в целях приведения его поведения в соответствие с требованиями закона и недопущения повторения в будущем (Там же. С. 117). Само по себе восстановление прав пострадавшего лица не позволяет обеспечить как частную, так и общую превенцию, так как не затрагивает имущественной, личной или организационной сферы нарушителя.

Вместе с тем, признавая ответственность, правонарушение и вину в качестве базовых, принципиально важных категорий права с позиций его охранительно-принудительного воздействия, отметим, что зачастую потребности нормального функционирования общества требуют обеспечения поведения участников общественных отношений без использования мер бюджетно-правовой ответственности (санкций). Указанные случаи могут быть охвачены понятием бюджетно-правовых мер защиты, основанием применения которых будут выступать объективно противоправные деяния, при установлении и доказывании которых не является принципиально необходимым исследование субъективного отношения лица, так как не требуется наложение на него каких-либо дополнительных обременений.

С учетом указанных теоретических предпосылок определения правонарушения и санкций обратимся к модели действующего регулирования. Как известно, различия в мерах, поименованных в статье 306.2 Бюджетного кодекса РФ, не проводятся. Несмотря на то, что их общим основанием выступает «бюджетное нарушение» (не предусматривающее вину в качестве детерминирующего признака), с точки зрения науки имеются все основания для дифференциации мер принуждения как выступающих следствием бюджетного правонарушения и объективно противоправного деяния, то есть являющихся соответственно мерами бюджетно-правовой ответственности (санкциями) и бюджетно-правовой защиты[604]. Например, взыскание пеней и приостановление (сокращение) финансирования могут быть отнесены к санкциям, взыскание предоставленных бюджетных средств и платы за пользование ими – к мерам бюджетно-правовой защиты[605]. Вместе с тем следует подчеркнуть,

---

[604] Попытки разграничения применительно к предыдущим законодательным решениям предпринимались в финансово-правовой науке и ранее. Например, отмененную в настоящее время на основании Федерального закона от 26.07.2019 № 199-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части совершенствования государственного (муниципального) финансового контроля, внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита» (СЗ РФ. 2019. № 30. Ст. 4101) меру в виде передачи уполномоченному по соответствующему бюджету части полномочий главного распорядителя, распорядителя и получателя бюджетных средств С.В. Мирошник называла единственной мерой бюджетно-правовой ответственности (см.: *Мирошник С.В.* Указ. соч. С. 78).

[605] В свою очередь, Н.В. Омелехина считает, что в Бюджетном кодексе РФ установлены именно меры

что действующая модель охраны бюджетных правоотношений строится все же преимущественно на использовании принудительных мер иной отраслевой принадлежности[606], так как вышеуказанные бюджетные меры принуждения фактически охватывают собой только узкую сферу межбюджетных отношений. Думается, что указанная модель не может быть признана эффективной, так как нормы административного и уголовного права имеют в целом, как уже отмечалось, иное предназначение по сравнению с задачами бюджетно-правового регулирования[607].

Обобщая вышеизложенное, отметим, что в границах развития общетеоретических основ в бюджетном праве целесообразно конструирование собственных принудительных мер ответственности и защиты, различия которых в конечном счете сводятся к наличию или отсутствию вины в совершении деяния, являющегося основанием их применения. Данный постулат влечет вывод о том, что категорию вины следует признать важнейшим детерминирующим признаком, определяющим структуру бюджетного принуждения. Вина дифференцирует его по видам (ответственность и меры защиты), так как детерминирует бюджетно-правовую ответственность, будучи признаком бюджетного правонарушения (а также элементом его состава). Указанное подтверждает, что общий разработанный в теории и поддержанный в отраслевых науках дискурс для целей бюджетного права так и остался неизменным: следует признать, что вина является обязательным признаком бюджетного правонарушения, элементом субъективной стороны его состава и условием бюджетно-правовой ответственности.

бюджетно-правовой ответственности (и соответствующие им три группы бюджетных правонарушений), в остальных же случаях нарушения или невыполнения требований, установленных бюджетным законодательством, применяются иные бюджетно-правовые средства, направленные на уменьшение степени самостоятельности и сужение широты дискреционных полномочий. По мнению ученого, различие в используемых правовых средствах объясняется природой бюджетных правоотношений, целями применения и интересе, ради удовлетворения которого такие средства применяются (см.: Правовые средства обеспечения финансовой безопасности. С. 107).

[606] Речь идет, в первую очередь, об административной (правонарушения, предусмотренные статьями 15.14 – 15.15.16 КоАП РФ) и уголовной (преступления по статьям 285.1 и ст. 285.2 Уголовного кодекса РФ) ответственности.

[607] В науке финансового права особо подчеркивалась заслуга принятого Бюджетного кодекса РФ, которая состояла в том, что вводились специальные санкции, дополняющие меры административного, уголовного, материального характера (см.: *Горбунова О.Н., Селюков А.Д., Другова Ю.В.* Указ. соч. С.170).

Кроме того, предложенные выводы обусловливают необходимость в рассмотрении вопроса о качественном преобразовании законодательного решения относительно формулировки «бюджетного нарушения», предусмотренной в статье 306.1 Бюджетного кодекса РФ[608]. Во-первых, указанное определение не учитывает действие универсального и общеправового принципа определенности[609], так как закон не может фиксировать понятие широко настолько, что это будет создавать различное толкование, оставлять значительное поле для дискуссий. Как отмечает Конституционный Суд РФ, «общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (статья 19, часть 1, Конституции Российской Федерации), поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями. Неопределенность содержания правовой нормы, напротив, допускает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и неизбежно ведет к произволу, а значит – к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона»[610]. По этой причине формулировки, избранные в Бюджетном кодексе РФ, не способствуют достижению верховенства базового юридического принципа «Nullum crimen, nulla poena sine

---

[608] Бюджетным нарушением признается совершенное высшим исполнительным органом государственной власти субъекта РФ (местной администрацией), финансовым органом (органом управления государственным внебюджетным фондом), главным администратором (администратором) бюджетных средств, государственным (муниципальным) заказчиком: нарушение положений бюджетного законодательства РФ и иных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения; нарушение положений правовых актов, обусловливающих публичные нормативные обязательства и обязательства по иным выплатам физическим лицам из бюджетов бюджетной системы РФ, формирование доходов и осуществление расходов бюджетов бюджетной системы РФ при управлении и распоряжении государственным (муниципальным) имуществом и (или) его использовании, повлекшее причинение ущерба публично-правовому образованию; нарушение условий договоров (соглашений) о предоставлении средств из бюджета; нарушение условий государственных (муниципальных) контрактов.

[609] Как отмечал выдающийся дореволюционный юрист И.А. Покровский, «индивид, поставленный лицом к лицу с обществом, государством, имеет право требовать, чтобы ему было этим последним точно указано, чего от него хотят и какие рамки ему ставят. Логически это право на определенность правовых норм есть одно из самых неотъемлемых прав человеческой личности, какое только себе можно представить; без него, в сущности, вообще ни о каком «праве» не может быть речи» (*Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013. С. 91).

[610] Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 года № 11-П.

lege» (*Нет правонарушения и наказания без указания на то в законе*)[611].

Во-вторых, следует поддержать позицию Н.А. Поветкиной, которая, справедливо опасается, что действующее определение не позволяет контрольным и правоохранительным органам устанавливать в выявленном противоправном деянии состав правонарушения и, следовательно, привлекать к ответственности на законных основаниях. По этой причине ученый предлагает закрепить в Бюджетном кодексе РФ понятие бюджетного правонарушения с указанием на все признаки его состава: субъект, субъективная сторона, объект, объективная сторона[612].

В-третьих, отрицая аргументы в виде ссылок на действующую модель правового регулирования, предусмотренную Бюджетным кодексом РФ («так решил закон!»), процитируем Н.С. Малеина, который указывал, что «непоследовательность законодательства не может обосновать какой-либо теории, а указывает на необходимость его совершенствования»[613]. Ю.А. Денисов также указывал, что нежелание ученых (имея на тот момент в виду представителей науки гражданского права) признать несостоятельность концепции безвиновной «ответственности» в основном упирается в ссылку на закон, который нельзя считать конечным аргументом в научном споре, «этот аргумент достаточен лишь в правоприменительном процессе»[614]. Для бюджетного права Е.С. Емельянова справедливо подчеркивает, что нераскрытие ряда важных признаков бюджетного правонарушения (в том числе виновности) по тексту Бюджетного кодекса РФ

---

[611] А.И. Ковлер подчеркивает, что принцип наказания исключительно на основании закона является частным случаем принципа правовой определенности, стабильности правового регулирования и правоотношений (см.: *Ковлер А.И.* Европейская конвенция: проблемы толкования и имплементации: монография. М.: ИЗиСП, Норма, ИНФРА-М, 2019. 400 с. [Доступ из СПС КонсультантПлюс]).

[612] См.: Ответственность за нарушение финансового законодательства: Научно-практическое пособие.

[613] *Малеин Н.С.* Указ. соч. С. 167. В этой связи уместно привести высказывание В.Ю. Миненковой, которая еще в 2006 году отмечала: «Неопределенность понятий «бюджетного правонарушения», «бюджетной ответственности», несогласованность между собой норм ответственности, предусмотренных Бюджетным кодексом, с нормами, содержащимися в Кодексе об административных правонарушениях, слабая проработка принципа вины в системе бюджетной ответственности — все это требует пересмотра и доработки на стадии законотворчества, а не в процессе правоприменительной деятельности» (*Миненкова В.Ю.* Проблемы применения бюджетного законодательства: Автореф. … дис. канд. юрид. наук. СПб, 2006. С. 9).

[614] *Денисов Ю.А.* Указ. соч. С. 110-111.

является именно «результатом недоработки законодателя»[615].

С учетом изложенного считаем необходимым изменить законодательную дефиницию бюджетного нарушения на определение бюджетного правонарушения как противоправного виновно совершенного действия (бездействия) субъекта бюджетного правоотношения, за которое Бюджетным кодексом РФ предусмотрены меры бюджетно-правовой ответственности[616]. Вместе с тем провозгласить связь вины, правонарушения и ответственности в структуре бюджетного принуждения все же явно недостаточно[617], поэтому представляется оправданным обратиться далее к тому, как непосредственно должна определяться категория вины в бюджетном праве.

§ 2.2. Сущность и формы вины в бюджетном праве

Как отмечал А.М. Васильев, задача научного определения (дефиниции) состоит в том, чтобы раскрыть содержание понятия «путем указания на основные, существенные признаки изучаемого предмета, которые отличают его от других общественных явлений и выделяют из числа правовых»[618]. Поэтому, установив особенности категорирования вины в структуре бюджетно-правового механизма, обратимся непосредственно к выявлению таких признаков, определению сущности вины в бюджетном праве.

Анализ научных работ по проблематике бюджетного правонарушения и его признаков показал, что вина в бюджетном праве, во-первых, не стала предметом

---

[615] *Емельянова Е.С.* Ответственность за нарушение бюджетного законодательства : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. С. 23.

[616] Р.О. Халфина справедливо отмечала, что единственно верным направлением развития законодательства является «постоянное сужение той области отношений, где применяется еще ответственность без вины, и постепенный переход к тому, чтобы ответственность базировалась на принципе вины как непременном ее условии» (*Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. С. 338).

[617] Так, еще О.А. Красавчиков подчеркивал, что «принцип ответственности за вину декларируется всеми, но как только заходит речь о его последовательном проведении в теоретических исследованиях законодательства и судебно-арбитражной практики, соответствующие декларации "повисают в воздухе"» (*Красавчиков О.А.* Указ. соч. С. 118).

[618] *Васильев А.М.* Указ. соч. С. 86.

самостоятельных исследований и, во-вторых, получила освещение посредством калькирования общетеоретических (и в основном уголовно-правовых) конструкций. По этой причине вина в исследуемой сфере понимается преимущественно в рамках психологической концепции как психическое отношение лица к совершенному деянию (действию, бездействию) и/или[619] его последствиям. Подтверждение тому находим в позициях некоторых ученых, которые в своих работах рассматривали проблематику бюджетно-правовой ответственности.

Так, под виной Н.А. Саттарова понимает «психическое отношение субъекта к противоправным действиям или бездействию и их последствиям»[620]. Н.В. Сердюкова рассматривает вину как «психическое отношение субъекта к совершаемому действию или бездействию и проявляющаяся в форме вины»[621]. Не предлагая каких-либо дополнительных обоснований для своих выводов, О.М. Гейхман указывает, что субъективная сторона бюджетного правонарушения характеризуется совокупностью признаков, отражающих внутреннюю сторону деяния в виде внутренних психических процессов в сознании правонарушителя[622]. А.С. Емельянов подчеркивает, что виновное деяние – это такое деяние, при котором лицо выходит за пределы принадлежащих субъективных прав[623]. По мнению ученого, понимание виновности как психического отношения складывается в том случае, когда субъектом правонарушения выступает физическое лицо. При этом вина организации определяется через вину ее должностных лиц и «выражается в выходе данных лиц за пределы своих полномочий и полномочий представляемой им организации»[624]. В то же время в своей докторской диссертации ученый отмечает, что «субъект финансового права

---

[619] Указание на альтернативные союзы подчеркивает возможность признания как материальных, так и формальных составов правонарушений.

[620] *Саттарова Н.А.* Указ. соч. С. 126.

[621] *Сердюкова Н.В.* Указ. соч. С. 19.

[622] См.: *Гейхман О.М.* Указ. соч. С. 57.

[623] См.: *Емельянов А.С.* Указ. соч. С. 107-108. Как представляется, в данной все же характеристике отождествляется противоправность и виновность.

[624] Там же.

признается виновным в совершении финансового правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для исполнения возложенных на него финансовых обязанностей, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры для этого» (т.е. имеет в виду поведенческую концепцию вины)[625]. Состав бюджетного правонарушения при нецелевом использовании бюджетных средств исследованы В.Ю. Трубиным, который предлагает понимать вину в бюджетном праве аналогично пониманию вины юридических лиц в административном праве и использовать при этом как объективный, так и субъективный критерий виновности. «Объективный критерий вины должен определяться из проверки возможности у юридического лица соблюдения соответствующих правил и норм, принятия им всех зависящих от него мер по их соблюдению, субъективный — из выяснения психического отношения работника, ответственного за выполнение требований бюджетного законодательства, к совершаемому им нарушению»[626].

Редкий пример законодательного категорирования вины для целей бюджетного права можно обнаружить в Законе о Счетной палате Японии[627], в статье 31(2) которого раскрывается содержание вины – несоблюдение лицом правил предоставления счетов, например, пренебрежение предоставлением отчетов по счетам и документальных доказательств, или невыполнение требования Счетной палаты о предоставлении соответствующих документов и разъяснений. Строгое следование принципу вины наблюдается и в статье 32(1) анализируемого закона, согласно которой Счетная палата Японии при установлении факта утраты наличных денег должна определить, действительно ли лицо причинило ущерб государству из-за своей неспособности проявить должную заботу разумного

---

[625] См.: *Емельянов А.С.* Реализация охранительной функции финансового права: автореф. … дис. д-ра юрид. наук. С. 18.

[626] *Трубин В.Ю.* Нецелевое использование бюджетных средств как основание ответственности за нарушение бюджетного законодательства (финансово-правовой аспект): Автореф. … дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 19.

[627] Закон Японии о Счетной палате Японии от 1947 года № 73 (Режим доступа: https://www.jbaudit.go.jp/english/jbaudit/chapter2.html (дата обращения: 21 февраля 2023 года)).

менеджера. Согласно статье 32(3) при установлении указанного факта виновный должен выплатить соответствующее возмещение.

Таким образом, следует констатировать, что, предлагая собственные видения сущности вины в бюджетном праве, финансово-правовая наука не разработала универсальный и непротиворечивый набор объясняющих аргументов, отечественное позитивное регулирование по данному вопросу и вовсе характеризуется наличием существенных пробелов. Вместе с тем, как представляется, решение проблем, возникающих в связи с определением сущности вины в бюджетном праве и ее качественного определения, имеет неразрывную связь с вопросом видового многообразия и неоднозначного состава субъектов бюджетного права. Ранее отмечалось, что под субъектом бюджетного права следует понимать любое лицо, которому бюджетное законодательство определяет права и (или) обязанности в области своего регулирования. Система субъектов, представленная физическими лицами и коллективными субъектами (юридические лица, публично-правовые образования и представляющие их органы публичной власти), обусловливает целесообразность применения двухаспектного подхода к пониманию вины в бюджетном праве. Различия обусловлены непосредственной способностью лица к сознательной и волевой деятельности и, как следствие, восприятию последствий за выбор неправомерного варианта поведения. В связи с этим определение вины должно быть дифференцировано, в том числе на основании наработок теории права и отраслевых наук.

Представляется оправданным, что физические лица, обладая сознанием и волей, должны нести ответственность при определенном психическом отношении к своему деянию и его последствиям, то есть в рамках психологической субъективной концепции вины. Никаких политико-правовых предпосылок для обоснования отказа от данной концепции применительно к физическим лицам в бюджетном праве (как и во всех других правовых отраслях) не существует. Следование психологической концепции обусловливает необходимость выделения форм вины в совершении бюджетного правонарушения, которые традиционно представлены умыслом и неосторожностью. В наиболее общем виде выделяют

прямой (dolus directus) и косвенный (dolus indirectus) умыслы, а также легкомыслие (lexuria) и небрежность (negligentia) как формы неосторожности. Взятые вместе умысел и неосторожность могут быть противопоставлены единому понятию случая (казусу) как безвиновному состоянию[628]. Установление формы вины позволяет определить субъективную границу разграничения правомерного и неправомерного поведения, а также квалификацию правонарушения[629]. Система форм и видов вины строится исходя из последовательного снижения уровня воли субъекта и степени осознанности им своих действий[630]. Можно также сказать, что формы вины иллюстрируют меру субъектности деяния: от ярко выраженной в умысле до полностью исключенной в случае[631]. По этой причине имеет принципиальное значение конструирование модели вины физических лиц в бюджетном праве с опорой на формы вины, предложенные в науке и закрепленные в позитивном праве.

Так, например, характеристика форм вины дана в Уголовном кодексе РФ, КоАП РФ и Налоговом кодексе РФ. Наиболее полным является подход, реализованный в уголовном законе, где формы вины – умысел и неосторожность – раскрыты во всех существенных аспектах[632]. В соответствии с положениями статьи 25 Уголовного кодекса РФ при прямом и косвенном умысле интеллектуальный элемент означает, что лицо осознавало общественную опасность совершаемого деяния[633], предвидело возможность (или неизбежность – для прямого умысла) наступления последствий. Волевой элемент в прямом умысле состоит в желании лица наступления последствий, в косвенном – нежелании, но сознательном допущении таких последствий или безразличном отношении к ним. В соответствии со статьей 26 Уголовного кодекса РФ вина в форме легкомыслия характеризуется

---

[628] См.: *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 274-276; *Хвостов А.М.* Указ. соч. С. 35.

[629] См.: *Рарог А.И.* Указ. соч. С. 90.

[630] См.: *Лунеев В.В.* Указ. соч. С. 14. А.М. Хвостов подчеркивал, что при неосторожности сознание и воля лица проявляются с меньшей интенсивностью (чем при умысле), в этом проявляется количественный критерий отличия умысла и неосторожности (см.: *Хвостов А.М.* Указ. соч. С. 29).

[631] *Денисов Ю.А.* Указ. соч. С. 108-109.

[632] См.: *Гогин А.А.* Указ. соч. С. 61.

[633] Г.В. Назаренко при этом отмечает, что в реальности преступник осознает не общественную опасность своего деяния, а противоправность совершаемого действия или бездействия (см.: *Назаренко Г.В.* Указ. соч. С. 66).

тем, что лицо абстрактно предвидело наступление общественно опасных последствий, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение. Вина в форме небрежности предполагает, что лицо не предвидело последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть. В обоих случаях неосторожности воля лица не направлена на причинение вреда, а при легкомыслии и вовсе связана с намерением его предотвращения[634].

В административном праве также выделяются формы вины (статья 2.2 КоАП РФ), при этом умысел и неосторожность на виды (прямой и косвенный, легкомыслие и небрежность) не подразделяются[635]. Умысел означает осознание лицом противоправного характера своих действий (бездействия), предвидение вредных последствий и желание, осознанное допущение или безразличное отношение к их наступлению. Неосторожность предполагает, что лицо предвидело вредные последствия, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение таких последствий либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть[636]. Таким образом, в отличие от уголовного права, формы вины в совершении административного правонарушения на дальнейшие виды исходя из волевого элемента не дифференцируются.

---

[634] См.: Уголовное право Российской Федерации. Краткий курс : учебник / науч. ред. Е. В. Благов. М.: Проспект, 2019. С. 97-104; Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. С. 164-182; Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.П. Ревина. С. 201-214. См. также: *Гладких В.И.* Приглашение к дискуссии: все ли нас устраивает в современных формах вины и практике их применения? // Российский следователь. 2016. № 3. С. 27–33; *Дугин А.Т.* Проблема умышленной вины в Уголовном кодексе РФ // Российский следователь. 2009. № 19. С. 11–13; *Ширяев А.Ю.* Косвенный умысел: правовая оценка и доказывание // Законность. 2016. № 12. С. 42–45; *Филимонов В.Д.* Проблема степени вины в уголовном праве // Уголовное право. 2017. № 3. С. 92–99.

[635] См.: *Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н.* Административное право: Учебник для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2005. С. 537-540; *Витрук Н.В.* Указ. соч. С. 331. См. также: *Смоляков П.Н.* Общие сравнительные аспекты вины в УК России и КоАП России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 8. С. 78–81; *Шестало С.С.* Административное правонарушение: понятие, признаки, состав // СПС КонсультантПлюс. 2022.

[636] См.: *Серков П.П.* Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 480 с. [Доступ из СПС КонсультантПлюс]. См. также: *Попугаев Ю.И.* Основные концептуальные положения по разработке Общей и Особенной частей нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2019. № 6. С. 19-24.

В статье 110 Налогового кодекса РФ, вслед за КоАП РФ, умысел на виды не дифференцируется и понимается через осознание противоправного характера действия (бездействия), желании либо сознательном допущении наступления вредных последствий таких действий (бездействия). Неосторожность в совершении налогового правонарушения предполагает, что лицо не осознавало противоправного характера своих действий (бездействия) либо вредного характера последствий, возникших вследствие этих действий (бездействия), хотя должно было и могло это осознавать. Как следует из описания законодательной модели неосторожности в совершении налогового правонарушения речь идет о ее разновидности – небрежности; Налоговый кодекс РФ не предусматривает возможность совершения налогового правонарушения в форме легкомыслия[637]. Обобщая взгляды на вину в налоговом праве, Р.С. Юрмашев подчеркивает, что она рассматривается как «определенное психическое отношение, как целостный интеллектуально-эмоционально-волевой комплекс, включающий как осознание лицом противоправности своего поведения, его общественной вредности, так и желание или допущение наступления вредных последствий этого деяния»[638].

Как уже отмечалось ранее, для организаций – субъектов налоговых правонарушений также предусмотрена психологическая концепция вины, то есть ее определение через вину должностных лиц или представителей. Следует отметить, что, определяя умысел организации в совершении налогового правонарушения, налоговые органы и суды исходят, например, из фактов создания схемы получения необоснованной налоговой выгоды путем «дробления бизнеса»[639], сознательного использования документов, оформленных от имени несуществующих контрагентов с целью создания видимости приобретения материалов и получения налоговой экономии[640], юридической, экономической и

---

[637] См.: *Малиновская В.М.* Налоговые правонарушения и налоговая ответственность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 8. С. 3-14. [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

[638] *Юрмашев Р.С.* Понятие налогового правонарушения по российскому финансовому праву / Под ред. докт. юрид. наук, проф. К.С. Бельского. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2006. С. 128.

[639] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 9 июня 2021 года № Ф01-1744/2021 по делу № А11-6485/2018.

[640] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27 февраля 2020 года № Ф07-1485/2020

иной подконтрольности участников, вовлеченных в налоговую схему[641], обнаружения печатей и документации фирм-нерезидентов в помещении налогоплательщика[642].

Специфический подход к формам вины предложен в гражданском праве, в котором осуществлена дифференциация неосторожности не на легкомыслие и небрежность, но на простую и грубую неосторожность[643]. Отличия неосторожной вины по формам (грубая и легкая) проводятся по различной степени предвидения вредных последствий и различной степени долженствования такого предвидения[644]. Грубой принято называть такую неосторожность, при которой лицо игнорирует элементарные, очевидные всем и самые минимальные меры заботливости и осмотрительности. Простая неосторожность будет заключаться в недостаточной степени проявления заботливости и осмотрительности[645]. Н.В. Витрук отмечает, что значение простая и грубая неосторожность приобретают при смешанной ответственности, когда учитывается не только вина нарушителя, но и степень вины потерпевшей стороны[646]. В любом случае, следует учитывать, что указанные формы представляют собой оценочные суждения и подлежат определению судами с учетом конкретных обстоятельств дела[647]. Да и в целом,

---

по делу № А66-345/2019. При этом в указанном решении суд отметил, что релевантных доказательств налоговая инспекция не привела, за исключением показаний директора организации, а потому вину нельзя считать установленной. См. также: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11 декабря 2014 года № Ф02-5614/2014 по делу № А58-6043/2013, Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 9 июля 2018 года № Ф01-2527/2018 по делу № А11-1142/2017.

[641] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23 декабря 2021 года № Ф06-12223/2021 по делу № А55-56/2021.

[642] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 9 ноября 2020 года № Ф05-17900/2020 по делу № А40-252193/2019.

[643] В.П. Грибанов указывал также, что выделение прямого и косвенного умысла не имеет значения, да и сами умышленные проступки совершаются не часто (см.: *Грибанов В.П.* Указ. соч. С. 341). Для трудового права А.М. Хвостов считал правильным использовать деление неосторожности на простую и грубую, а не на легкомыслие и небрежность (см.: *Хвостов А.М.* Указ. соч. С. 35).

[644] См.: *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 298.

[645] См.: *Дмитриева О.В.* Указ. соч. С. 38. См. также: *Байбак В.В.* Общие условия ответственности за нарушение обязательств в ст. 401 ГК РФ: старые правила в новом контексте // Закон. 2016. № 10. С. 132-143. Г.К. Матвеев различия проводил следующим образом: лицо не предвидело последствия, но должно и могло это сделать – легкая; предвидело, но желало их избежать (хотя могло и должно понимать, что причинение вреда неизбежно) – грубая (см.: *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 298).

[646] См.: Витрук Н.В. Указ. соч.

[647] См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2008 года № 120-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яновича Максима Владимировича на нарушение его

несмотря на имеющееся деление вины на умысел и неосторожность, меры гражданской ответственности преимущественно определяются без учета формы и степени вины лица[648].

С учетом изложенного представляется оправданным отметить, что общим моментом для всех отраслей является выделение вины в формах умысла и неосторожности. При этом следует согласиться с мнением Ю.А. Денисова о том, что конкретные формулы умысла и неосторожности должны вырабатывать именно отраслевые науки, преследуя свои задачи в рамках правоприменительного процесса[649]. В то же время, в самом общем виде необходимо признать, что умысел представляет собой единство воли и сознания, включает предвидение вредных последствий, понимание всех фактических обстоятельств правонарушения, а также осознание противоправности своих действий (бездействия). В свою очередь, при неосторожности лицо не предвидит последствий, а потому не желает их; либо предвидит, но не только не желает, но надеется на их предотвращение[650].

Указанные умозаключения целесообразно спроецировать на понимание вины физических лиц как субъектов бюджетного права. В связи с этим следует признать, что вина физических лиц подлежит раскрытию через две формы – умысел и неосторожность[651], однако такое деление должно иметь конкретный практический смысл в виде дифференциации меры бюджетно-правовой ответственности (например, размера налагаемого штрафа). По этой причине выделение прямого и косвенного умысла, предложенное в уголовном праве, существенного значения для исследуемой сферы не имеет.

Умысел в бюджетном праве возможно определить следующей формулой: лицо осознавало, что его действие (бездействие) нарушает положения бюджетного

конституционных прав пунктом 1 статьи 1064, пунктом 1 статьи 1079 и абзацем вторым пункта 2 статьи 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации». См. также: *Агапов А.Б.* Корреляция публичных и цивилистических форм вины // Административное и муниципальное право. 2016. № 9. С. 791-798.

[648] См.: *Иоффе О.С.* Ответственность по советскому гражданскому праву. Л.: Издательство ЛГУ, 1955. С. 243.

[649] См.: *Денисов Ю.А.* Указ. соч. С. 114.

[650] См.: *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 251, 255-267, 275; *Хвостов А.М.* Указ. соч. С. 24.

[651] См., например: *Гейхман О.М.* Указ. соч. С. 57.

законодательства, предвидело возможность и/или неизбежность наступления вредных последствий, желало наступления вредных последствий или сознательно допускало их либо относилось к ним безразлично. При этом, как уже отмечалось, развитие законодательства должно идти по пути отнесения наиболее серьезных правонарушений к числу преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РФ, что приведет к тому, что все больше умышленных проступков в бюджетной сфере должно признаваться именно преступлениями. Дифференциация может проходить по объемам неправомерно использованных бюджетных средств, нецелевом использовании в определенных секторах экономики (например, оборонная, космическая промышленность) и т.п. В этой связи уместно перефразировать Г.К. Матвеева (который сравнивал гражданскую и уголовную вину[652]) и предложить, чтобы уголовная вина постепенно «отняла» все серьезные составы у бюджетного права, где преимущественно будет действовать неосторожная форма вины. Тем не менее, рассмотрим возможную реализацию умышленной формы вины в совершении бюджетного правонарушения.

На примере нецелевого использования бюджетных средств умысел физического лица, получившего средства бюджетного финансирования (преимущественно в форме субсидии согласно положениям статьи 78 Бюджетного кодекса РФ), будет заключаться в том, что, осознавая нецелевой характер использования бюджетных средств, лицо желало либо сознательно допускало наступление вредных последствий, выразившихся в невозможности достижения общественно полезного результата предоставления бюджетных средств. Так, если целью предоставления бюджетных средств была указана направленность на достижение результата (выполнение мероприятия) государственной программы[653] (например, обеспечить увеличение объема высокотехнологичной продукции на N % посредством создания новых компьютерных программ,

---

[652] См.: *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 184-185, 188-189.

[653] В соответствии с типовой формой соглашения (договора) о предоставлении из федерального бюджета субсидий, в том числе грантов в форме субсидий, юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам, утвержденной приказом Министерства Финансов Российской Федерации от 30 декабря 2021 года № 199н (зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации 4 марта 2022 года № 67616).

обслуживающих офисное оборудование), то умысел в нецелевом использования субсидии будет заключаться в осознанном направлении средств на закупку иных объектов, не подпадающих под соответствующие критерии. Как следствие, невыполнение получателем субсидии условий ее предоставления привело к недостижению результатов, запланированных государственной программой. При этом осознанность нецелевого характера использования будет подтверждаться самим фактом заключения договора (соглашения) о предоставлении субсидии на определенных в нем условиях. В то же время умысел не будет реализован в случаях, когда недостижение результата не было следствием желания или сознательного допущения соответствующих последствий (закупка у контрагента материалов, лицензий, при этом получение иного товара, услуги).

Неосторожность как форма вины физического лица в совершении бюджетного правонарушения подлежит раскрытию в видах легкомыслия и небрежности. Легкомыслие подразумевает, что лицо предвидело возможность наступления вредных последствий своего действия (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение. Например, как легкомыслие можно трактовать действия получателя бюджетной субсидии, который, не соблюдая установленные ограничения и требования к антивирусной защите информации, планировал, но своевременно не смог предотвратить вирусную атаку, что привело к потере наработок. Небрежность предполагает, что лицо не предвидело возможности наступления вредных последствий своего действия (бездействия), однако при необходимой внимательности, предусмотрительности и при строгом соблюдении предписаний бюджетного законодательства должно было и могло предвидеть такие последствия. При установлении небрежности в действиях лица законодательному закреплению подлежат общие правила определения модели должного (надлежащего) поведения физического лица в бюджетных правоотношениях, в том числе в силу положений бюджетного законодательства, условий заключенных соглашений (договоров), а также устоявшейся практики предоставления и использования бюджетных средств иными подобными субъектами (в том числе

с учетом результатов мероприятий государственного (муниципального) финансового контроля в отношении однотипных, одноуровневых подконтрольных субъектов).

В свою очередь, юридические лица и публичные субъекты действуют в рамках бюджетных правоотношений через своих руководителей, должностных лиц, органы управления и т.п., поэтому более целесообразным, эффективным и оправданным с точки зрения правоприменения является выбор в отношении них поведенческой (объективной) концепции вины. В указанном значении вина подлежит определению через непринятие всех зависящих от лица мер по соблюдению предписаний бюджетного законодательства при наличии возможностей по их соблюдению. Возможности субъекта по соблюдению обязательных предписаний определяются через стандарт должного поведения, соответствующий характеру конкретного правоотношения (например, при формировании бюджетных смет, осуществлении бюджетного контроля и т.п.), а также целям и задачам реализации бюджетной политики. При этом считаем верным определять и устанавливать вину публичных субъектов применительно к соответствующим органам публичной власти, выступающим от имени публично-правового образования[654]. Следует отметить, что при определении вины коллективных субъектов целесообразно ориентироваться на судебную практику, сформированную по соответствующим административным правонарушениям в бюджетной сфере, например, предусмотренным статьями 15.14, 15.15.4 и 15.15.5 КоАП РФ.

Подчеркнем, что вина физического лица в форме небрежности (не предвидел, хотя должен был и мог) и коллективного субъекта в рамках предлагаемого подхода (не принял все необходимые меры по соблюдению правил) являются точками

---

[654] Публично-правовое образование, таким образом, будет выступать субъектом бюджетно-правовой ответственности. Так, например, для конституционного права Н.М. Колосова отмечает: «Если быть до конца последовательным, то субъектом конституционной ответственности следует признать государство в целом» (*Колосова Н.М.* Конституционная ответственность в Российской Федерации. М.: Городец, 2000. С. 65). В этом смысле возможны к имплементации правила, определенные положениями статей 15 и 1070 Гражданского кодекса РФ.

соприкосновения двух концепций вины (психологической и поведенческой) и позволяют сформировать двуединую модель вины в бюджетном праве. В связи с этим, в частности, следует поддержать позицию В.П. Мозолина, который предлагает не противопоставлять концепции друг другу, а рассматривать их как дополняющие[655]. Как представляется, непротиворечивость двух концепций обусловлена единым представлением о сущности вины в форме неосторожности и, как следствие, очертаний границ вины и казуса. Так, С.Н. Братусь отмечал, что «право интересуется не психологическим процессом образования воли, а объективным ее выражением, ее результатом или содержанием, получающим объективное и независимое по отношению к изъявителю воли существование и развитие»[656]. Другими словами, право, обращаясь к вопросам, требующим оценки с точки зрения психических процессов (сознания и воли), неизбежно объективирует их, пытается конструировать однозначные и понятные критерии понимания и установления, что в полной мере применимо и к юридической категории вины.

В связи с изложенным представляется оправданным понимать вину коллективных субъектов в рамках поведенческой концепции с использованием подхода, аналогичного для понимания вины физических лиц в форме небрежности. Еще Г.К. Матвеев указывал, что именно объективный критерий должен определяться для неосторожности – лицо не просто не предвидело последствий, важно установить, почему не предвидело, если было должно, если не было объективных препятствий к этому, когда другие лица, как правило, могли бы это предвидеть[657]. При этом такой объективный критерий нужен, потому что суд должен установить истину по делу[658]. Сторонники субъективного критерия указывали, что обратное (объективный масштаб) приводит к тому, что лицо

---

[655] См.: *Мозолин В.П.* Указ. соч. С. 33.

[656] *Братусь С.Н.* Юридические лица в советском гражданском праве. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. С. 67.

[657] Неслучайно в доктрине уголовного права существует мнение, что подход, при котором преступная небрежность (где нет предвидения, имеет место лишь промах лица, упущение) также наказывается, фактически свидетельствует об объективном вменении (см.: *Назаренко Г.В.* Указ. соч. С. 65-66).

[658] См.: *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 285, 288.

отвечает не за свое предвидение как внутреннюю возможность психики; вина становится фикцией, требуя от лица больше того, на что он способен[659]. Г.К. Матвеев не соглашался, отмечая, что понятие возможного должно толковаться в виде нормы, масштаба; иначе сколько людей, столько и масштабов. Объективный критерий учитывает ситуацию; важно установить также, почему лицо не проявило предусмотрительности и не могло проявить ее, какие причины этому препятствовали[660].

В свою очередь, не соглашаясь рассматривать небрежность через масштаб и считая требования осмотрительности, заботливости и внимательности самостоятельными правовыми поступками, И.С. Самощенко определял небрежность через «неосознание общественной вредности своего поведения при обязательности и возможности такого осознания». Небрежность отличается от субъективного случая тем, что последствия не были предвидимы, но могли и должны были быть, другими словами, лицо действовало безответственно по отношению к интересам общества и отдельных лиц. Как представляется, в указанном определении через категорию долженствования также строится формула небрежности с использованием подходов поведенческой концепции[661].

Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский и вовсе отмечают, что «вопрос о заботливости и осмотрительности неизбежно характеризует психическое отношение субъекта[662]. На это указывают также Д.А. Пашенцев и В.В. Гарамита, подчеркивая, что «при игнорировании элементов психического отношения…возникает опасность возврата к тому самому принципу объективного вменения», в то время как внимательность и заботливость по своей сути также являются психологическими категориями[663]. О.В. Дмитриева подчеркивает,

---

[659] См., например: *Антимонов Б.С.* Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М.: Госюриздат, 1950. С. 97-100.

[660] Ученый приводил следующий пример. Лицо причинило ущерб, не зная правил электроэнергии в силу малоопытности. Разве это не неосторожность, так как «невозможность» предвидеть можно было легко устранить, изучив соответствующие правила (см.: *Матвеев Г.К.* Указ. соч. С. 293; см. также: *Хвостов А.М.* Указ. соч. С. 34-35).

[661] См.: *Самощенко И.С.* Указ. соч. С. 150-151.

[662] См.: *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 342-343.

[663] См.: *Пашенцев Д.А., Гарамита В.В.* Указ. соч. С. 71-72.

что «непринятие мер – это внутренняя для должника причина совершения противоправного поступка, заключающаяся в недостаточности его интеллектуальной или волевой активности»[664]. Стоит также привести классическое определение небрежности в английском праве, которое свидетельствует о близости поведенческой и психологической концепций. Так, в деле «Блит против Бирмингемской водопроводной компании» 1856 года[665] суд указал: «Небрежность есть несовершение того, что сделал бы разумный человек, руководствуясь теми соображениями, которые обычно регулируют ведение человеческих дел, или совершение того, чего не сделал бы разумный человек. Ответчики могли быть привлечены к ответственности за небрежность, если бы они непреднамеренно не сделали то, что сделал бы разумный человек, или сделали бы то, чего не сделал бы человек, принимающий разумные меры предосторожности»[666].

Таким образом, единство теоретической конструкции вины в бюджетном праве, представленной двуединой моделью, распадается на две взаимопроникающие концепции – психологическое понимание вины для физических лиц в формах умысла и легкомыслия, а также поведенческие критерии для физических лиц при небрежности и при определении вины коллективных субъектов. Можно продолжить и указать, что поведенческая концепция оперирует иной терминологией, но предполагает вину в форме небрежности, за пределами которой – субъективный случай. Соответственно, для юридических лиц и прочих коллективных субъектов определять умысел и легкомыслие не требуется, так как их установление неизбежно предполагало бы исследование психологических особенностей конкретных физических лиц.

С учетом изложенного и ввиду избрания для целей бюджетного права подхода, учитывающего двухаспектное понимание вины, считаем правильно

---

[664] *Дмитриева О.В.* Указ. соч. С. 57.

[665] Blyth v Birmingham Waterworks Company (1856) 11 Ex Ch 781 Режим доступа: http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Exch/1856/J65.html (дата обращения: 21 февраля 2023 года).

[666] Negligence is the omission to do something which a reasonable man, guided upon those considerations which ordinarily regulate the conduct of human affairs, would do, or doing something which a prudent and reasonable man would not do. The defendants might have been liable for negligence, if, unintentionally, they omitted to do that which a reasonable person would have done, or did that which a person taking reasonable precautions would not have done.

определить ее как особое психическое (для физических лиц) или иное обусловленное внешней объективацией воли (для коллективных субъектов – юридических лиц и органов публичной власти) состояние лица относительно совершенного им бюджетного правонарушения, отражающее отрицательное отношение к основным бюджетно-правовым ценностям, защищаемым государством посредством института бюджетно-правовой ответственности. В указанном определении фиксируются важнейшие характеристики вины, учитывающие ее сущность, а именно: раскрытие в зависимости от вида субъекта, являющегося правонарушителем; обусловленность волей правонарушителя; проявление в отрицательном отношении к бюджетно-правовым ценностям; неразрывная связь с категориями бюджетного правонарушения и бюджетно-правовой ответственности.

Вместе с тем, принимая во внимание устоявшуюся традицию в иных сферах правового регулирования, а также направленность на обеспечение реальных потребностей оборота, считаем нецелесообразным закрепить предложенную дефиницию непосредственно в Бюджетном кодексе РФ. В то же время в указанном законодательном акте необходимо отразить конструкции предложенных форм вины физических лиц, являющихся получателями средств из бюджета (умысел и неосторожность), а также концепцию поведенческого стандарта вины коллективных субъектов. В проектируемой статье надлежит зафиксировать следующее:

«Проектируемая статья. ***Вина в совершении бюджетного правонарушения***

1. Лицо подлежит бюджетно-правовой ответственности только за те действия (бездействие) и/или наступившие последствия, в отношении которых установлена его вина.

2. Формами вины физического лица, являющегося получателем средств из бюджета, в совершении бюджетного правонарушения являются умысел и неосторожность.

Бюджетное правонарушение совершено умышленно, если лицо осознавало, что его действие (бездействие) нарушает положения бюджетного законодательства, предвидело возможность и/или неизбежность наступления вредных последствий, желало наступления вредных последствий или сознательно допускало их либо относилось к ним безразлично.

Бюджетное правонарушение совершено по неосторожности, если лицо предвидело возможность наступления вредных последствий своего действия (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение (легкомыслие), или если лицо не предвидело возможность наступления вредных последствий своего действия (бездействия), однако при необходимой внимательности, предусмотрительности и при строгом соблюдении предписаний бюджетного законодательства должно было и могло предвидеть такие последствия (небрежность).

3. Любое иное лицо, помимо указанного в пункте 2 настоящей статьи, являющееся участником бюджетных правоотношений, подлежит бюджетно-правовой ответственности, если будет установлено, что им не были приняты все необходимые меры по соблюдению правил и норм, установленных бюджетным законодательством, при наличии возможности по их соблюдению.».

Реализация указанных предложений[667] в совокупности с необходимостью изменения дефиниции бюджетного нарушения позволит в дальнейшем продолжить преобразование охранительных институтов бюджетного законодательства, в том числе в части, касающейся бюджетно-правовой ответственности, релевантного набора мер (санкций), определения всех элементов состава бюджетного правонарушения, сроков давности привлечения к бюджетно-правовой ответственности с учетом периода бюджетного цикла, а также случаев использования мер бюджетно-правовой защиты в отношении лиц, допустивших

[667] В указанной части возможно обратиться к опыту проведения правовых экспериментов в бюджетном праве. Подробнее об этом см.: *Поветкина Н.А.* Правовой эксперимент как новая тенденция развития бюджетного права // Финансовое право. 2020. № 9. С. 21-24.

нарушения, не подпадающие под признаки бюджетных правонарушений (объективно противоправных деяний).

§ 2.3. Установление и доказывание вины в бюджетном праве

Как уже было отмечено, категория вины относится к сфере материального права, которое определяет для нее строго заданное место в системе правового механизма той или иной отрасли (подотрасли), а также параметры понимания, в том числе в части раскрытия форм вины и критериев поведенческого стандарта. При этом вина всегда конкретна и устанавливается для целей привлечения к ответственности лица, совершившего определенное правонарушение. С.С. Алексеев указывал, что как только лицо «вступило» в сферу действия той или иной отрасли права, «так сразу же приводится в действие… весь комплекс регулятивных, охранительных, процедурно-процессуальных средств, которые призваны обеспечить в рамках отрасли правовое опосредование данной жизненной ситуации»[668]. В связи с этим не менее важным представляется процессуальный аспект вины, что в полной мере применимо и для бюджетного права, в границы исследования которого предлагается введение анализируемой категории.

Стоит подчеркнуть, что установление вины, как и состава бюджетного правонарушения в целом, происходит в рамках особого бюджетного правоотношения ответственности[669]. В то же время существенной особенностью вины в бюджетном праве является то, что формирование соответствующей

---

[668] *Алексеев С.С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве. С. 190).

[669] М.Б. Разгильдиева отмечает, что в результате финансово-правового принуждения меняется правовой статус принуждаемого лица, у него возникают новые обязанности и права, связанные с претерпеванием меры принуждения (См.: *Разгильдиева М.Б.* Указ соч. С. 65-66). Указанная позиция представляет нам более точной, нежели мысль, озвученная А.Ю. Ильиным и Э.Д. Соколовой, а именно: «Охранительные финансовые правоотношения возникают вследствие совершения правонарушения. Возникает правовая связь между государством (муниципальным образованием) в лице компетентного органа или должностного лица и правонарушителем, в результате чего к нарушителю могут быть применены меры государственного принуждения, в том числе и меры юридической ответственности» (Финансовое право: учебник / под общ. ред. Э.Д. Соколовой; отв. ред. А.Ю. Ильин. М.: Проспект, 2019. 592 с. [Доступ из СПС КонсультантПлюс]).

доказательственной базы происходит преимущественно в рамках мероприятий государственного (муниципального) финансового контроля[670], так как ответственность является формой реализации (последствий, результатов) контрольных мероприятий[671]. Е.Ю. Грачева отмечает, что финансовый контроль выступает сигналом обратной связи «поскольку выявление допущенных отступлений, правонарушений при реализации нормы права, управленческих решений влечет ответственность виновных лиц, а также представляет собой информацию, необходимую для возможной корректировки изданных ранее нормативных актов»[672]. А.А. Ялбулганов подчеркивает, что «основной целью финансового контроля является выявление случаев нарушения финансовой дисциплины и привлечения к ответственности виновных в ее нарушении, а также предотвращение таких нарушений в будущем»[673]. Н.Р. Хачатрян указывает, что к числу задач контроля относится выявление и привлечение виновных лиц к ответственности[674]. Думается все же, что государственный бюджетный контроль направлен именно на выявление, установление факта совершения бюджетного правонарушения (а значит и всех элементов его состава), но не на привлечение лиц к ответственности[675]. Данной цели служит последующий правоприменительный процесс, инициированный как по фактам, установленным в рамках контроля, так и

---

[670] Далее также – государственный бюджетный контроль. На наш взгляд, одна из успешных дефиниций данной категории была предложена А.А. Васильевым, а именно: «бюджетный контроль как самостоятельный вид государственного финансового контроля, который осуществляется в бюджетной сфере и направлен на установление законности, достоверности и экономической эффективности деятельности участников бюджетного процесса по составлению и утверждению проектов бюджетов (бюджетов государственных внебюджетных фондов), зачислению и использованию бюджетных средств, управлению государственной собственностью» (*Васильев А.А.* Правовое регулирование государственного бюджетного контроля в Российской Федерации: Автореф. … дис. канд. юрид. наук. М., 2003. С. 7).

[671] См.: Казна и бюджет. С. 291.

[672] Правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации: проблемы и перспективы: монография / Л.Л. Арзуманова, О.В. Болтинова, О.Ю. Бубнова и др.; отв. ред. Е.Ю. Грачева. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2013. 384 с. [Доступ из СПС КонсультантПлюс].

[673] *Ялбулганов А.А.* Предмет и система финансового права: Монография. М.: ИППИ, 2015. С. 164.

[674] См.: *Хачатрян Н.Р.* Финансовый контроль, осуществляемый федеральными органами исполнительной власти (административно-правовые проблемы его реализации): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 12.

[675] В советской литературе указывалось, что в актах ревизии фиксируются факты достоверно установленных нарушений финансовой дисциплины (а не правонарушений), указываются соответствующие причины, а также «должностные лица, по вине которых они совершены». На основе акта такие лица «могут быть привлечены к уголовной, материальной или дисциплинарной ответственности» (Финансовое право / под ред. В. В. Бесчеревных, С. Д. Цыпкина. С. 417-418).

по иным основаниям (например, при спорах между субъектами отношений бюджетного субсидирования)[676]. В свою очередь, совершенствование норм об ответственности направлено на достижение целей создания действенной системы государственного бюджетного контроля[677].

Указанное применимо, в первую очередь, для органов внешнего государственного бюджетного контроля. Как отмечается в части 2 статьи 11 Лимской декларации руководящих принципов контроля[678], в том случае, когда заключения высшего органа финансового контроля утверждаются не в форме судебного решения, а выявленные нарушения являются существенными, такой орган должен быть наделен правом обращаться в компетентные органы с требованием о принятии необходимых мер и привлечении к ответственности виновных[679]. Данная модель реализована в отечественном законодательстве, и контрольно-счетные органы, получив право направлять представления и предписания об устранении выявленных нарушений[680], не могут самостоятельно применять бюджетные меры принуждения[681]. Указанные правила в целом

---

[676] Справедливо отмечается, что взаимосвязь между контролем и ответственностью не абсолютна: контроль может не завершаться бюджетно-правовой ответственностью, а она, в свою очередь, может быть применена и вне процедур (как последствие) бюджетного контроля (см.: Бюджетный кодекс Российской Федерации. Поглавный научно-практический комментарий. С. 828).

[677] См.: *Лагутин И.Б.* Системность бюджетного контроля и бюджетного аудита в Российской Федерации: финансово-правовое регулирование: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 22.

[678] Принята IX Конгрессом Международной организации высших органов финансового контроля (ИНТОСАИ) в г. Лиме (Республика Перу) в 1977 году. Режим доступа: https://www.eurosai.org/handle404?exporturi=/export/sites/eurosai/.content/documents/others/ISSAI/ISSAI-1-Lima-declaration-Ruso.pdf (дата обращения: 21 февраля 2023 года).

[679] Нелишним будет отметить, что увеличение числа бюджетно-правовых санкций, а также установление правил о доказывании состава бюджетного правонарушения ставит вопрос о формировании специфической процедуры разрешения споров бюджетно-правового характера. Так, например, во Франции еще в 1984 году был учрежден суд по вопросам бюджетной дисциплины, который стал средством, чтобы служащие «не транжирили попусту общественные средства, не производили опрометчиво ненужных расходов». Мерой ответственности является штраф (при в сумме меньшей причиненного ущерба) (см.: *Брэбан Г.* Французское административное право: Пер. с фр. / Под ред. и со вступ. ст. С.В. Боботова. М.: Прогресс, 1988. С. 315).

[680] Согласно статьям 25 и 26 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» (СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1649) (далее – Закон о Счетной палате); статье 16 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» (СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 903) (далее – Закон о контрольно-счетных органах).

[681] Соответствующий порядок определен в статьях 306.2 и 306.3 Бюджетного кодекса РФ. Подробнее о действующей процедуре речь пойдет далее по тексту настоящей работы. Отметим также позицию В.А. Двуреченских, который подчеркивает, что статус и сущность органов внешнего государственного бюджетного

предусмотрены и для органов внутреннего бюджетного контроля (статья 270.2 Бюджетного кодекса РФ).

Думается, что именно практическая деятельность органов государственного бюджетного контроля позволяет в полной мере воплотить весь необходимый инструментарий по установлению вины, что впоследствии окажет влияние также и на правоприменителей (финансовые органы, суды[682]). В связи с этим представляется оправданным обозначить основные вопросы, подлежащие рассмотрению в рамках государственного бюджетного контроля и направленные на установление вины при идентификации бюджетного правонарушения. В указанных целях определения поэтапного понимания механизма установления и доказывания вины обозначим следующие основные стадии, которые в совокупности должны составлять соответствующий охранительный бюджетно-правовой механизм.

Во-первых, должен быть установлен сам факт совершения деяния, имеющего признаки бюджетного правонарушения, составляющий его объективную сторону; во-вторых, должны быть определены обстоятельства, исключающие вину в совершении бюджетного правонарушения; в-третьих, должна быть установлена форма вины (для физических лиц), содержание непринятых мер по соблюдению требований и норм бюджетного законодательства (для коллективных субъектов); в-четвертых, подлежат установлению смягчающие или отягчающие обстоятельства, связанные с виной в совершении бюджетного правонарушения. Рассмотрим некоторые из указанных стадий подробнее[683].

контроля «предполагают ограниченные юрисдикционные полномочия, в том числе в части административного производства» (*Двуреченских В.А.* Исключить формальные полномочия и усилить аналитическую функцию // Финконтроль. 2019 С. 56).

[682] Любопытно, что нередко на отсутствие вины (понимая ее довольно специфично) ссылаются участники судебных процессов. Так, например, в определении Верховного Суда РФ от 24 июля 2019 года № 304-ЭС19-10855 указано: «Департамент указывает на отсутствие вины в совершенном правонарушении, поскольку субсидия расходовалась в соответствии с установленным порядком выплат получателям государственной поддержки. Данный порядок закрепляет доли за счет средств федерального и областного бюджета в каждой предоставляемой получателям выплате».

[683] Следует отметить, что подходы к установлению фактов совершения нарушений в бюджетной сфере достаточно давно отработаны органами государственного бюджетного контроля. В частности, об этом

К числу обстоятельств, исключающих вину в совершении деяния, обладающего признаками бюджетного правонарушения, можно отнести следующие основные факты. Во-первых, вину физических лиц исключает невменяемость, которая определяется через неспособность лица осознавать противоправность своего деяния и/или его последствий. Соответственно, вменяемость лица является предпосылкой для того, чтобы вопрос о вине мог быть поставлен в принципе. Невменяемость характеризуют психо-возрастные особенности личности. При этом с учетом того, что бюджетные правонарушения могут совершать исключительно участники бюджетных правоотношений[684], вопрос о минимальном возрасте или полной психической незрелости субъекта правонарушения фактически не ставится. По этой причине более оправданным видится указание на нахождение в состоянии, при котором лицо не могло отдавать отчета в своих действиях или руководить ими вследствие болезненного состояния[685].

Во-вторых, вины не будет в том деянии, которое вызвано случаем или действием непреодолимой силы. Случай может влечь использование релевантной меры защиты, например, если необходимо восстановить нарушенные права публично-правового образования, предоставившего межбюджетный трансферт, может быть применена такая мера, как приостановление его предоставления. Кроме того, как представляется, случай может влечь также применение конструкции возмещения причиненного вреда, но только если он был следствием риска (лицо знало, что вступает в область рисковой деятельности, а потому принимает на себя неблагоприятные последствия). Как уже отмечалось, такое

свидетельствуют стандарты государственного финансового контроля, раскрывающие подходы к сбору и анализу доказательств, фиксации фактов совершения нарушений.

[684] В отличие, например, от уголовного права, которые обращает свои веления на всех без исключения физических лиц.

[685] Например, невозможность представить отчет об использовании бюджетных средств за соответствующий отчетный период в сроки, указанные в соглашении (договоре), может быть обусловлена нахождением лица на стационарном лечении. Для целей налогового права (подпункт 2 пункта 1 статьи 111 Налогового кодекса РФ) такие обстоятельства зачастую признаются судебными органами, однако с оговорками о наличии (отсутствии) доверенности (см., например: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 мая 2014 года № Ф05-4706/14 по делу № А40-43492/13).

возмещение вреда не связано с институтом ответственности, не содержит в себе «карательный заряд», а потому может быть имплементировано в бюджетное право исключительно на началах страхования или распределения рисков[686]. Указанное правило целесообразно распространить, например, на факты длительного невозврата бюджетных средств, обусловливающие причинение вреда в виде упущенной выгоды у субъекта, предоставившего бюджетные средства. Соответственно, риском получателя будет обязанность возместить суммы, составляющие упущенную выгоду, на основе своего риска[687].

В связи с анализом категорий случая и вины уместно привести конкретный бюджетно-правовой спор[688], возникший между Управлением делами Президента РФ и Общероссийской общественной организацией «Лига здоровья нации» (далее – Лига здоровья) из заключенного договора о предоставлении бюджетных средств. Указанным договором было определено, что «Лига здоровья», получив бюджетные средства, должна распределить их в качестве грантов неправительственным организациям для реализации социально значимых проектов в сфере пропаганды здорового образа жизни, охраны здоровья населения и окружающей среды. Одна из организаций – получателей такого гранта свои обязательства перед «Лигой здоровья» не выполнила, в связи с чем Управлением делами Президента РФ посчитало, что «Лига здоровья» допустила нецелевое использование бюджетных средств. Судебные инстанции поддержали позицию истца, что в рамках предложенной нами концепции не могло бы произойти, так как у «Лиги здоровья»

---

[686] Как справедливо указывал Н.С. Малеин, риска при умысле не бывает, как и при неосторожности (так как риск предвидит возможность вредных последствий). Поэтому убытки могут был отнесены на началах риска на счет либо должника (метод возмещения убытков), либо кредитора (метод их локализации), либо на обоих (разделение риска), либо на общественные фонды (метод страхования) (см.: *Малеин Н.С.* Указ. соч. С. 164).

[687] Вопрос о системе, основаниях и условиях возмещения вреда в бюджетном праве к теме настоящего исследования не относится. В этой связи можно обозначить лишь то, что конструирование указанных правил вне института бюджетно-правовой ответственности должно также базироваться на определенных принципах и, как видится, быть минимизировано в отношениях с физическими лицами, социально ориентированными некоммерческими организациями, публично-правовыми образованиями – получателями межбюджетных трансфертов и прочих субъектов, находящихся в более «слабой» позиции по отношению к противоположной стороне соответствующего правоотношения.

[688] Относительно фабулы дела и аргументации сторон см.: Определение Верховного Суда РФ от 31 марта 2021 года № 305-ЭС21-2261.

не было вины в совершении данного правонарушения, при этом у Управления делами Президента РФ отсутствовали также разумные основания полагать, что иском обеспечивается восстановление нарушенных прав и интересов Российской Федерации.

Вину, а также применение любых иных мер (защиты, возмещения вреда) должно исключать действие непреодолимой силы (форс-мажор), которое может быть определено[689] через указание на стихийные бедствия или другие чрезвычайные и непредотвратимые в данных условиях обстоятельства. Требование чрезвычайности подразумевает исключительность рассматриваемого обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях, непредотвратимости – любой другой участник бюджетного правоотношения в похожих условиях не мог бы избежать наступления обстоятельства и/или его последствий[690]. Обстоятельства непреодолимой силы устанавливаются наличием общеизвестных фактов, публикаций в средствах массовой информации и иными способами, не нуждающимися в специальных средствах доказывания. При этом не могут быть признаны обстоятельствами такие, наступление которых зависело от воли или действий других лиц. Например, образование временного кассового разрыва в связи с недопоступлением налогов не может рассматриваться как действие непреодолимой силы для предоставления бюджетных средств по договору с получателем средств из бюджета. При этом думается, что в связи с текущей экономической ситуацией, санкционным давлением и реализацией мероприятий по импортозамещению вполне допустимо рассматривать невозможность выполнения работ (услуг, поставки товаров) согласно условиям заключенных финансовых договоров в качестве форс-

[689] По аналогии с положениями подпункта 1 пункта 1 статьи 111 Налогового кодекса РФ, пункта 3 статьи 401 Гражданского кодекса РФ, пункта 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 года № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5).

[690] В непредотвратимости как элементе непреодолимой силы, собственно, состоит вина коллективного субъекта или физического лица в форме небрежности.

мажора[691].

В-третьих, не должно признаваться виновным внешне противоправное деяние, являющееся социально полезным, при котором никакого отрицательного отношения к ценностям, защищаемым бюджетным правом, не формируется. В этом смысле должны быть определены приоритеты защиты одних ценностей в ущерб другим. Речь идет о случаях нецелевого использования бюджетных средств, реализуемого для предотвращения вредных последствий, например, стихийных бедствий, несвоевременного начала отопительного сезона в образовательных учреждениях и т.п.[692]

В-четвертых, не будет вины в деянии, являющемся следствием ошибки в бюджетно-правовом запрете. В бюджетном праве, разумеется, действует презумпция знания законов, однако она является опровержимой. По этому поводу видится целесообразным введение трех основных правил, а именно: ссылка на незнание законов не должна приниматься, если лицом были нарушены правила, установленные до дня вступления им в соответствующие бюджетные правоотношения; не принимается ссылка на незнание законов, исходящая от публичных субъектов бюджетного права, что обусловлено их особым статусом; не принимаются ссылки на сложность, многоуровневость и противоречивость бюджетного законодательства. Кроме того, фактором, свидетельствующим об ошибке и обусловливающим отсутствие вины в совершении деяния, содержащего признаки бюджетного правонарушения, является руководство лица

---

[691] Однако следует отметить практику судебных органов в части признания непреодолимой силой экономических факторов в целях привлечения к налоговой ответственности. Так, например, согласно постановлению Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 21 мая 2018 года № Ф02-1575/2018 по делу № А74-6794/2017 «резкое снижение курса рубля по отношению к доллару нельзя признать обстоятельством, изменение которого стороны в момент заключения договора не могли предвидеть». И все же думается, что характер существующей экономической обстановки не мог быть предвиден любым участником бюджетного правоотношения, а потому должно иметь место признание обусловленных этим нарушений следствием форс-мажора.

[692] В данных ситуациях конституционные ценности жизни и здоровья человека и гражданина, охраны общественного порядка, поддержания мира и безопасности населения могут быть признаны превалирующими над некоторыми бюджетно-правовыми ценностями (например, адресности и целевого использования бюджетных средств). Однако данный вопрос подлежит решению в каждом конкретном случае с учетом фактических обстоятельств дела.

письменными разъяснениями, данными ему либо неопределенному кругу лиц уполномоченными государственными органами в пределах своей компетенции. При этом публичные субъекты такую ошибку совершить также не могут.

Помимо этого, ошибка может быть вызвана добросовестным заблуждением, например, в связи с пробелом сформулированной бюджетно-правовой нормы. В случае, если соответствующая практика и единообразное понимание правила не определены, указанное может рассматриваться в качестве обстоятельства, исключающего вину. Наиболее иллюстративными примерами могут служить нормы, сформулированные в настоящее время за пределами бюджетного законодательства. Так, ответственность согласно статье 285.1 Уголовного кодекса РФ предполагается в отношении должностного лица получателя бюджетных средств. Понятие должностного лица введено примечанием к статье 285, согласно которому предусмотрен широкий перечень лиц, в том числе сотрудники государственных учреждений, корпораций, публично-правовых компаний, хозяйственных обществ с контролирующей долей публично-правового образования. Вместе с тем вторая характеристика субъекта нецелевого расходования, а именно указание на то, что им является лицо получателя бюджетных средств, фактически нивелирует такой широкий подход.

Как известно, в свете комплексных преобразований бюджетного законодательства в 2007 году[693] кардинальным образом была изменена дефиниция получателя бюджетных средств, и вместо бюджетного учреждения или иной организации, имеющих право на получение бюджетных средств в соответствии с бюджетной росписью на соответствующий год (статья 162 Бюджетного кодекса РФ в первоначальной редакции), получателями в настоящее время признаются исключительно органы власти и казенные учреждения (статья 6 Бюджетного кодекса РФ в текущей редакции). В то же время, статья 285.1

[693] Согласно положениям Федерального закона от 26 апреля 2007 года № 63-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» (СЗ РФ. 2007. №. 18. Ст. 2117).

Уголовного кодекса РФ, введенная в 2003 году[694], синхронным изменениям не подверглась. Получается, что в условиях отсутствия своего понимания получателя уголовный закон должен руководствоваться действующими правилами Бюджетного кодекса РФ[695]. Отметим, что подобная ситуация значительно сужает сферу действия уголовно-правовых средств, создает правовые основания для ухода от уголовного наказания для должностных лиц множества участников бюджетных правоотношений (начиная от бюджетных учреждений и заканчивая получателями бюджетных инвестиций), а также может приводить к добросовестному заблуждению отдельных лиц относительно установленного запрета.

Второй релевантный пример относится к проблематике административной ответственности. Так, Бюджетным кодексом РФ (статьи 78, 78.1-78.4, 79, 80) введены правила предоставления частным субъектам бюджетных субсидий и инвестиций, в том числе на осуществление капитальных вложений; такие отношения оформляются соответствующим договором (соглашением). В свою очередь, положениями статей 15.15.4 и 15.15.5 КоАП РФ для данных лиц установлены меры ответственности за нарушение условий предоставления субсидий / инвестиций. В настоящее время Верховным Судом РФ сформирована практика[696], согласно которой суды различают собственно условия предоставления средств из бюджета и условия самих договоров (соглашений), имеющих

---

[694] На основании Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848).

[695] Однако на уровне правоприменительной практики подобная проблема в принципе не осознана, а получатель бюджетных средств в уголовно-правовом смысле понимается в прежнем значении (см., например: определение Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 года № 15-О10-17сп). Подобное понимание характерно и для представителей науки уголовного права (см., например: *Басова Т.Б.* Преступления, совершаемые по службе: современные проблемы законодательной регламентации // Служебные преступления: вопросы теории и практики правоприменения: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (17 мая 2018 года, г. Хабаровск). Юрист, 2018; *Ступаченко Е.В.* О некоторых вопросах законодательного противодействия нецелевому использованию бюджетных средств // Финансовое право. 2019. № 1. С. 31-34).

[696] Например, определения Верховного Суда РФ от 21 января 2020 года № 303-ЭС19-26506 по делу № А73-5398/2019, от 26 августа 2020 года № 305-ЭС20-8254 по делу № А40-155863/2019. Так, в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 24 декабря 2019 года № 09АП-71961/2019 по делу № А40-155863/2019 (которое было поддержано крайним из указанным определений Верховного Суда РФ) указано, что «поскольку указанные управлением обстоятельства, на основании которых управление вынесло постановление о привлечении к административной ответственности, не являются условиями предоставления бюджетных инвестиций, их невозможно нарушить».

гражданско-правовую природу. К примеру, непредставление в срок и по форме отчетов об использовании средств субсидий / инвестиций в случае, если такое условие не указано в качестве условия их предоставления в договоре (соглашении) или нормативном правовом акте[697], не влечет применение меры административно-правовой ответственности. При этом, как представляется, воля публично-правового образования, очевидно, состоит в том, что при отказе получателя формировать такие отчеты, бюджетные средства ему не были бы предоставлены вовсе. Другими словами, соответствующие органы власти, следуя логике Верховного Суда РФ, должны предусматривать в анализируемых договорах меры гражданско-правовой ответственности за нарушение вытекающих из него обязательств. Как представляется, приведенные примеры несогласованности объективно требуют совершенствования уголовного и административного законодательства в части составов, относящихся к финансово-бюджетной сфере[698]. Обратное влечет значительное число споров и, по нашему мнению, ставит вопрос об ошибке в запрете вследствие добросовестного заблуждения.

Таким образом, все вышеуказанные обстоятельства следует признать исключающими вину в совершении деяния, а, следовательно, и применение к субъекту мер бюджетно-правовой ответственности (санкций). Их введение в бюджетное законодательство станет еще одним значительным шагом на пути конструирования общих подходов к вине, правонарушению и ответственности в рамках всего финансового права[699].

---

[697] Прямо в законе указан, например, запрет приобретения иностранной валюты (пункт 5.1 статьи 78 Бюджетного кодекса РФ).

[698] При условии, что из КоАП РФ в текст Бюджетного кодекса РФ «перетекут» составы, относящиеся к бюджетным правоотношениям. В этом смысле достаточно точной представляется позиция В.Ю. Трубина о том, чтобы соотношение видов юридической ответственности рассматривать таким образом, что организация как субъект бюджетного права привлекается к бюджетно-правовой ответственности, а ее должностные лица – к административной или уголовной ответственности (см.: *Трубин В.Ю.* Указ. соч. С. 8, 15).

[699] Как отмечается в литературе, значительным преимуществом налогового законодательства является конструирование правил и ситуаций, свидетельствующих об отсутствии вины в совершении налогового правонарушения: действие непреодолимой силы, особое психическое состояние лица (невменяемость), руководство письменными разъяснениями налоговых органов и некоторые др. (см.: Финансовое право: учебник для бакалавров под ред. Е.Ю. Грачевой. С. 309-310). К числу обстоятельств, исключающих вину, в совершении деяния, содержащего признаки финансового правонарушения, А.С. Емельянов относит, например, совершение деяние вследствие действия непреодолимой силы, в состоянии невменяемости, выполнение письменных разъяснений по вопросам

Установив отсутствие исключающих вину обстоятельств, орган государственного бюджетного контроля должен иметь возможность определить, в чем именно состоит вина – в форме умысла или неосторожности для физических лиц или несоблюдении поведенческого стандарта для юридических лиц и публичных субъектов. В этой связи уместно обозначить, что составы бюджетных правонарушений должны быть раскрыты по тексту Бюджетного кодекса РФ достаточно подробно, в том числе с указанием на конкретную форму вины для физических лиц. Так, например, справедливо, что нецелевое использование бюджетных средств должно быть наказуемо при умышленной форме вины[700].

В свою очередь, для решения вопроса о виновности юридических лиц и публичных субъектов надлежит ответить на вопрос, возможно ли было не допустить нарушения любому другому обычному участнику бюджетного правоотношения с учетом имеющихся правил, требований, разъяснений уполномоченных органов и т.п. Содержательно вина таких лиц может выражаться в полном игнорировании требований законодательства, уклонении от исполнения отдельных правовых предписаний, неиспользовании всех доступных средств для соблюдения установленных правил и т.п. Факторами признания юридического лица или публичного субъекта виновным могут служить отсутствие системы внутреннего контроля, длительное неприведение своих локальных актов в соответствие с новым правовым регулированием (например, в части стандартов бюджетного, бухгалтерского учета), игнорирование законных требований органа государственного бюджетного контроля (в том числе неисполнение представлений и/или предписаний) и т.п.

Наконец, на последнем этапе реализации процедур, связанных с установлением вины, орган государственного бюджетного контроля должен определить наличие отягчающих и/или смягчающих обстоятельств, непосредственно связанных с виной, которые будут свидетельствовать о ее степени

финансового законодательства (см.: *Емельянов А.С.* Охранительная функция финансового права и механизм ее реализации. С. 194-195).

[700] См.: *Арсланбекова А.З.* Указ. соч. С. 115.

и, таким образом, влиять на объем (размер, характер меры) бюджетно-правовой ответственности. Как представляется, на вину влияют смягчающие обстоятельства, связанные, во-первых, с совершением бюджетного правонарушения впервые. Во-вторых, малозначительность деяния также может быть признана обстоятельством, смягчающим ответственность, так как свидетельствует о недостаточно глубокой антисоциальной направленности проступка (например, нарушения, связанные с просрочкой предоставления отчетов об использовании бюджетных средств на один, два дня; ошибки и неточности в составлении бюджетной отчетности, не влекущие рисков признания ее недостоверной). В-третьих, совершение бюджетного правонарушения может быть связано с принуждением в силу служебной, материальной или иной зависимости, а также крайней необходимостью, а потому такие обстоятельства следует также признавать в качестве смягчающих.

К числу отягчающих обстоятельств оправдано отнести совершение бюджетного правонарушения повторно (рецидив) в течение определенного срока после назначения меры ответственности (например, три года). Кроме того, отягчающим обстоятельством следует признать совершение бюджетного правонарушения, имеющего значительные последствия для бюджетной деятельности государства в период, сопряженный с особым положением (чрезвычайное, военное, период мобилизации и т.п.), так как вина в таком случае будет сопровождаться также стойкой антисоциальной направленностью, пренебрежением фундаментальными социальными ценностями[701].

Таким образом, бюджетно-правовой механизм установления вины в бюджетном праве состоит в совокупности стадий, направленных на выявление объективных фактов, свидетельствующих об отсутствии обстоятельств, исключающих вину, формах вины, а также иных связанных с виной смягчающих и отягчающих обстоятельств. В то же время необходимо дополнительно обозначить

[701] В этом смысле справедливо руководствоваться положениями, определенными статьей 63 Уголовного кодекса РФ.

возможные направления реформы, обусловленные введением в бюджетное законодательство элементов указанного бюджетного-правового механизма.

В частности, следует осуществить идентификацию составов бюджетных правонарушений, фактически существующих в настоящее время, но не признанных в качестве таковых бюджетным законодательством. По данному вопросу в теории права справедливо отмечается, что общественная вредность (опасность) является объективным свойством и, хоть ее определение зависит от воли законодателя, деяние причиняет вред обществу, его ценностям и интересам гражданам «независимо от осознания данного обстоятельства законодателем»[702]. На наш взгляд, наиболее «назревшие» новации касаются вопроса о введении бюджетно-правовой ответственности за неэффективное использование бюджетных средств[703]. Для этого требуется расширение действия принципа эффективности, установленного статьей 34 Бюджетного кодекса РФ, на всех участников бюджетных правоотношений, в том числе частных субъектов. В частности, Н.А. Поветкина отмечает, что указанная норма должна предполагать такой механизм реализации, при котором будет обеспечено «эффективное расходование средств бюджета всеми главными распорядителями (распорядителями), получателями средств бюджета и иными субъектами, получающими средства бюджета на иных основаниях»[704]. О.А. Полозян подчеркивает, что «не устанавливается ответственность либо иные меры принуждения за несоблюдение этого принципа, что говорит лишь о декларативности

[702] Общая теория права и государства. С. 339. Кроме того, противоправность характеризуется двумя аспектами: внешним (официальное признание законом общественно вредного/опасного деяния в качестве противоправного) и внутренним (объективное свойство правонарушения). Иначе возникает одно из двух явлений: - не все, что запрещено, является общественно вредным/опасным, - не все, что общественно вредно/опасно, запрещено законом (Там же. С. 340).

[703] Любопытно отметить, что в Республике Казахстан (в отличие от России) установлена административная ответственность за неэффективное планирование и (или) неэффективное использование бюджетных средств (статья 234-1 Кодекса об административных правонарушениях).

[704] *Поветкина Н.А.* Эффективность расходования бюджетных средств: проблемы правовой квалификации // Финансовое право. 2015. № 3. С. 16-22 [Доступ из СПС КонсультантПлюс]. См. также: *Поветкина Н.А.* Бюджетно-правовые инструменты повышения эффективности государственного управления // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4. С. 240-245.

его исполнения и сводит на нет его применение»[705]. Как представляется, именно с введением в бюджетное законодательство категории вины правило об эффективном использовании бюджетных средств может перестать быть просто декларируемым принципом[706]. Справедливо при этом вслед за В.А. Двуреченских отметить, что «нельзя говорить о неэффективности, если нет надежных доказательств того, что работу можно было сделать лучше»[707].

Кроме того, пересмотру подлежат и непосредственно принудительные меры, применяемые за совершение бюджетных правонарушений. Практика деятельности органов государственного бюджетного контроля показывает, что уведомления о применении бюджетных мер принуждения периодически обжалуются объектами контроля в судебном порядке. Так, например, согласно итоговым докладам о результатах деятельности Федерального казначейства за 2018-2020 годы были обжалованы 32 уведомления (сведения за 2021 год на официальном сайте Казначейства России не размещены, в 2022 году уведомления не обжаловались), требования истцов удовлетворены по трем уведомлениям (по одному ежегодно). Другими словами, истцы рассматривают указанные уведомления в качестве нарушающих свои права, что также свидетельствует о недостатках «механического» применения мер бюджетного принуждения, содержащихся в таких уведомлениях. Действительно, зачастую ошибки и нарушения, допущенные, например, отдельными должностными лицами получателей

---

[705] *Палозян О.А.* Финансово-правовое регулирование бюджетных расходов : Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 98. Подобные предложения озвучивались и в других диссертационных исследованиях (см., например: *Демидов М.В.* Парламентский финансовый контроль в России: правовые аспекты функционирования и проблемы реализации : Автореф. дис. …д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 11-12; *Матненко А.С.* Правовое регулирование программно-целевого метода бюджетной деятельности : Автореф. дис. …д-ра юрид. наук. Омск, 2009. С. 9).

[706] Кроме того, будет обеспечено достижение задач по развитию системы государственного бюджетного контроля, предусмотренных подпрограммой «Повышение качества управления бюджетным процессом и эффективности управления общественными финансами» Государственной программы Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков», утвержденной постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 320 (СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. III). Ст. 2166).

[707] Двуреченских В.А. Взаимосвязь внешнего и внутреннего контроля // Финконтроль. 2015. №. 2. С. 18. На это, в частности, указывал и Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ (п.8 постановления от 26 февраля 2009 года № 17 «О внесении дополнений в Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2006 № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» (Вестник ВАС РФ. 2009. № 5)).

межбюджетных трансфертов, становятся причинами того, что публично-правовое образование в том или ином объеме теряет финансовую помощь и, как следствие, не может реализовать предусмотренные стратегическими документами цели и задачи в определенной сфере деятельности.

Понимая реализацию бюджетно-правовой ответственности именно в восстановительно-карательном аспекте, считаем, что к ее мерам могут быть отнесены дифференцированные по видам[708] следующие основные санкции, введение которых в материю бюджетного законодательства в настоящее время представляется более чем оправданным. При этом применение таких мер, их размер будет обусловлен виной (и ее степенью) в совершении бюджетного правонарушения. Во-первых, как штраф[709], так и пеню следует считать имущественными санкциями, которые обладают как восстановительным, но также карательным (сужают материальную сферу правонарушителя) эффектами[710], при этом штраф нацелен преимущественно на реализацию карательной функции, пеня – восстановительной. Релевантные положения о штрафе с исключением соответствующих составов из КоАП РФ (за исключением ответственности должностных лиц) подлежат имплементации в текст Бюджетного кодекса РФ и могут, например, быть отнесены как меры ответственности за такие бюджетные

---

[708] Видовое разнообразие мер ответственности можно свести к мерам организационного, личного и имущественного характера. Первые «не лишают субъекта его имущества, но создают препятствия по осуществлению текущей деятельности». Имущественные меры связаны с «взысканием задолженности, возникающей в результате неполного или несвоевременного исполнения финансовых обязанностей» (*Разгильдиева М.Б.* Указ. соч. С. 142-143). В свою очередь, Н.И. Химичева к числу особенностей финансово-правовых санкций, определяющих меры ответственности, относила их денежный характер (воздействие на нарушителя через его денежные фонды) (см.: Финансовое право. Учебник / ред. Н. И. Химичева. С. 32).

[709] Н.А. Саттарова называет штраф именно мерой бюджетно-правовой ответственности (предусмотренный ранее в бюджетном законодательстве), и факт расположения его в рамках КоАП РФ ситуации не менял (см.: *Саттарова Н.А.* Принуждение в финансовом праве. С. 137. См. также: *Горбунова О.Н., Селюков А.Д., Другова Ю.В.* Указ. соч. С. 170-171; *Колосова Н.М.* Особенности конституционно-правовой ответственности в России / Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран. С. 93).

[710] См.: *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 759. Ученые при этом справедливо отмечают, что расположение норм о пени для целей налогового права в главе о способах обеспечения исполнения налоговой обязанности еще не означает, что она не является мерой ответственности. Составы налоговых правонарушений надо выводить логическим путем (Там же. С. 760-761). В то же время штраф И.В. Маштаков относит к числу мер административной ответственности, а пеню – финансово-правовой (см.: *Маштаков И.В.* Указ. соч. С. 47). К слову, пример пени приводится зачастую в качестве иллюстрации безвиновной «ответственности», так как «нарушение предписания, содержащегося в финансово-правовой норме, влечет за собой нанесение материального ущерба государству» (см.: Финансовое право: учебник для бакалавров под ред. Е. Ю. Грачевой. С. 39).

правонарушения, как непредоставление отчетов об использовании средств предоставленных субсидий (грантов, инвестиций), несвоевременный возврат остатков ранее предоставленных бюджетных средств и некоторые другие. В то же время возможно поддержать предложение Т.В. Конюховой о том, чтобы «предусмотреть меры ответственности в кратном отношении к материальному ущербу, нанесенному соответствующему бюджету»[711]. К слову, рассматриваемые меры ответственности уже имели место в отечественном бюджетном законодательстве. Так, статьей 80 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2002 год»[712] было определено, что использование не по целевому назначению бюджетных кредитов влечет за собой наложение штрафа в размере двойной ставки рефинансирования Центрального банка РФ, действующей на период использования указанных средств не по целевому назначению. Взыскание указанных штрафов за нецелевое использование средств осуществлялось органами федерального казначейства.

Во-вторых, предупреждение о ненадлежащем исполнении бюджетного процесса может быть трансформировано для целей привлечения к ответственности частных субъектов в предупреждение о ненадлежащем исполнении договора (соглашения) о предоставлении бюджетных средств. При этом указанная мера рассматривается нами именно в качестве санкции за бюджетное правонарушение, так как создает для правонарушителя дополнительные ограничения личного характера[713]. По этой причине действующее в настоящее время предупреждение о ненадлежащем исполнении бюджетного процесса следует адресовать руководителям соответствующих органов власти – участников бюджетного процесса[714].

---

[711] *Конюхова Т.В.* Указ. соч. С. 28.

[712] Федеральный закон от 30 декабря 2001 года № 194-ФЗ «О федеральном бюджете на 2002 год» // СЗ РФ. 2001. № 53 (ч. 1). Ст. 5030.

[713] См., например: *Разгильдиева М.Б.* Указ. соч. С. 144; *Саттарова Н.А.* Указ. соч. С. 140; *Горбунова О.Н., Селюков А.Д., Другова Ю.В.* Указ. соч. С. 170-171; *Арсланбекова А.З.* Указ. соч. С. 106; *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* Указ. соч. С. 57.

[714] См.: *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 762-763. И.В. Рукавишникова приводит примеры также мер ответственности по законодательству зарубежных стран, в том числе: предписание в адрес Федерации и земель о хранении свободных активов в Федеральном банке ФРГ, введение чрезвычайного финансового положения

В-третьих, к внедрению возможна также такая мера организационно-правового характера для частных субъектов, как запрет на получение бюджетных средств в дальнейшем[715], в самом общем виде определенная как включение в реестр недобросовестных участников бюджетных правоотношений[716]. Введение указанной меры потребует определить порядок ее применения, а также сроки нахождения в состоянии «наказанности»[717].

В-четвертых, еще одним востребованным инструментом, который может быть имплементирован в бюджетное законодательство, являются правила о возмещении упущенной выгоды, возникшей у публично-правового образования в связи с длительным невозвратом (без надлежащих на то правовых оснований) предоставленных частному субъекту бюджетных средств. В настоящее время органы государственного бюджетного контроля выявляют такие факты, но в условиях отсутствия соответствующих норм в Бюджетном кодексе РФ классифицируют их в качестве недостатков (а не нарушений)[718]. Однако, как представляется, возможность подобной реформы обусловлена исключительно вопросом о правильном и надлежащем формировании соответствующего состава бюджетного правонарушения, где краеугольным оказывается именно вопрос о вине. В понимании, предложенном в настоящей работе, вина в данном правонарушении является тем элементом состава, который позволит исключить все случаи нарушений, которые сами по себе на основы бюджетно-правового регулирования не посягают. Например, отсутствие вины будет иметь место в случаях, когда получатель планировал потратить остатки в очередном году, приложил расчеты и обоснования в адрес главного распорядителя бюджетных

по законодательству Индии и Пакистана, отказ от выплаты доли в союзных доходах, компенсаций или субсидий кантону Швейцарии (см.: *Рукавишникова И.В.* Указ. соч. С. 168).

[715] См.: *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 762.

[716] Ближайшей аналогией данной санкции можно назвать включение в реестр недобросовестных поставщиков, предусмотренный статьей 104 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

[717] Нахождение в указанном состоянии также проявляется карательная функция юридической ответственности, так как может рассматривать отягчающим обстоятельством при совершении новых правонарушений (см.: *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Указ. соч. С. 761-762).

[718] См., например: Методические рекомендации по оценке недостатков в деятельности проверяемых органов и организаций, утвержденные приказом Контрольно-счетной палаты Москвы от 29 июля 2022 года № 48/01-05.

средств, получил соответствующее согласие, однако ввиду внешних обстоятельств (санкции, удорожание материалов и т.п.) не сумел реализовать планы по использованию[719].

В-пятых, следует отметить, что особый интерес для научного осмысления представляет право Счетной палаты РФ принятия решения о приостановлении всех видов финансовых платежных и расчетных операций по счетам объектов аудита (контроля). В соответствии с частью 4 статьи 27 Закона о Счетной палате указанное право реализует Коллегия по согласованию с Государственной Думой при невыполнении или ненадлежащем выполнении предписаний, ранее направленных в адрес объектов аудита (контроля)[720]. Процедура применения указанного ограничения[721] в отношении объекта аудита (контроля) установлена статьями 40-42 Регламента Счетной палаты[722], которыми, в частности, предусмотрено, что решение направляется руководителю объекта аудита (контроля), в Федеральное казначейство, кредитные организации, в которых имеются счета объекта аудита (контроля), а также в случае необходимости в Банк России (часть 2 статьи 41

---

[719] Стоит отметить, что предлагаемые правила реализованы в бюджетном законодательстве некоторых зарубежных стран. Так, в Канаде Законом о финансовом управлении (Financial Administration Act (R.S.C., 1985, c. F-11. Режим доступа: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/f-11/page-1.html (дата обращения: 21 февраля 2023 года)) установлены специальные правила об ответственности за нарушение его положений. В соответствии с разделом 76(1), если будет установлено, что *любое лицо* получило бюджетные средства, но не выплатило, не учло или не использовало их должным образом, то на основании уведомления должно осуществить указанные действия. Невыполнение уведомления в соответствии с разделом 76(2) влечет открытие специального счета для начисления процентов в целом или на любую часть нераспределенной, неучтенной или неиспользованной суммы. При этом ставка определятся Казначейством. Кроме того, согласно разделу 78 лицо, виновное в халатности или ином должностном преступлении, в результате которого государству причиняется ущерб, ответственно на сумму ущерба, как если бы непосредственно получило соответствующие деньги.

[720] Как в этой связи отмечает Е.Ю. Грачева, «можно сделать вывод, что корректировка деятельности должна осуществляться на основании урегулированных правом общих принципов функционирования финансовой системы» (Правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации: проблемы и перспективы: монография).

[721] Необходимо отметить, что Законом о контрольно-счетных органах за региональными контрольно-счетными органами аналогичное право не закреплено. Более того, до комплексных преобразований статуса данных органов в связи с принятием Федерального закона от 1 июля 2021 года № 255-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5083) правовая природа представлений и предписаний на федеральном и региональном уровнях системы внешнего государственного бюджетного контроля отличались, как и последствия их невыполнения.

[722] Утвержден постановлением Коллегии Счетной палаты Российской Федерации от 7 июня 2013 года № 3ПК.

Регламента). В случае выполнения руководителями объектов аудита (контроля) требований, содержащихся в предписании Счетной палаты РФ, прекращение приостановления операций по счетам подлежит снятию (статья 42 Регламента). Подчеркнем, что ключевое отличие от реализуемого Счетной палатой РФ права по прекращению операций по счетам объектов аудита (контроля) от механизмов, заложенных в целях защиты бюджетных правоотношений Бюджетным кодексом РФ, заключается в основаниях принятия двух основных документов и направлении их в адрес проверяемых организаций: представления (за которым следует предписание, а также решение о прекращении операций) и уведомления о применении бюджетных мер принуждения. Указанное обстоятельство является фактически единственным барьером для признания анализируемого полномочия Счетной палаты РФ одним из видов бюджетно-правовых санкций, то есть мерой бюджетно-правовой ответственности, применяемой при наличии вины у проверяемого органа (организации).

Наконец, отметим, что отдельной проработки также требуют такие известные бюджетному законодательству меры, как прекращение финансирования (субсидирования, оказания финансовой помощи) и кредитования, передача бюджетных полномочий вышестоящему субъекту, лишение статуса участника бюджетного процесса, которые в совокупности через призму предлагаемого в настоящем исследовании подхода также рассматриваются в качестве бюджетно-правовых санкций[723]. При этом важно подчеркнуть, что все рассмотренные меры могут быть включены в Бюджетный кодекс РФ только при условии, если будет положительно решен вопрос о бюджетно-правовой ответственности, правонарушении, а также определены правила о вине в ранее описанных границах.

В связи с предложениями по введению рассмотренных мер бюджетно-

[723] См., например: *Емельянов А.С.* Финансовое право (учебник). С. 116. Приводя релевантный пример, ученый отмечал, что списание бюджетных средств фактически есть лишение получателя права собственности (иного вещного права) на такие денежные средства (Там же. С. 118). Вопрос о приостановлении финансирования является несколько более сложным. Так, блокировку расходов Н.А. Саттарова называла в качестве меры ответственности (см.: *Сатарова Н.А.* Указ. соч. С. 135). См. также: *Горбунова О.Н., Селюков А.Д., Другова Ю.В.* Указ. соч. С. 170-171; *Мирошник С.В.* Указ. соч. С. 79.

правовой ответственности следует упомянуть взгляды О.Э. Лейста, который отмечал, что санкцию нельзя представлять как противовес возможным выгодам, такой подход ведет к исключению заложенного в санкциях «заряда порицания» за правонарушение и, как следствие, превращает санкции просто в финансово расчетную операцию (одна из статей расходов организации, плата за правонарушение)[724]. Для целей бюджетного права указанное означает, что необходимо предусмотреть специальную процедуру установления, доказывания и, в конечном счете, обнародования результатов деятельности по привлечению виновного лица к мерам бюджетно-правовой ответственности. Поэтому представляется оправданным публиковать информацию о выявленных бюджетных правонарушениях, указывая все существенные аспекты, так как деятельность органа государственного бюджетного контроля должна быть направлена также на предупреждение (превенцию) совершения новых правонарушений.

Установление вины тесно соприкасается с вопросом об эффективном и справедливом распределении бремени доказывания как обстоятельств, исключающих вину, так и фактов, свидетельствующих о ней, ее формах и степени[725]. Данный вопрос в науке финансового права однозначно не решен. Например, обращается внимание на принципиальные различия между административной и финансово-правовой ответственностью, обусловленные, в первую очередь, субъективными признаками: финансовое право направляет свое воздействие на субъекты публичной финансовой деятельности, не исполнившие возложенные на них финансовые обязанности, и устанавливает зачастую презумпцию виновности; в свою очередь, административное право определяет

---

[724] См.: *Лейст О.Э.* Указ. соч. С. 56-57.

[725] Нелишним будет отметить (довольно распространенную) позицию о том, что факт отсутствия вины в Бюджетном кодексе РФ свидетельствует о ее презюмировании (см., например: *Кондрат Е.Н.* Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия. М.: Юстицинформ, 2014 [Доступ из СПС «КонсультантПлюс»]). Обратной логики придерживаются А.Ю. Ильин и Э.Д. Соколова, указывая, что при характеристике бюджетного правонарушения не называет виновность, однако наличие и необходимость для финансово-контрольных органов ее установления прослеживается в составах конкретных бюджетных правонарушений (см.: Финансовое право: учебник / под общ. ред. Э.Д. Соколовой).

субъектами зачастую должностных лиц организации, поэтому доказывание вины осуществляется через презумпцию невиновности[726]. В свою очередь, на необходимость защиты юридически слабой стороны финансовых правоотношений (на примере получателя бюджетного кредита) обращает внимание С.В. Запольский[727].

Представляется оправданным, чтобы в бюджетном праве на законодательном уровне были закреплены две основные презумпции[728]: невиновности – для физических лиц, виновности – для юридических лиц и публичных субъектов. Такой подход соответствует справедливому распределению бремени доказывания при возникновении бюджетно-правового спора и базируется на двуединой модели концепции вины в бюджетном праве. Так, физическое лицо, чья вина как внутреннее психическое отношение к совершенному деянию и/или его последствиям, способно предложить правоприменителю (юрисдикционному органу, а также органу государственного бюджетного контроля при фиксировании фактов выявленных правонарушений и их составов в актах контрольных мероприятий) только доказательства в части обстоятельств, исключающих вину. Вместе с тем разграничение вины по формам умысла и неосторожности при таком подходе оказывается затруднительным, так как сомнительно предполагать, что лицо будет собирать и предъявлять доказательства того, что действовало умышленно, а не неосторожно, или неосторожно, а не невиновно. Другими словами, задачи эффективного разрешения бюджетно-правовых споров предопределяют использование презумпции невиновности для физических лиц.

Иная логика строится вокруг механизмов доказывания вины юридических

---

[726] См.: Актуальные проблемы теории и практики финансового права Российской Федерации. С. 74-75.

[727] См.: *Запольский С.В.* Указ. соч. С. 73-74.

[728] В настоящее время суды интуитивно фиксируют в судебных актах факт наличия или отсутствия вины. Так, например, в определении от 4 декабря 2019 года № 302-ЭС19-23923 по делу № А58-8414/2018 Верховный Суд РФ отмечает, что нижестоящий суд «пришел к выводу о наличии в действиях администрации нецелевого использования средств межбюджетных трансфертов по вменяемым *в вину эпизодам*». В определении Верховного Суда РФ от 22 января 2020 года № 303-ЭС19-25780 указано следующее: «Суды исходили из того, что примененная мера бюджетного принуждения является мерой ответственности за совершенное бюджетное правонарушение, которая должна соответствовать степени вреда, причиненного охраняемым правоотношениям, и учли характер и объем невыполненных муниципальным образованием обязательств, *степень вины*, отсутствие нецелевого и неэффективного использования бюджетных средств…».

лиц и публичных субъектов, которым надлежит доказать соблюдение стандарта невиновности – принятие всех необходимых и достаточных в условиях конкретной ситуации мер по соблюдению предписаний бюджетного законодательства. Указанные субъекты заинтересованы в этом и, кроме того, обладают необходимой и достаточной информацией о своей деятельности (лицо знает организацию процессов принятия решений, обладает информацией о существенных аспектах деятельности, в том числе отражаемые в бюджетном, бухгалтерском учете и т.п.). Отсутствие соответствующих доказательств при предложенном подходе закрепления презумпции виновности будет означать, что коллективный субъект действовал виновно.

Таким образом, с учетом специфики бюджетных правонарушений и процедур их установления презумпция невиновности может быть закреплена в бюджетном законодательстве следующим образом: *«Физическое лицо не обязано доказывать свою невиновность в совершении бюджетного правонарушения»*. При реализации презумпции невиновности правовыми гарантиями будут выступать: запрет на понуждение к даче объяснений и/или предоставлению доказательств, признание вины не может рассматриваться единственно достаточным доказательством, отказ от участия в доказывании сам по себе не может повлечь для лица негативных последствий[729]. В свою очередь, презумпция виновности в бюджетном законодательстве может быть сформулирована как «*«Отсутствие вины доказывается лицом, в отношении которого установлен факт совершения деяния, содержащего признаки бюджетного правонарушения».* При этом правовой гарантией при реализации презумпции виновности следует признать формирование на уровне разъяснений судебных органов стандарта поведения коллективных субъектов при участии в бюджетных правоотношениях (что должно восприниматься в качестве нормы

[729] Рассуждения по этому поводу относительно сферы налогово-правового регулирования см.: *Карасева М.В.* Бюджетное и налоговое право России (политический аспект). С. 129; Комментарий к Налоговому кодексу РФ, части первой (расширенный) / Под ред. А.В. Брызгалина. М.: Налоги и финансовое право : Аналитика-пресс, 1999. С. 472-473.

такого участия для обычного участника в типичной ситуации).

Рассмотрим далее возможную реализацию описанных предложений на примере действий органа государственного бюджетного контроля при направлении уведомления о применении бюджетных мер принуждения за правонарушения, связанные с неправомерным использованием предоставленных бюджетных средств. В связи с этим следует, однако, оговориться и в общих чертах описать действующее правовое решение. Так, согласно пункту 5 статьи 306.2 Бюджетного кодекса РФ установлена дефиниция уведомления о применении бюджетных мер принуждения, под которым понимается документ органа государственного бюджетного контроля, обязательный к рассмотрению финансовым органом и содержащий сведения о: – выявленных бюджетных нарушениях; – объемах средств, использованных с указанными нарушениями, по каждому бюджетному нарушению. При этом установлено, что в указываемый объем средств не включаются суммы, возмещенные в доход соответствующего бюджета до направления уведомления о применении бюджетных мер принуждения. Финансовый орган определен в качестве органа, принимающего решение о применении бюджетных мер принуждения (отказе в их применении, изменении решения). В указанных целях Правительством РФ утверждены соответствующие Правила[730], согласно пункту 7 которых финансовый орган принимает решение об отказе в применении бюджетных мер принуждения, в том числе при указании в уведомлении:

– действий (бездействия) объекта контроля, совершенных в нарушение законодательства, и договоров (соглашений), на основании которых предоставляются средства из бюджета бюджетной системы РФ, не являющихся

[730] Здесь и далее – Правила принятия Министерством финансов Российской Федерации, финансовыми органами субъектов Российской Федерации (муниципальных образований), органами управления государственными внебюджетными фондами решений о применении бюджетных мер принуждения, решений об изменении решений о применении бюджетных мер принуждения, решений об отмене решений о применении бюджетных мер принуждения или решений об отказе в применении бюджетных мер принуждения, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2019 года № 91 (СЗ РФ. 2019. № 7 (ч. I). Ст. 625).

бюджетным нарушением, за совершение которого главой 30 Бюджетного кодекса РФ предусмотрено применение бюджетных мер принуждения;

– суммы средств, использованных с бюджетным нарушением, рассчитанных без учета нормативных правовых актов, соглашений о предоставлении межбюджетных трансфертов или бюджетных кредитов, при исполнении которых объектом контроля совершено бюджетное нарушение, или без учета объемов средств, использованных с бюджетным нарушением и возмещенных по информации, поступившей от органа, осуществляющего кассовое обслуживание исполнения бюджетов бюджетной системы РФ, в полном объеме в доход соответствующего бюджета до направления уведомления.

На наш взгляд, органы государственного бюджетного контроля, с одной стороны, должны направлять уведомления исключительно при установлении фактов бюджетных *право*нарушений, и, с другой стороны, иметь возможность оценивать целесообразность направления уведомления в принципе с учетом анализа формы и степени вины правонарушителя. Например, факт возмещения денежных средств до направления уведомления (как основание отказа в применении бюджетной меры принуждения) может быть обусловлен не высокой бюджетной дисциплиной объекта контроля, а исключительно нежеланием претерпевать негативные последствия применения меры ответственности. Указанное не позволит реализовать частную и общую превенцию и, кроме того, в полной мере восстановить нарушенные общественные отношения. Поэтому более оправданным представляется реализация защитного механизма, распадающегося на три составных элемента.

Во-первых, если нарушение было случайным, связано с действием непреодолимой силы или иными обстоятельствами, исключающими вину лица в совершении деяния, содержащего признаки бюджетного правонарушения, в акте (отчете) фиксируется сам факт его совершения, описывается сопутствующая обстановка, раскрывается поведение объекта контроля при его совершении, характеризующее вину, а также в рамках последующих действий, направленных на устранение последствий причиненного ущерба. С учетом комплексного анализа

всех обстоятельств в актах (отчетах) по результатам контрольного мероприятия целесообразно указывать, что *«на основании ст.___ Бюджетного кодекса РФ*[731] *при наличии установленного факта совершения бюджетного правонарушения уведомление о применении бюджетных мер принуждения в целях принятия решения о них не требуется»*. Во-вторых, если бюджетное правонарушение совершено, но вред не был устранен (возмещен), применению подлежит бюджетная мера принуждения (штраф, пеня, прекращение финансирования, внесение в реестр недобросовестных участников бюджетных правоотношений и другие), соответствующая характеру правонарушения, а также форме и степени вины. В-третьих, если было совершено бюджетное правонарушение, при этом до принятия решения о применении бюджетной меры принуждения, вред, причиненный правонарушением, возмещен (в том числе с учетом упущенной выгоды для бюджета), применение релевантной меры по общему правилу не требуется. Однако если правонарушение сопряжено с отягчающими обстоятельствами, является значительным[732], не устранены риски совершения новых бюджетных правонарушений[733], орган государственного бюджетного контроля может принять мотивированное решение о необходимости применения бюджетной меры принуждения в целях защиты публичных интересов.

Отдельно следует также добавить, что категорирование вины для целей деятельности органов государственного бюджетного контроля и ее документальному оформлению в актах (отчетах) по результатам проведенных контрольных мероприятий позволит также по-новому подойти к содержанию риск-ориентированного подхода. Справедливо, что «при равном объеме финансовых операций существуют области, где имеется большая опасность нарушения закона,

---

[731] При реализации соответствующих законодательных изменений.

[732] Незначительность может характеризовать, например, неверный выбор кода бюджетной классификации или допущение бухгалтерской ошибки в качестве объективной стороны бюджетного правонарушения.

[733] Объект контроля не провел необходимые организационно-правовые мероприятия, не устранил причины совершения правонарушения, не составлен план («дорожная карта») по устранению последствий правонарушения, не создана система санкционирования будущих расходов и т.п. Другими словами, объект контроля возместил вред в ходе контрольного мероприятия или до направления уведомления (для органов внутреннего бюджетного контроля – в рамках исполнения представления), но не принял необходимых и достаточных мер по недопущению подобных правонарушений в аналогичных ситуациях в будущем.

нецелевого использования бюджетных средств, принятия неэффективных решений»[734]. Думается, что категория вины, определяющая само наличие бюджетного правонарушения, должна рассматриваться еще одним фактором[735], наличие которого (установленное при проведении контрольных мероприятий ранее) свидетельствует о высоких рисках в деятельности подконтрольных субъектов, в том числе при планировании контрольных мероприятий в будущем.

Подводя итог исследованию вины в бюджетном праве, обозначим ее место в системе научных правовых явлений. А.М. Васильев справедливо указывал, что, «уплотняя юридические знания, правовые категории воспроизводят стороны и моменты правовой действительности в «чистом» от случайных проявлений виде»[736], а потому представляют собой «наиболее глубокие, фундаментальные понятия, являющиеся пределом обобщения как в определенной области юридических знаний, так и в правоведении в целом»[737]. Вина наряду с правоотношением, юридическим фактом, юридической ответственностью является одним из понятий, разработанных правовой наукой для того, чтобы право могло создать специальный «механизм вхождения лица в юридический мир»[738]. При этом в связи с активными преобразованиями, происходящими в финансово-бюджетной сфере и, как следствие, финансовом праве, наука обогащается новыми категориями[739]. К.С. Бельский предлагает различать базисные и специализированные категории финансового права[740]. Если первые

---

[734] *Васильев А.А.* Указ. соч. С. 11.

[735] Ценные предложения о создании единого классификатора рисков высказывает Р.Е. Артюхин. Подробнее об этом см.: *Артюхин Р.Е.* Национальные проекты - качественно новый уровень ответственности государства // Государственная служба. 2020. №1 (123). С. 70-72; *Артюхин Р.Е.* Автоматизация контроля - история сегодняшнего дня // Финконтроль. 2020. № 4 (22). С. 4-9.

[736] *Васильев А.М.* Указ. соч. С. 84.

[737] Там же. С. 87.

[738] *Гаджиев Г.А.* Указ. соч. С. 299.

[739] М.В. Карасева обращает внимание, что развитие финансового права обусловливает обогащение финансово-правовой науки новыми категориями (см.: Актуальные проблемы финансового и налогового права. С. 18-19). Кроме того, использование конструкций и категорий других отраслей в рамках процессов конвергенции вполне возможно и в финансовом праве (см.: *Пиликин Г.Г.* Становление финансового права России (теория и практика особой формы публичного права): монография / под общ. ред. проф. С.В. Запольского. М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2017. С. 90).

[740] Опираясь на учение о категориях Аристотеля, К.С. Бельский под финансово-правовыми категориями понимает мысленные аналоги мира реальных финансовых ценностей, его общих свойств, связей и отношений.

характеризуются целостностью, глобальностью и основательностью (например, финансовая деятельность, бюджетная система)[741], то к числу именно специализированных категорий должна быть отнесена анализируемая категория вины, с учетом определенного ей значения в трех аспектах проявления (институциональный, содержательный и процессуальный), позволяющего рассматривать вину в качестве важного структурного компонента теории бюджетно-правового принуждения в целом и бюджетно-правовой ответственности в частности. В указанном понимании вина в бюджетном праве предстает разновидностью общеюридической категории вины, является субъективно-объективным отражением бюджетно-правовой реальности и в этом смысле служит целям достижения правопорядка в финансово-бюджетной сфере.

Таким образом, во всех существенных аспектах научно-прикладного характера вина выступает как институциональная единица системы бюджетно-правового принуждения, категория материального права с определенным содержанием в соответствии с предложенной двуединой моделью (психологическая и поведенческая концепции вины), а также раскрывается в процессуальном аспекте, обусловливая существование бюджетно-правового механизма установления вины и предопределяя выработку законодательных моделей распределения бремени доказывания.

Ученый считает, что к числу особенностей финансово-правовых категорий относятся то, что они закрепляются в нормативных правовых актах, а также образуют постоянную часть науки финансового права (см.: *Бельский К.С.* Финансовое право. М.: Юрист, 1994. С. 25-27).

[741] Там же. С. 27-28.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предназначение права как важнейшего социального явления емко выражено в высказывании древнеримского правоведа Модестина: «Legis virtus haec est: imperare, vetare, permittere, punier» *(сила закона состоит в том, чтобы приказывать, запрещать, разрешать, наказывать)*[742]. Но может ли право в полной мере эффективно реализовать свою миссию без учета субъективных качеств тех, к кому оно обращает свои веления и запреты? Представляется, что нет, и категория вины, имеющая универсальное значение для всех правовых отраслей, является наглядным тому подтверждением.

Действительно, эволюция права на протяжении тысяч лет свидетельствует о том, что принцип вины, обусловливающий юридическую ответственность, постепенно замещает объективное вменение, а причинение вреда само по себе не рассматривается как достаточное основание для возложения на лицо дополнительных ограничений и лишений личного, имущественного или организационного характера. Выбор в пользу виновной ответственности в правопорядках большинства стран свидетельствует о стремлении права следовать общечеловеческим принципам гуманизма и справедливости, так как вина связывает противоправное деяние с субъективными характеристиками лица, показывает его отношение к акту своего поведения и их результатам.

В этом смысле теория права достигла определенного консенсуса в данном вопросе и считает, что в развитом правовом образовании ответственность без вины является рудиментарной, а похожие на нее случаи в законодательстве, если и могут иметь место, то должны обосновываться в рамках иных правовых институтов (страхование, распределение убытков). В таком понимании вина выступает важнейшей детерминантой юридической ответственности, являясь обязательным признаком правонарушения и элементом его состава. При этом в зависимости

[742] Юридический словарь. / Гл. ред. С.Н. Братусь и др.. М.: Госюриздат, 1953. Режим доступа: https://sovetskij-yuridicheskij-slovar.slovaronline.com/75-legis_virtus_haec_est:_imperare,_vetare,_permittere,_punier (дата обращения: 21 февраля 2023 года).

от типа действующих в той или иной отрасли права субъектов законодатель может обосновать выбор релевантной модели доказывания вины в совершении правонарушения, преимущественно устанавливая презумпцию виновности или невиновности.

Указанные теоретические предпосылки, а также научные и законодательные решения, принятые в иных отраслях правового регулирования, предопределяют необходимость научного осмысления категории вины для целей бюджетного права, которое на современном этапе своего развития становится все более важным социальным регулятором, охватывая обширную сеть отношений в финансово-бюджетной сфере. Вызовы, стоящие перед обществом в период социально-экономических кризисов, объективно влияют и на то, каким должно быть бюджетное законодательство в его охранительной части, другими словами, каким инструментарием должно обладать государство в целях эффективного разрешения возникающих бюджетно-правовых споров или, что приоритетнее, их минимизации. Однако финансово-правовая наука по вопросу вины вплоть до настоящего времени в целом не предложила исчерпывающих, непротиворечивых и надлежащих решений. Поэтому с учетом результатов проведенного исследования, в том числе в части выводов о сущности теоретических конструкций правонарушения, юридической ответственности и государственного принуждения, целесообразно сформулировать следующие основные выводы, характеризующие вину как категорию бюджетного права.

Вина в бюджетном праве выступает разновидностью универсальной категории вины и для целей бюджетного права предстает его специализированной категорией, раскрываясь во всех существенных аспектах. Принятие вины для целей бюджетного права в данном качестве обусловливает необходимость трансформации бюджетного законодательства, а также стимулирует научные исследования по смежным вопросам теоретико-практического характера.

Вина в системе правовых явлений бюджетного права является ключевым критерием разграничения применения бюджетно-правового принуждения по видам – бюджетно-правовой ответственности (за бюджетное правонарушение

как акт виновного деяния) и бюджетно-правовой защиты (за объективно противоправное деяние). Вина, таким образом, является обязательным признаком бюджетного правонарушения и элементом его состава. Иные концепции отвергнуты нами в ходе исследования, так как ученые, которые их придерживаются, обращаются преимущественно к ссылке на законодательное решение, а также к специфическому составу участников бюджетных правоотношений. Однако бюджетное право, будучи встроенным в единый механизм правового регулирования, всегда обращено к регулированию сознательного и волевого поведения лиц, которым определяет права и обязанности в финансово-бюджетной сфере. Указанное справедливо как для классических субъектов бюджетного права, так и для частных лиц, которые с учетом тенденции расширения предмета бюджетного права, складывающейся объективно под влиянием происходящих экономических процессов диверсификации бюджетной сети, должны признаваться участниками бюджетных по своей природе правоотношений.

В бюджетном праве обоснована целесообразность синтеза двух концепций вины, разработанных в правовой науке, а именно следует признать вину особым психическим (для физических лиц) или иным обусловленным внешней объективацией воли (для коллективных субъектов – юридических лиц и органов публичной власти) состоянием лица относительно совершенного им бюджетного правонарушения, которое отражает отрицательное отношение к основным бюджетно-правовым ценностям, защищаемых государством посредством института бюджетно-правовой ответственности. В указанном определении, во-первых, фиксируются некоторые различия подходов к определению вины индивидуальных и коллективных субъектов при сохранении общего начала в виде отрицательного отношения к ценностям, провозглашаемым бюджетным правом, и, во-вторых, указывается неразрывная связь вины, бюджетного правонарушения и института бюджетно-правовой ответственности.

Введение конструкции вины позволит правоприменителю разделять все установленные факты на подлежащие применению к ним мер ответственности

ввиду их виновного характера и на все остальные объективно противоправные деяния. Это, в свою очередь, потенциально сократит число судебных споров, так как публичный субъект не сможет требовать применения мер ответственности (в том числе обусловленных возвратом предоставленных бюджетных средств) при любом нарушении его прав и интересов.

Кроме того, представляется, что учет субъективных начал, обусловливающих необходимость исследования причин и условий совершения правонарушений, при проведении мероприятий государственного (муниципального) финансового контроля приведет к повышению их эффективности. В указанном аспекте механизм установления вины строится исходя из определения следующих основных стадий: выявление факта совершения деяния, имеющего признаки бюджетного правонарушения; определение наличия или отсутствия обстоятельств, исключающих вину в его совершении; определение формы вины в совершении бюджетного правонарушения; установление смягчающих и (или) отягчающих обстоятельств. При решении вопроса о процедурном распределении обязанностей по доказыванию вины наиболее оправданным с точки зрения теории и практики представляется подход, при котором модель доказывания, основанная на презумпции, будет определяться исходя из типов субъектов: виновности – для юридических лиц и публичных субъектов, невиновности – для физических лиц. Такое распределение в полной мере соответствует конституционно установленным принципам справедливости, обеспечивает надлежащую правовую защиту «слабой» стороны бюджетных правоотношений, но, в первую очередь, наиболее последовательно проводит идею двуединой модели вины в бюджетном праве.

С учетом изложенного представляется, что развитие бюджетного законодательства в предложенных направлениях станет существенным фактором снижения числа бюджетных правонарушений, повышения эффективности использования бюджетных средств и укрепления финансово-бюджетной дисциплины в целом. При этом дальнейшее научное осмысление вопросов вины в бюджетном праве неизбежно объективирует дискуссию об иных элементах

состава бюджетного правонарушения (объект, объективная сторона, субъект) и смежных вопросов (например, оптимального набора бюджетно-правовых санкций, перспектив конструирования мер бюджетно-правовой защиты, развития института возмещения вреда в бюджетном праве, основанного на началах риска), а также ставит важные задачи перед наукой финансового права по переосмыслению и доработке концептуальных основ охранительной части бюджетного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Российская газета — 1993. — 25 декабря; Российская газета. — 2020. — № 144.

2. Всеобщая декларация прав человека, принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года // Российская газета. — 1995. — № 67.

3. Международный пакт о гражданских и политических правах, принят Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных наций 16 декабря 1966 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1994. — № 12.

4. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // СЗ РФ. — 2001. — № 2. — Ст. 163 (Документ прекратил действие в отношении Российской Федерации с 16 марта 2022 года в соответствии с Федеральным законом от 28 февраля 2023 года № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы»// СЗ РФ. — 2023. — № 10. — Ст. 1566).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

6. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года № 145-ФЗ // СЗ РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3823.

7. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ // СЗ РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // СЗ РФ. — 2001. — № 52 (ч. I). — Ст. 4921.

9. Федеральный закон от 30 декабря 2001 года № 194-ФЗ «О федеральном бюджете на 2002 год» // СЗ РФ. — 2001. — № 53 (ч. I). — Ст. 5030.

10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // СЗ РФ. — 2002. — № 1 (ч. I). — Ст. 1.

11. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ // СЗ РФ. — 2002. — № 1 (ч. I). — Ст. 3.

12. Федеральный закон от 25 апреля 2002 года № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» // СЗ РФ. — 2002. — № 18. — Ст. 1720.

13. Федеральный закон от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2003. — № 50. — Ст. 4848.

14. Федеральный закон от 26 апреля 2007 года № 63-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2007. — №. 18. — Ст. 2117.

15. Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 225-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте» // СЗ РФ. — 2010. — № 31. — Ст. 4194.

16. Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // СЗ РФ. — 2011. — № 7. — Ст. 903.

17. Федеральный закон от 14 июня 2012 года № 67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном» // СЗ РФ. — 2012. — № 25. — Ст. 3257.

18. Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2013. — № 14. — Ст. 1649.

19. Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. — 2013. — № 14. — Ст. 1652.

20. Федеральный закон от 23 июля 2013 года № 252-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2013. — № 31. — Ст. 4191.

21. Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 418-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2013. — № 52 (ч. I). — Ст. 6983.

22. Федеральный закон от 26 июля 2019 года № 199-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части совершенствования государственного (муниципального) финансового контроля, внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита» // СЗ РФ. — 2019. — № 30. — Ст. 4101.

23. Федеральный закон от 22 декабря 2020 года № 448-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2020. — № 52 (ч. I). — Ст. 8594.

24. Федеральный закон от 1 июля 2021 года № 244-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и о приостановлении действия пункта 4 статьи 242.17 Бюджетного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2021. — № 27 (ч. I). — Ст. 5072.

25. Федеральный закон от 1 июля 2021 года № 255-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» и отдельные законодательные акты Российской

Федерации» // СЗ РФ. — 2021. — № 27 (ч. I). — Ст. 5083.

26. Федеральный закон от 29 ноября 2021 года № 384-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2022 году» // СЗ РФ. — 2021. — № 49 (ч. I). — Ст. 8148.

27. Федеральный закон от 28 февраля 2023 года № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // СЗ РФ. — 2023. — № 10. — Ст. 1566.

28. Указ Президента Российской Федерации от 18 сентября 1996 года № 1363 «Об укреплении бюджетной дисциплины в части таможенных платежей» // СЗ РФ. — 1996. — № 39. — Ст. 4529.

29. Указ Президента Российской Федерации от 14 мая 1998 года № 554 «О мерах по укреплению финансовой дисциплины и исполнению бюджетного законодательства Российской Федерации» // СЗ РФ. — 1998. — № 20. — Ст. 2145.

30. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2021. — № 27 (ч. II). — Ст. 5351.

31. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 320 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Управление государственными финансами и регулирование финансовых рынков» // СЗ РФ. — 2014. — № 18 (ч. III). — Ст. 2166.

32. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2019 года № 91 «Об утверждении Правил принятия Министерством финансов Российской Федерации, финансовыми органами субъектов Российской Федерации (муниципальных образований), органами управления государственными внебюджетными фондами решений о применении бюджетных мер принуждения, решений об изменении решений о применении бюджетных мер принуждения, решений об отмене решений о применении бюджетных мер принуждения или

решений об отказе в применении бюджетных мер принуждения» // СЗ РФ. — 2019. — № 7 (ч. I). — Ст. 625.

33. Постановление Правительства Российской Федерации от 14 апреля 2022 года № 665 «Об особенностях осуществления в 2022 году государственного (муниципального) финансового контроля в отношении главных распорядителей (распорядителей) бюджетных средств, получателей бюджетных средств» // СЗ РФ. — 2022. — № 16. — Ст. 2704.

34. Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 23 декабря 2014 года № 163 «О Порядке формирования и ведения реестра участников бюджетного процесса, а также юридических лиц, не являющихся участниками бюджетного процесса» (зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации 9 февраля 2015 года № 35954) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. — 13 февраля 2015 года — № 0001201502130049.

35. Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 30 ноября 2021 года № 199н «Об утверждении Типовой формы соглашения (договора) о предоставлении из федерального бюджета субсидий, в том числе грантов в форме субсидий, юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам» (зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации 4 марта 2022 года № 67616) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. — 5 марта 2022 года — № 0001202203050002.

36. Положение о порядке свидетельствования Торгово-промышленной палатой Российской Федерации обстоятельств непреодолимой силы (форс-мажор) (утверждено постановлением Правления Торгово-промышленной палаты Российской Федерации от 23 декабря 2015 года № 173-14) // Документ опубликован не был. — Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/420331564 (дата обращения: 21 февраля 2023 года).

37. Регламент Счетной палаты Российской Федерации (утвержден постановлением Коллегии Счетной палаты Российской Федерации от 7 июня 2013 года № 3ПК) // Документ опубликован не был. — Режим доступа:

https://ach.gov.ru/upload/iblock/ef0/1i5lmrcpragma8euldwhsai3sllyhohx.pdf (дата обращения: 21 февраля 2023 года).

38. Методические рекомендации по оценке недостатков в деятельности проверяемых органов и организаций (утверждены приказом Контрольно-счетной палаты Москвы от 29 июля 2022 года № 48/01-05) // Документ опубликован не был. — Режим доступа: https://www.ksp.mos.ru/documents/metodrek/ (дата обращения: 21 февраля 2023 года).

39. Бюджетный кодекс Республики Казахстан от 4 декабря 2008 года № 95-IV. Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30364477 #pos=5;-106 (дата обращения: 21 февраля 2023 года).

40. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года № 235-V Режим доступа: https://online.zakon.kz/document /?doc_id=31577399#pos=4144;-54 (дата обращения: 21 февраля 2023 года).

41. Бюджетный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 2008 года № 412-З. Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=hk0800412#load_text_none _1_ (дата обращения: 21 февраля 2023 года).

42. Закон Японии о Счетной палате Японии от 1947 года № 73. Режим доступа: https://www.jbaudit.go.jp/english/jbaudit/chapter2.html (дата обращения: 21 февраля 2023 года).

43. Закон Канады о финансовом управлении (Financial Administration Act, R.S.C., 1985, c. F-11) Режим доступа: https://laws-lois.justice.gc.ca/ eng/acts/f-11/page-1.html (дата обращения: 21 февраля 2023 года).

44. Закон Испании об Общем бюджете от 26 ноября 2003 года № 47/2003 Режим доступа: https://boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2003-21614&p=20221224& tn=6 (дата обращения: 21 февраля 2023 года).

Материалы судебной практики

45. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1995 года № 17-П «По делу о проверке конституционности ряда положений пункта «а» статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова» // СЗ РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 54.

46. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июля 1999 года № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции» // СЗ РФ. — 1999. — № 30. — Ст. 3988.

47. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2001 года № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова» // СЗ РФ. — 2001. — № 7. — Ст. 700.

48. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2001 года № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда города Санкт - Петербурга и Ленинградской области, жалобами открытых акционерных обществ «АвтоВАЗ» и «Комбинат «Североникель», обществ с ограниченной ответственностью «Верность», «Вита – Плюс» и «Невско - Балтийская транспортная компания», товарищества с ограниченной ответственностью «Совместное российско - южноафриканское предприятие «Эконт» и гражданина А.Д. Чулкова» // СЗ РФ. — 2001. — № 23. — Ст. 2409.

49. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2011 года № 6-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 3.7 и части 2 статьи 8.28 Кодекса Российской Федерации

об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «СтройКомплект» // СЗ РФ. — 2011. — № 19. — Ст. 2769.

50. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2014 года № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 и 19.7.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами обществ с ограниченной ответственностью «Барышский мясокомбинат» и «ВОЛМЕТ», открытых акционерных обществ «Завод "Реконд», «Эксплуатационно-технический узел связи» и «Электронкомплекс», закрытых акционерных обществ «ГЕОТЕХНИКА П» и «РАНГ» и бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики «Детская городская больница № 3 «Нейрон» Министерства здравоохранения Удмуртской Республики» // СЗ РФ. — 2014. — № 10. — Ст. 1087.

51. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2020 года № 17-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 2.1, части 1 статьи 2.2, части 3 статьи 11.15.1 и пункта 5 части 1 статьи 29.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 12.2 Федерального закона «О транспортной безопасности», подпунктов 36, 37, 39, 45 пункта 5 и подпунктов 1, 2, 8 пункта 7 требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств морского и речного транспорта, в связи с жалобой акционерного общества «Пассажирский Порт Санкт-Петербург «Морской фасад» // СЗ РФ. — 2020. — № 20. — Ст. 3221.

52. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июля 2021 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 2.1, части 2 статьи 2.2, части 1 статьи 4.5 и части 1 статьи 11.15.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи

с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Востокфлот» // СЗ РФ. — 2021. — № 31. — Ст. 5988.

53. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2023 года № 11-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 2.1 и статьи 12.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой государственного бюджетного учреждения города Москвы «Автомобильные дороги Зеленоградского административного округа» // СЗ РФ. — 2023. — № 15. — Ст. 2745.

54. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2008 года № 120-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яновича Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 1064, пунктом 1 статьи 1079 и абзацем вторым пункта 2 статьи 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Доступ из СПС КонсультантПлюс.

55. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июня 2014 года № 1308-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Приоритет» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2014. — № 6.

56. Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018-2020 годов) // одобрено решением Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2020 года.

57. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2005. — № 6.

58. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 года № 7 «О применении судами некоторых положений

Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2016. — № 5.

59. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2017. — № 1.

60. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2006 года № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. — 2006. — № 8.

61. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 февраля 2009 года № 17 «О внесении дополнений в Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2006 № 23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. — 2009. — № 5.

62. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 года № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Солидарность. 2013. № 31.

63. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2008 года № 7841/08 по делу № А60-13433/2007-С6 // Вестник ВАС РФ. — 2009. — № 4.

64. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 года № 15-О10-17сп // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

65. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 января 2018 года № 308-ЭС17-9296 по делу № А32-41306/2016 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

66. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 января 2018 года № 308-ЭС17-13889 по делу № А32-41315/2016 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

67. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 июля 2019 года № 304-ЭС19-10855 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

68. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 октября 2019 года № 310-ЭС19-15258 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

69. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2019 года № 302-ЭС19-23923 по делу № А58-8414/2018 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

70. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2020 года № 303-ЭС19-26506 по делу № А73-5398/2019 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

71. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 января 2020 года № 303-ЭС19-25780 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

72. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 марта 2020 года № 303-ЭС20-852 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

73. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 августа 2020 года № 305-ЭС20-8254 по делу № А40-155863/2019 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

74. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 октября 2020 года № 305-ЭС20-16069 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

75. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 31 марта 2021 года № 305-ЭС21-2261 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

76. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 мая 2021 года № 308-ЭС21-5074 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

77. Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 21 мая 2014 года № Ф05-4706/14 по делу № А40-43492/13 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

78. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11 декабря 2014 года № Ф02-5614/2014 по делу № А58-6043/2013 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

79. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 21 мая 2018 года № Ф02-1575/2018 по делу № А74-6794/2017 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

80. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 9 июля 2018 года № Ф01-2527/2018 по делу № А11-1142/2017 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

81. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27 февраля 2020 года № Ф07-1485/2020 по делу № А66-345/2019 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

82. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 9 ноября 2020 года № Ф05-17900/2020 по делу № А40-252193/2019 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

83. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22 декабря 2020 года № Ф03-5187/2020 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

84. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 9 июня 2021 года № Ф01-1744/2021 по делу № А11-6485/2018 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

85. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23 декабря 2021 года № Ф06-12223/2021 по делу № А55-56/2021 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

86. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14 марта 2022 года по делу № А53-29087/2021 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

87. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24 декабря 2019 года № 09АП-71961/2019 по делу № А40-155863/2019 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

88. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16 августа 2021 года № 09АП-45809/2021 // Картотека арбитражных дел. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/.

89. Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 октября 2013 года по делу «Варвара (Varvara) против Италии» (жалоба № 17475/09) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. — 2014. — № 2.

90. Blyth v Birmingham Waterworks Company [1856] 11 Ex Ch 781. Режим доступа: http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Exch/ 1856/J65.html (дата обращения: 21 февраля 2023 года).

91. Donoghue v Stevenson [1932] UKHL 100. Режим доступа: https://www.bailii.org/uk/cases/UKHL/1932/100.html (дата обращения: 21 февраля 2023 года).

Научная и учебная литература

92. *Агешкина Н.А., Бельянская А.Б., Смушкин А.Б.* Комментарий к Федеральному закону от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный). — СПС КонсультантПлюс, 2017.

93. Административное и финансовое право. Ежегодник Центра публично-правовых исследований. Том 1. — М.: Центр публично-правовых исследований, 2006. — 404 с.

94. Актуальные проблемы теории и практики финансового права Российской Федерации / под ред. проф. д.ю.н. А.Н. Козырина. — Специально для системы ГАРАНТ, 2009. — 294 с.

95. Актуальные проблемы финансового и налогового права : учебное пособие / отв. ред. М.В. Карасева. — М.: Проспект, 2020. — 272 с.

96. Актуальные проблемы финансового права: монография / Л.Л. Арзуманова, Н.М. Артемов, О.В. Болтинова и др.; отв. ред. Е.Ю. Грачева. — М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. — 208 с.

97. *Алексеев С.С.* Восхождение к праву. Поиски и решения. — М.: Норма, 2001. — 752 с.

98. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. — М.: Издательство «Юридическая литература», 1966. — 187 с.

99. *Алексеев С.С.* Наука права в Избранное / Вступ. сл., сост.: П.В. Крашенинников. — М.: Статут, 2016. — 655 с.

100. *Алексеев С.С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве. — М.: Юрид. лит., 1989. — 288 с.

101. *Алексеев С.С.* Социальная ценность права в советском обществе. — М.: Юридическая литература, 1971. — 223 с.

102. *Алексеев С.С.* Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. — М.: Норма, 2009. — 176 с.

103. *Алексеев С.С.* Теория права. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство БЕК, 1995. — 320 с.

104. *Андреев И.А.* Очерк по уголовному праву социалистических государств. — М.: Юридическая литература, 1978. — 166 с.

105. *Антимонов Б.С.* Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. — М.: Госюриздат, 1950. — 275 с.

106. *Аристотель.* Риторика / Пер. с греч. Н. Платоновой. — СПб: Тип. В. С. Балашева и Ко, 1894. — 204 с.

107. *Арсланбекова А.З.* Финансово-правовые санкции в системе мер юридической ответственности: Монография. — М.: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 2008. — 396 с.

108. *Архипов С.И.* Субъект права: теоретическое исследование. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. — 469 с.

109. *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве: учеб. пособие. — Горький: Изд-во Горьк. высш. школы МВД СССР, 1974. — 124 с.

110. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации : Учебник для вузов. —6-е изд., изм. и доп. — М.: Норма, 2007. — 784 с.

111. *Байтин М.И.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). — Саратов: СГАП, 2001. — 416 с.

112. *Баранов В.М.* «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника : монография. — М.: Блок-Принт, 2022. — 176 с.

113. *Баршев С. И.* О вменении в праве. — М.: Университетская типография, 1840. — 279 с.

114. *Бахрах Д. Н., Россинский Б. В., Старилов Ю. Н.* Административное право: Учебник для вузов. — 2-е изд., изм. и доп. — М.: Норма, 2005. — 800 с.

115. *Безлепкин Б.Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). —15-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2021. — 640 с.

116. *Бельский К.С.* Финансовое право. — М.: Юрист, 1994. —208 с.

117. *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права / Под. общ. ред. В.И. Даниленко / Пер. с фр. Г.В. Чуршукова. — М.: Издательский дом NOTA BENE, 2000. — 576 с.

118. *Бесчеревных В.В.* Компетенция Союза ССР в области бюджета. — М.: Юрид. лит., 1976. — 176 с.

119. *Бесчеревных В.В.* Развитие советского бюджетного права. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. — 80 с.

120. *Боголепов Н.П.* Учебник истории римского права / Под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. — М.: Зерцало, 2004. — 568 с.

121. *Боруленков Ю.П.* Юридическое познание : монография. — М.: Юрлитинформ, 2014. — 391 с.

122. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право: Общие положения. — М.: Статут, 1998. — 681 с.

123. *Братусь С.Н.* Субъекты гражданского права. — М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. — 367 с.

124. *Братусь С.Н.* Юридическая ответственность и законность (очерк

теории). — М.: Городец-издат, 2001. — 208 с.

125. *Братусь С.Н.* Юридические лица в советском гражданском праве. — М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. — 364 с.

126. *Брэбан Г.* Французское административное право: Пер. с фр. / Под ред. и со вступ. ст. С.В. Боботова. — М.: Прогресс, 1988. — 488 с.

127. Бюджетное право: учебник / Н.Д. Вершило, Т.А. Вершило, О.Н. Горбунова и др.; под ред. И.А. Цинделиани. — М.: Проспект, 2018. — 400 с.

128. Бюджетный кодекс Российской Федерации. Поглавный научно-практический комментарий коллектива ученых под рук. д-ра юрид. наук, проф. А.А. Ялбулганова / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.Н. Козырина. — М.: ЗАО «Библиотечка РГ», 2012.

129. *Васильев А.М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. — М.: Издательство «Юридическая литература», 1976. — 264 с.

130. *Векленко С.В.* Диалектика и вопросы вины в уголовном праве. — Омск: Омская академия МВД России, 2003. — 84 с.

131. *Векленко С.В.* Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве: Монография. — Омск: Омская академия МВД России, 2002. — 192 с.

132. Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права: Учебное пособие / Под науч. ред. Н.Ф. Кузнецовой. — М.: Городец, 2009. — 288 с.

133. *Виноградов В.А.* Ответственность в механизме охраны конституционного строя. — М.: Институт права и публичной политики, 2005. — 420 с.

134. *Витрук Н.В.* Общая теория юридической ответственности. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Норма, 2009. — 432 с.

135. *Владимиров Л. Е.* Учение об уголовных доказательствах. — СПб.: Кн. маг. «Законоведение», 1910. — 400 с.

136. *Волженкин Б.В.* Уголовная ответственность юридических лиц. — СПб., 1998. — 40 с.

137. *Воронцов О.Г.* Принципы бюджетной системы Российской Федерации. Теоретико-правовые основы реализации. Монография / Под ред. Н.А. Поветкиной. — М.: ИФНРА-М, 2021. — 225 с.

138. *Гаджиев Г.А.* Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): Монография. — М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. — 320 с.

139. *Гегель Г.* Феноменология духа. — М.: Наука, 2000. — 495 с.

140. *Гейхман О.М.* Бюджетно-правовая ответственность: Монография / Под ред. д-ра юрид. наук Ю.А. Крохиной. — М.: РПА МЮ РФ, 2005. — 160 с.

141. *Гоббс Т.* Сочинения в 2 т. Т. 1/Пер. с лат. и англ.; Сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В. В. Соколов. — М.: Мысль, 1989. — 622 с.

142. *Гогин А.А.* Правонарушения: понятие, сущность, виды. — М.: NOTA BENE, 2007. — 178 с.

143. *Годме П.М.* Финансовое право / Пер., вступ. ст.: Халфина Р.О. — М.: Прогресс, 1978. — 429 с.

144. *Годэмэ Е.* Общая теория обязательств. — М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. — 511 с.

145. *Гольбах П.* Система природы, или о законах мира физического и духовного. — М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. — 455 с.

146. *Горбунова О.Н.* Финансовое право и финансовый мониторинг в современной России: научно-популярная монография. — М.: ООО «Издательство "Элит"», 2012. — 296 с.

147. *Горбунова О.Н., Селюков А.Д., Другова Ю.В.* Бюджетное право России. Учебное пособие. — М.: ООО «ТК Велби», 2002. — 192 с.

148. Гражданское право. Ч. 1 / Под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. — СПб.: ТЕИС, 1996. — 550 с.

149. Гражданское право: Учеб.: В 2 т. Т. I. / Отв. ред. Е.А. Суханов. — 4-е изд., стер. — М.: Статут, 2014. — 958 с.

150. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. — М.: «Статут», 2000. — 411 с.

151. *Гурвич М.А.* Советское финансовое право. Учебное пособие. — М.: Госюриздат, 1952. — 324 с.

152. *Гурней Б.* Введение в науку управления. Пер. с фр. Г.С. Яковлева, ред. и вступ. статья М.И. Пискотина. — М.: Издательство «Прогресс», 1969. — 430 с.

153. *Гусейнов А.А.* Введение в этику. — М.: МГУ, 1985. — 208 с.

154. *Дагель П.С., Михеев Р.И.* Теоретические основы установления вины: Учебное пособие. Владивосток: — Изд-во Дальневост. ун-та, 1975. — 168 с.

155. *Демидов Ю.А.* Социальная ценность и оценка в уголовном праве. — М.: Юридическая литература, 1975. — 184 с.

156. Денисенко В.В. Системный анализ административно-деликтных отношений. — СПб: Университет МВД России, 2001.

157. *Денисов Ю.А.* Общая теория правонарушения и ответственности (социологический и юридический аспекты). — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1983. — 142 с.

158. *Дернбург Г.* Пандекты: Пер. с немецкого. Общая часть. Т. 1 / Под ред.: П. Соколовский; Пер.: Г. Фон Рехенберг. — М.: Унив. тип., 1906. — 481 с.

159. *Дмитриева О.В.* Ответственность без вины в гражданском праве. — Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1998. — 144 с.

160. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве / пер. с нем. — СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1903. — 532 с.

161. *Емельянов А.С.* Охранительная функция финансового права и механизм ее реализации: Монография. — Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 2005. — 197 с.

162. *Емельянов А.С.* Финансовое право. — М.: «Былина», 2002. — 368 с.

163. *Елистратов А.И.* Основные начала административного права. — М.: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. — 294 с.

164. *Есипов В.В.* Преступление и наказание в древнем праве. — Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1903. — 62 с.

165. *Жез Г.* Общая теория бюджета. Пер. под ред. Г.Г. Соловья и К.К. Шмакова, предисловие Г.Я. Сокольникова. — М.: Государственное финансовое издательство Союза ССР, 1930. — 339 с.

166. *Запольский С.В.* Дискуссионные вопросы теории финансового права : монография. — М.: РАП, Эксмо, 2008. — 160 с.

167. *Злобин Г.А. Никифоров Б.С.* Умысел и его формы. — М.: «Юридическая литература», 1972. — 264 с.

168. *Иванов И.С.* Институт вины в налоговом праве: теория и практика. — М.: Проспект, 2009. — 160 с.

169. *Иловайский С.И.* Учебник финансового права. — Одесса: Издание Е.С. Иловайской, 1912. — 604 с.

170. *Ильин Е. П.* Психология общения и межличностных отношений : учебное пособие. — 2-е изд. — СПб: Питер, 2015. — 592 с.

171. *Ильин И. А.* О сущности правосознания. / Подготовка текста и вступительная статья И.Н. Смирнова. — М.: «Рарогъ», 1993. — 235 с.

172. Институты финансового права / под ред. д.ю.н., профессора Н.М. Казанцева. — М.: ИЗиСП – ИД «Юриспруденция», 2009. — 512 с.

173. *Иоффе О.С.* Ответственность по советскому гражданскому праву. — Л.: Издательство ЛГУ, 1955. — 310 с.

174. *Исаев М.М.* Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик. — М., Л.: Гос. изд-во, 1927. — 140 с.

175. *Йонас Х.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. — М.: Айрис-пресс, 2004. — 480 с.

176. Казна и бюджет / Отв. Ред. Д.Л. Комягин. — М.: Наука, 2014. — 501 с.

177. *Каминская В.И.* Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — 132 с.

178. *Кант И.* Критика чистого разума / Сочинения в шести томах. Под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. — М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1964. — 799 с.

179. *Карасева М.В.* Бюджетное и налоговое право России (политический аспект). — М.: Юристъ, 2005. — 173 с.

180. *Карасева М.В.* Финансовое право. Общая часть: Учебник. — М.: Юристъ, 1999. — 256 с.

181. *Карасева М.В.* Финансовое правоотношение. — М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА М), 2001. — 288 с.

182. *Карташов В.Н.* Теория государства и права : учебник. — Ярославль: ЯрГУ, 2018. — 360 с.

183. *Кашанина Т.В.* Происхождение государства и права. Учебное пособие. — М.: Высшая школа, 2004. — 325 с.

184. *Келина С.Г., Кудрявцев В.Н.* Принципы советского уголовного права. — М.: Наука, 1988. —

185. *Киримова Е.А.* Правовой институт: понятие и виды: Учебное пособие / Под ред. профессора И.Н. Сенякина. — Саратов, 2020. — 55 с.

186. *Ковлер А.И.* Европейская конвенция: проблемы толкования и имплементации: монография. — М.: ИЗиСП, Норма, ИНФРА-М, 2019. — 400 с.

187. *Кожевников О.А.* Юридическая ответственность в системе права: Монография / Под ред. Р.Л. Хачатурова. — Тольятти: ВУиТ, 2003. — 125 с.

188. *Козырин А. Н.* Введение в российское налоговое право: Учебное пособие. — М.: Институт публично-правовых исследований, 2014. — 304 с.

189. *Колосова Н.М.* Конституционная ответственность в России. — М.: Юрайт, 2017.

190. *Колосова Н.М.* Конституционная ответственность в Российской Федерации. — М.: Городец, 2000. — 192 с.

191. Комментарий к Налоговому кодексу РФ, части первой (расширенный) / Под ред. А.В. Брызгалина. — М.: Налоги и финансовое право : Аналитика-пресс, 1999. — 588 с.

192. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Р.О. Долотов и др.; под ред. Г.А. Есакова. — 9-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2021. — 816 с.

193. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный). Т. 1. Общая часть / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. — М.: Юрайт, 2017. — 316 с.

194. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / Н.И. Ветров, М.М. Дайшутов, Г.В. Дашков и др.; под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юриспруденция, 2013. — 912 с.

195. *Комягин Д.Л.* Бюджетное право России: учебное пособие / общ. ред. А.Н. Козырин. — М.: Институт публично-правовых исследований, 2011.

196. *Кондрат Е.Н.* Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия. — М.: Юстицинформ, 2014. — 928 с.

197. *Кондрашев А.А.* Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации. — М.: Издательство Московского университета, 2011. — 472 с.

198. Конституционное право России : учебник для вузов / С.В. Васильева, В.А. Виноградов, В. Д. Мазаев. — Москва : Эксмо, 2010. — 559 с.

199. Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. проф. С.А. Авакьяна. — М.: Изд-во МГУ, 2001. — 474 с.

200. *Коробеев А.И.* Российское уголовное право: Курс лекций. Т. 1. Преступление / Под ред. проф. А.И. Коробеева. — Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 1999. — 604 с.

201. *Косвен М.* Преступление и наказание в догосударственном обществе. — М., Л.: Государственное издательство, 1925. — 140 с.

202. *Котляревский Г.С., Назаров Б.Л.* Проблемы общей теории права. — М.: Юридическая литература, 1973. — 79 с.

203. *Красавчиков О.А.* Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. — М.: Юрид. лит., 1966. — 200 с.

204. *Красавчиков О.А.* Категории науки гражданского права. — М.: Статут, 2005. — 494 с.

205. *Краснов М.А.* Ответственность в системе народного представительства (методологические подходы). — М.: РАН Ин-т государства и права, 1995.

206. *Крашенинников П.В.* Времена и право. — М.: Статут, 2016. — 256 с.

207. *Крашенинников П.В.* Зарождение права. — М.: Статут, 2016. — 288 с.

208. *Крашенинников П.В.* Серебряный век права. — М.: Статут, 2017. — 144 с.

209. *Кривцов А.* Общее учение об убытках. — Юрьев: Печатано в типографии К. Маттисена, 1902. — 219 с.

210. *Кудрявцев В.Н.* Правовое поведение: Норма и патология. — М.: Издательство «Наука», 1982. — 287 с.

211. *Кудрявцев В.Н.* Право и поведение. — М.: Юрид. лит., 1978. — 192 с.

212. Курс советского уголовного права: Преступление. В 6-ти томах: Часть общая. Т. 2 / Пионтковский А.А.; Редкол.: Пионтковский А.А., Ромашкин П.С., Чхиквадзе В.М. — М.: Наука, 1970. — 516 с.

213. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головко. — М.: Статут, 2016. — 1278 с.

214. *Кучеров И.И.* Бюджетное право России: Курс лекций. — М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. — 317 с.

215. *Лебедев В.А.* Финансовое право: учебник. — М.: Статут (в серии «Золотые страницы финансового права России». Т. 2), 2000. — 458 с.

216. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: 5-е издание. Т. 15 (февраль – июнь 1907). — М.: Издание политической литературы, 1972.

217. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: 5-е издание. Т. 29 (Философские тетради). — М.: Издание политической литературы, 1969.

218. *Лившиц Р.З.* Теория права. — М.: БЕК, 1994. — 224 с.

219. *Лунеев В.В.* Субъективное вменение. — М.: Спарк, 2000. — 70 с.

220. *Лушникова М.В., Лушников А.М.* Развитие науки финансового права в России: Учебное пособие. — СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2013. — 952 с.

221. *Львов Д.М.* Курс финансового права / Сост. Дмитрий Львов, э.-орд. проф. Казан. ун-та. — Казань : тип. Императорского Ун-та, 1887. — 521 с.

222. *Лейст О.Э.* Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). — М.: Изд-во МГУ, 1981. — 240 с.

223. *Малеин Н.С.* Правонарушение: Понятие, причины, ответственность. — М.: Юрид. лит., 1985. — 192 с.

224. *Малеин Н.С.* Юридическая ответственность и справедливость. — М.: Манускрипт, 1992. — 204 с.

225. *Малько А.В.* Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юристъ, 2004. — 250 с.

226. *Мальцев Г.В.* Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). — М.: Юрид. лит.,1968. — 143 с.

227. *Маньковский Б.С.* Проблема ответственности в уголовном праве. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1949. — 123 с.

228. *Матвеев Г.К.* Вина в советском гражданском праве. — Киев: Издательство Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, 1955. — 308 с.

229. *Матвеев Г.К.* Основания гражданско-правовой ответственности. — М.: Юрид. литература, 1970. — 312 с.

230. *Мацкевич П.Н.* Преюдиция в гражданском и административном судопроизводстве. — М.: Статут, 2020. — 239 с.

231. *Маштаков И.В.* Проблемы теории правонарушения : монография / науч. ред. Р. Л. Хачатуров. — Самара : Самар. гуманит. акад., 2005. —

232. *Мелехин А.В.* Теория государства и права: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. — СПС КонсультантПлюс. 2009.

233. *Мицкевич А.В.* Избранное / Сост. и авт. предисловия Е.А. Юртаева. — М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве

Российской Федерации, 2010. — 304 с.

234. *Нагорная Э.Н.* Бремя доказывания в налоговых спорах: Монография. — М.: Юстицинформ, 2006. — 528 с.

235. *Назаренко Г.В.* Вина в уголовном праве: Монография. — Орел: Типография «Труд», 1996. — 96 с.

236. Налоги и налоговое право: Учеб. пособие / Под ред. А.В. Брызгалина. — М.: Аналитика-Пресс, 1997. — 608 с.

237. Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд. доп. и перераб. / С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева, А.И. Абрамова и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. — М.: ИД Юриспруденция, 2015. — 544 с.

238. *Нерсесянц В.С.* Теория права и государства. — М.: Норма ИНФРА-М, 2011. — 272 с.

239. *Новицкий И.Б.* Основы римского гражданского права. — М.: Зерцало, 2007 — 316 с.

240. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В.В. Лазарева. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма : Инфра-М, 2010. — 816 с.

241. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка : монография. Т. 1 / Н.Н. Черногор, Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило [и др.] ; отв. ред. Н.Н. Черногор. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. — 348 с.

242. *Ойгензихт В.А.* Проблема риска в гражданском праве. — Душанбе: Издательство «Ирфон», 1972. — 224 с.

243. Ответственность за нарушение финансового законодательства: науч.-практ. пособие / Р.Ю. Абросимов, О.А. Акопян, Я.В. Буркавцова и др.; отв. ред. И.И. Кучеров. — М: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014. — 225 с.

244. *Панов А.Б.* Административная ответственность юридических лиц: монография. — М.: Норма, 2013. — 192 с.

245. *Пассек Е.В.* Понятие непреодолимой силы (vis major) в гражданском праве. — М.: Статут, 2003. — 397 с.

246. *Пашенцев Д.А., Гарамита В.В.* Вина в гражданском праве: Монография. — М.: ЮРКОМПАНИ, 2010. — 143 с.

247. *Пиликин Г.Г.* Становление финансового права России (теория и практика особой формы публичного права): монография / под общ. ред. проф. С.В. Запольского. — М.: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2017. — 352 с.

248. *Пискотин М.И.* Советское бюджетное право. Основные проблемы. —— М.: Юрид. лит., 1971. — 312 с.

249. *Платонов К.К.* Проблемы способностей. — М.: «Наука», 1972. — 312 с.

250. *Поветкина Н.А.* Российская Федерация как субъект бюджетного права: монография. — М.: Рос. правовая акад. МЮ РФ, 2004. — 148 с.

251. *Поветкина Н.А.* Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения: монография / под ред. И.И. Кучерова. — М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2016. — 344 с.

252. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. — М.: Статут, 2013. — 351 с.

253. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. — Пг.: Юрид. кн. склад «Право», 1917. — 328 с.

254. *Полетаев Н.А.* Об основаниях вменения по началам положительной философии. — СПб: Тип. А. Катанского и Ко, 1890. — 430 с.

255. *Поляк Г. Б.* Бюджетное право. — М.: Юнити-Дана, 2007. — 240 с.

256. *Поляков А.В.* Общая теория права. Курс лекций. — СПб: Юрид. центр Пресс, 2001. — 642 с.

257. Правовое регулирование финансового контроля в Российской Федерации: проблемы и перспективы: монография / Л.Л. Арзуманова, О.В. Болтинова, О.Ю. Бубнова и др.; отв. ред. Е.Ю. Грачева. — М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2013. — 384 с.

258. Правовые средства обеспечения финансовой безопасности : монография

/ отв. ред. И. И. Кучеров, Н. А. Поветкина. — М.: ИЗиСП : Норма : ИНФРА-М, 2019. — 240 с.

259. Правовые средства противодействия коррупции / Под ред. Н.А. Власенко. — М.: Юриспруденция, 2012. — 344 с.

260. Проблемы общей теории права и государства : учебник / по общ. ред. В.С. Нерсесянца. — 2-е изд., пересмотр. — М.: Норма : ИНФРА-М, 2010. — 816 с.

261. Проблемы теории права и правореализации: Учебник / Отв. ред. Л.Т. Бакулина. — М.: Статут, 2017. — 384 с.

262. *Прокопович Г.А.* Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве (история, теория, практика). — Изд. 2-е, перераб. и доп. — СПб.: Изд-во юрид. ин-та (Санкт-Петербург), 2010. — 303 с.

263. *Прудников М. Н.* История государства и права зарубежных стран : учебник для бакалавров. —6-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2013. — 811 с.

264. *Пугинский Б.И.* Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. — М.: Юридическая литература, 1984. — 224 с.

265. *Разгильдиева М.Б.* Финансово-правовое принуждение: монография. — Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. — 340 с.

266. *Рарог А.И.* Вина в советском уголовном праве : монография. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. — 186 с.

267. *Рарог А.И.* Общая теория вины в уголовном праве. Учебное пособие. — М.: ВЮЗИ, 1980. — 91 с.

268. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. — М.: Академический Проект, 2008. — 695 с.

269. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. 1 / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. — 2-е изд., стер. — М.: Статут, 2011. — 956 с.

270. *Роулз Дж.* Теория справедливости: Пер. с англ. / Науч. ред. и предисл. В.В. Щелищева. — Изд. 2-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 536 с.

271. *Рукавишникова И.В.* Метод финансового права. Монография / Отв. ред.: Химичева Н.И. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. — 288 с.

272. *Рымарев Д.С.* Вина как необходимое условие конституционно-правовой ответственности участников выборов: монография. — Иркутск: Избирательная комиссия Иркутской области, Иркутский институт законодательства и правовой информации им. М.М. Сперанского, 2017. — 176 с.

273. *Саватье Р.* Теория обязательств. — М.: Прогресс, 1972. — 440 с.

274. *Самощенко И.С.* Понятие правонарушения по советскому законодательству. — М.: Издательство «Юридическая литература», 1963. — 286 с.

275. *Самощенко И.С., Фарукшин М.Х.* Ответственность по советскому законодательству. — М.: «Юридическая литература», 1971. — 240 с.

276. *Сарбаш С.В.* Элементарная догматика обязательств: Учеб. пособие / Исслед. центр частн. права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, Рос. школа частн. права. — М.: Статут, 2016. — 336 с.

277. *Саттарова Н.А.* Принуждение в финансовом праве / Под ред. проф. И.И. Кучерова. — М.: Издательство «Юрлитинформ», 2006. — 392 с.

278. *Саттарова Н.А., Копина А.А.* Актуальные проблемы финансового права: учебник для магистров. — М.: Прометей, 2018. — 318 с.

279. *Серков П.П.* Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография. — М.: Норма, Инфра-М, 2012. — 480 с.

280. *Ситковская О.Д.* Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. — М.: Зерцало, 1999. — 89 с.

281. Служебные преступления: вопросы теории и практики правоприменения: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (17 мая 2018 года, г. Хабаровск). — Хабаровск: Юрист, 2018.

282. Советское финансовое право: Учебник. — М.: Юрид. лит., 1987. — 464 с.

283. *Солдатов А.А.* Проблемы административной ответственности юридических лиц. — Краснодар: КЮИ МВД России, 1999. — 196 с.

284. *Сорокин В. В.* Психологические аспекты права: монография. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. — 352 с.

285. *Сорокин В.Д.* Правовое регулирование: Предмет, метод, процесс (макроуровень). — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. — 661 с.

286. *Столяров А. А.* Философия древности и средневековья. — М.: Греко-латинский кабинет, 1995. — 480 с.

287. *Столяров А.А.* Свобода воли как проблема европейского морального сознания: очерки истории: от Гомера до Лютера. — М.: Греко-латинский кабинет, 1999. — 208 с.

288. Судебная практика в современной правовой системе России: монография / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.В. Габов и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. — М.: ИЗиСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2017. — 432 с.

289. *Сулейменов М.К.* Право как система. — М.: Статут, 2016. — 360 с.

290. *Тарасов И.Т.* Очерк науки финансового права / Финансы и налоги: очерки теории и политики. — М.: Статут, 2004. — 618 с.

291. *Тархов В.А.* Ответственность по советскому гражданскому праву. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1973. — 456 с.

292. Теория государства и права в науке, образовании, практике: монография / Ю.Г. Арзамасов, В.М. Баранов, Н.В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. — М.: ИД Юриспруденция, 2016. — 480 с.

293. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. — М.: Юристъ, 1997. — 672 с.

294. *Тихомиров Ю.А.* Современное публичное право : монографический учебник. — М.: Эксмо, 2008. — 446 с.

295. *Тихонравов Ю.В.* Основы философии права. Учебное пособие. — М.: Вестник, 1997. — 608 с.

296. *Тололаева Н.В.* Признание сделки недействительной и ответственность по договору: разъяснения ВС РФ. — М.: Актион-Медиа М., 2017. — 130 с.

297. *Трубецкой Е.Н.* Лекции по энциклопедии права. — М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1917. — 227 с.

298. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.П. Ревина. — М.: Юстицинформ. 2016. — 580 с.

299. Уголовное право Российской Федерации. Краткий курс : учебник / науч. ред. Е. В. Благов. — М.: Проспект, 2019. — 880 с.

300. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник. Практикум / Под ред. А. С. Михлина. — М.: Юристъ, 2004. — 494 с.

301. Уголовное право. Общая часть: Учебник. 2-е издание перераб. и доп. / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Иногамовой-Хегай, д-ра юрид. наук, проф. А.И. Рарога, д-ра юрид. наук, проф. А.И. Чучаева. — М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008. — 560 с.

302. Управление бюджетными ресурсами и доходами (правовые вопросы) : монография / под общ. ред. С.В. Запольского; Ин-т государства и права РАН. — М.: Прометей, 2017. — 392 с.

303. *Утевский Б.С.* Вина в советском уголовном праве. — М.: Госюриздат, 1950. — 319 с.

304. *Фельдштейн Г.С.* Природа умысла. — М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1898. — 22 с.

305. Философия права: Учебное пособие / Отв. ред.: Н.Н. Черногор, О.Ю. Рыбаков; Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. — М.: Статут, 2018. — 224 с.

306. Финансовое право / под ред. В. В. Бесчеревных, С. Д. Цыпкина. — М.: Юридическая литература, 1967. —

307. Финансовое право : учебник для академического бакалавриата / под общ. ред. С. В. Запольского. 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2015. —575 с.

308. Финансовое право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. М.В. Карасева. — М.: Юристъ, 2004.

309. Финансовое право. Учебник / Под ред. Е.А. Ровинского. — М.: «Юридическая литература», 1971. —392 с.

310. Финансовое право. Учебник / ред. Н. И. Химичева. — М.: Издательство БЕК, 1995. — 525 с.

311. Финансовое право: Учебник / Колл. авторов; под ред. М.В. Карасевой. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Кнорус, 2012. — 607 с.

312. Финансовое право: учебник / отв. ред. и автор пред. С.В. Запольский. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Контракт; Волтерс Клувер, 2011. — СПС КонсультантПлюс.

313. Финансовое право: учебник / под общ. ред. Э.Д. Соколовой; отв. ред. А.Ю. Ильин. — М.: Проспект, 2019. — 592 с.

314. Финансовое право: учебник для бакалавров / Л.Л. Арзуманова, Н.М. Артемов, О.В. Болтинова и др.; отв. ред. Е.Ю. Грачева. — М.: Проспект, 2015. — 648 с.

315. Финансовое право: учебно-методический комплекс / Отв. ред. д. ю. н., проф. Н. И. Химичева. — М.: Норма, 2005. — 464 с.

316. *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. — М., Добрсовет : Городец, 2000. — 464 с.

317. *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. — М.: Юридическая литература, 1974. — 351 с.

318. *Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А.* Общая теория юридической ответственности: Монография. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. — 950 с.

319. *Хвостов А.М.* Вина в советском трудовом праве. — Минск: «Беларусь», 1970. — 120 с.

320. *Химичева Н.И.* Субъекты советского бюджетного права / Под ред.: Манохин В.М. — Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1979. — 222 с.

321. *Ходский Л. В.* Основы государственного хозяйства. Курс финансовой науки. — 4-ое изд., перераб. и доп. — СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, М. Дворянская, 1913. — 580 с.

322. *Хохлов В.А.* Общие положения об обязательствах: Учебное пособие. — М.: Статут, 2015. — 288 с.

323. *Худяков А.И.* Основы теории финансового права. — Алматы: Жеті Жаргы, 1995. — 288 с.

324. *Хужин А.М.* Невиновное поведение в праве: проблемы юридической ответственности и эффективности правоприменения: монография. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 192 с.

325. *Цечоев В.К., Швандерова А.Р.* Теория государства и права: Учебник. — М: Прометей, 2017. — 330 с.

326. *Цыпкин С.Д.* Финансово-правовые институты, их роль в совершенствовании финансовой деятельности Советского государства. — М.: Изд-во МГУ, 1983. — 80 с.

327. *Чельцов-Бебутов М.А.* Преступление и наказание в истории и в советском праве. — Харьков: Юридическое изд-во НКЮ УССР, 1925. — 111 с.

328. *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права: Учебник для вузов. — М.: Юрайт-М, 2001. — 432 с.

329. *Чиркин В.Е.* Юридическое лицо публичного права. — М.: Норма, 2007. — 352 с.

330. *Шварц Х.И.* Значение вины в обязательствах из причинения вреда. — М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. — 64 с.

331. *Шебанов А.Ф.* Форма советского права. — М.: Юрид. лит., 1968. — 216 с.

332. *Шершеневич Г.Ф.* Избранное: В 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. — М.: Статут, 2016. — 496 с.

333. *Штаммлер Р.* Сущность и задачи права и правоведения / Пер. с нем. В.А. Краснокутского. — М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908. — 166 с.

334. *Эеберг К.Т.* Очерк финансовой науки. Пер. под ред. [и с предисл.] А. Свирщевского. — Ярославль: типо-лит. М.Х. Фальк, 1893. — 298 с.

335. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения: 2-е издание. Т. 20. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. — 828 с.

336. Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: Материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся / отв. ред. Н.Г. Доронина. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2013.

337. Юридический конфликт : монография / О.А. Акопян, С.Б. Бальхаева, А.А. Головина [и др.] ; отв. ред. Ю.А. Тихомиров. — М.: ИНФРА-М : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2017. — 312 с.

338. *Юрмашев Р.С.* Понятие налогового правонарушения по российскому финансовому праву / Под ред. докт. юрид. наук, проф. К.С. Бельского. — М.: Издательство «Юрлитинформ», 2006. — 192 с.

339. *Явич Л.С.* Право и социализм. — М.: Юридическая литература, 1982. — 176 с.

340. *Ялбулганов А.А.* Предмет и система финансового права: Монография. — М.: ИППИ, 2015. — 192 с.

341. *Binding K.* Die Normen und ihre Uebertretung. — 2-te auflage. Ersten Band (Normen und Strafgesetze). —Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann, 1890.

342. *Jhering R. von.* Schuldmoment im romischen Privatrecht. — Giessen, 1867.

343. *Klumpp S.* Die Privatstrafe - eine Untersuchung privater Strafzwecke. Duncker & Humblot. — Berlin, 2002.

344. *Koch B.A.* Die Sachhaftung : Beiträge zu einer Neuabgrenzung der sogenannten Gefährdungshaftung im System des Haftungsrechts. — Berlin : Duncker und Humblot, 1992.

345. *Koziol H.* Objektivierung des Fahrlassigkeitsmasstabes im Schadenersatzrecht? Archiv fur die civilistische Praxis (AcP). — 1996. Bd. 196. Heft 6.

Диссертации, авторефераты диссертаций

346. *Арсланбекова А.З.* Финансово-правовые санкции в системе мер юридической ответственности: дис. … д-ра юрид. наук / А.З. Арсланбекова. — Саратов, 2009.

347. *Артюхин Р.Е.* Правовое регулирование отчетной стадии бюджетного процесса : автореф. дис. … канд. юрид. наук. / Р.Е. Артюхин. — М., 2008.

348. *Батыров С.Е.* Финансово-правовая ответственность: дис. ... канд. юрид. наук. / С.Е. Батыров. — М., 2003.

349. *Богданов Д.Е.* Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве: дис. ... д-ра юрид. наук / Д.Е. Богданов. — М., 2015.

350. *Бортников С.П.* Юридическая ответственность в налоговом праве: теория и практика: дис. … д-ра юрид. наук / С.П. Бортников. — М., 2017.

351. *Васильев А.А.* Правовое регулирование государственного бюджетного контроля в Российской Федерации: автореф. … дис. канд. юрид. наук / А.А. Васильев. — М., 2003.

352. *Васянина Е.Л.* Теоретические основы правового регулирования публичных доходов в Российской Федерации: автореф. … дис. д-ра юрид. наук / Е.Л. Васянина — М., 2016.

353. *Виноградов В.А.* Конституционно-правовая ответственность: системное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.А. Виноградов. — М., 2005.

354. *Воронцов О.Г.* Принципы бюджетной системы российской федерации: теоретико-правовые основы реализации: дис. … канд. юрид. наук / О.Г. Воронцов. — М., 2019.

355. *Гейхман О.М.* Бюджетно-правовая ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.М. Гейхман. — М., 2004.

356. *Грызунова Е.В.* Правонарушение и юридическая ответственность в их соотношении: дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Грызунова. — Саратов, 2002.

357. *Демидов М.В.* Парламентский финансовый контроль в России правовые аспекты функционирования и проблемы реализации: автореф. дис. …д-ра юрид. наук / М.В. Демидов. — М., 2011.

358. *Демин С.Г.* Пределы уголовной ответственности юридических лиц в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.Г. Демин. — Краснодар, 2014.

359. *Древаль Л.Н.* Субъекты российского финансового права: теоретико-правовое исследование: автореф. … дис. д-ра юрид. наук / Л.Н. Древаль. — М., 2009.

360. *Емельянов А.*С. Реализация охранительной функции финансового права: автореф. … дис. д-ра юрид. наук / А.С. Емельянов. — М., 2005.

361. *Емельянова Е.С.* Ответственность за нарушение бюджетного законодательства : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е.С. Емельянова. — М., 2005.

362. *Колосова Н.М.* Теория конституционной ответственности: природа, особенности, структура: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н.М. Колосова — М., 2006.

363. *Комоско А.А.* Уголовная ответственность юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук / Комоско А.А. — М., 2007.

364. *Конюхова Т.В.* Система институтов бюджетного права Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Т.В. Конюхова — М., 2012.

365. *Короткова Е.В.* Социально-психологический анализ вины и стыда как системы отношений личности к себе и другому: автореф. дис. …канд. психол. наук / Е.В. Короткова. — Ростов-на-Дону, 2002.

366. *Кучеров С.В.* Правовые средств предупреждения нарушений бюджетного законодательства Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук / С.В. Кучеров. — М., 2011.

367. *Лагутин И.Б.* Системность бюджетного контроля и бюджетного аудита в Российской Федерации: финансово-правовое регулирование: дис. … д-ра юрид. наук / И.Б. Лагутин. — М., 2014.

368. *Ливадная Ю.А.* Конституционный деликт: понятие, состав, нормативное регулирование (сравнительно-правовое исследование): дис. … канд. юрид. наук /

Ю.А. Ливадная. — М., 2022.

369. *Макарова Н.С.* Бюджетная ответственность: понятие, основания и особенности реализации: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Н.С. Макарова. — М., 2004.

370. *Матненко А.С.* Правовое регулирование программно-целевого метода бюджетной деятельности: автореф. дис. …д-ра юрид. наук / А.С. Матненко. — Омск, 2009.

371. *Мильков А.В.* Правовое регулирование защиты гражданских прав и правовых интересов: дис. ... д-ра юрид. наук / А.В. Мильков. — М., 2015.

372. *Миненкова В.Ю.* Проблемы применения бюджетного законодательства: автореф. … дис. канд. юрид. наук / В.Ю. Миненкова. — СПб, 2006.

373. *Мусаткина А.А.* Финансовая ответственность в системе юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Мусаткина. – Казань, 2004.

374. *Палозян О.А.* Финансово-правовое регулирование бюджетных расходов: дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Полозян. – М., 2017.

375. *Поветкина Н.А.* Российская Федерация как субъект бюджетного права: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Н.А. Поветкина. — М., 2004.

376. *Поветкина Н.А.* Финансовая устойчивость Российской Федерации: правовая доктрина и практика обеспечения: дис. ... д-ра юрид. наук / Н.А. Поветкина. — М., 2006.

377. *Полосин С.А.* Ответственность за нецелевое использование бюджетных средств в системе мер финансово-правового принуждения: дис. … канд. юрид. наук / С.А. Полосин. — М., 2018.

378. *Полякова С.А.* Финансово-правовая ответственность за нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Полякова. — М., 2015.

379. *Пятковская Ю.В.* Правовое регулирование расходов бюджета субъекта Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук / Ю.В. Пятковская. — М., 2017.

380. *Разгильдиева М.Б.* Теория финансово-правового принуждения и сферы его применения : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / М.Б. Разгильдиева. — Саратов, 2011.

381. *Репецкий В.Н.* Бюджетная дисциплина и ее финансово-правовое обеспечение: дис. ... канд. юрид. наук / В.Н. Репецкий. — М., 1984.

382. *Розанов И.И.* Финансово-правовые средства обеспечения государственной финансовой дисциплины: автореф. дис. … канд. юрид. наук / И.И. Розанов. — Саратов, 1971.

383. *Руденко А.А.* Финансово-правовой статус главных и иных распорядителей средств федерального бюджета как участников бюджетного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Руденко. — Саратов, 2008.

384. *Сапун В.А.* Теория правовых средств и механизм реализации права: дис. ... д-ра юрид. наук / В.А. Сапун. — Нижний Новгород, 2002.

385. *Саттарова Н.А.* Принуждение в финансовом праве : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / Н.А. Саттарова. — М., 2006.

386. *Сергеев А.Л.* Конституционная ответственность федеральных органов государственной власти Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Л. Сергеев. — М., 2006.

387. *Сердюкова Н.В.* Финансово-правовая ответственность по российскому законодательству: становление и развитие: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Сердюкова. — Томск, 2003.

388. *Старовикова И.Д.* Административная ответственность за правонарушения в области финансов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.Д. Старовикова. — Омск, 2008.

389. *Трубин В.Ю.* Нецелевое использование бюджетных средств как основание ответственности за нарушение бюджетного законодательства (финансово-правовой аспект): автореф. дис. … канд. юрид. наук / В.Ю. Трубин. — Саратов, 2011.

390. *Хачатрян Н.Р.* Финансовый контроль, осуществляемый федеральными органами исполнительной власти (административно-правовые проблемы его реализации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.Р. Хачатрян. — М., 2010.

391. *Хребтова Т.П.* Органы внутренних дел как субъекты финансового права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.П. Хребтова. — М., 2009.

392. *Цельникер Г.Ф.* Вина в российском праве (общетеоретический и исторический аспекты) : дис. … канд. юрид. наук / Г.Ф. Цельникер. — Нижний Новгород, 2004.

393. *Шагиева Р.В.* Концепция правовой деятельности в современном обществе: автореф. … дис. д-ра юрид. наук / Р.В. Шагиева. — М., 2006.

394. *Шевелева Н.А.* Бюджетная система России : проблемы правового регулирования в период интенсивных реформ: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук / Н.А. Шевелева. — СПб., 2005.

395. *Щекин Д.М.* Юридические презумпции в налоговом праве: дис. ... канд. юрид. наук / Д.М. Щекин. — М., 2001.

396. *Юрчак Е.В.* Вина как общеправовой институт : дис. … канд. юрид. наук / Е.В. Юрчак. — М., 2015.

Статьи, опубликованные в периодических изданиях

397. *Авдонин В.С., Ильин М.В.* Четыре «Вины» Аристотеля и попытки их схоластического «Искупления» // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. — 2015. — № 5. — С. 429-441.

398. *Агапов А.Б.* Корреляция публичных и цивилистических форм вины // Административное и муниципальное право. — 2016. — № 9. — С. 791-798.

399. *Алексеев С.С.* Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. — 1987. — № 6.

400. *Алексеева Е.С.* Проблемы реализации ответственности за нарушение бюджетного законодательства // Lex russica. — 2017. — № 11. — С. 58-66.

401. *Арбузов С.С., Кубанцев С.П.* О перспективе введения в России института уголовной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. — 2012. — № 10.

402. *Артюхин Р.Е.* Автоматизация контроля - история сегодняшнего дня // Финконтроль. — 2020. — № 4 (22). — С. 4-9.

403. *Артюхин Р.Е.* Национальные проекты - качественно новый уровень ответственности государства // Государственная служба. — 2020. — №1 (123). — С. 70-72.

404. *Архипенко Т.В., Макаров А.В.* Соотношение административной и бюджетной ответственности // Финансовое право. — 2004. — № 4. — С. 28-31.

405. *Байбак В.В.* Общие условия ответственности за нарушение обязательств в ст. 401 ГК РФ: старые правила в новом контексте // Закон. — 2016. — № 10. — С. 132-143.

406. *Биктагиров Р.Т.* Субъект права как опорная категория юриспруденции // Гражданин. Выборы. Власть. — 2018. — № 2.

407. *Болтинова О.В.* К вопросу о предмете бюджетного права Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. — 2014. — № 1.

408. *Бытко Ю.И.* Понятие и содержание вины юридических лиц в уголовном праве // Современное право. — 2018. — № 6. — С. 102-108.

409. *Васянина Е.Л.* Применение мер правового принуждения за нарушение финансового законодательства: проблемы теории и практики // 2023. — Т. 7. — № 2. — С. 53-62.

410. *Васянина Е.Л.* Проблемы реализации механизма бюджетного финансирования // Финансовое право. — 2021. — № 4. — С. 26-29.

411. *Власенко Н.А.* Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. — 2013. — № 2. — С. 32-44.

412. *Власов И.С.* О введении в России института уголовной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. — 2015. — № 11.

413. *Гладких В.И.* Приглашение к дискуссии: все ли нас устраивает в современных формах вины и практике их применения? // Российский следователь. — 2016. — № 3. — С. 27-33.

414. *Горлова Е.Н.* Парапубличные организации как субъекты финансового права // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — № 11. — С. 114-121.

415. *Гришина Е.С.* Философия вины: к вопросу классификации // Вологодинские чтения. — 2006. — № 60. — С. 59-67.

416. *Гутников О.В.* Развитие корпоративной ответственности в судебной практике // Журнал российского права. — 2021. — № 6. — С. 48-65.

417. *Двуреченских В.А.* Взаимосвязь внешнего и внутреннего контроля // Финконтроль. — 2015. — №. 2. — С. 16-19.

418. *Двуреченских В.А.* Исключить формальные полномочия и усилить аналитическую функцию // Финконтроль. — 2019. — май. — С. 54-58.

419. *Дикарев И.С.* Признание обвиняемым себя виновным в совершении преступления // Российская юстиция. — 2018. — № 4.

420. *Додонов В.* Ответственность юридических лиц в современном уголовном праве // Законность. — 2006. — № 4. — С. 56-59.

421. *Дорогин Д.А.* Разновидности юридической ошибки, исключающей уголовную ответственность // Lex russica. — 2019. — № 8. — С. 74-85.

422. *Дугин А.Т.* Проблема умышленной вины в Уголовном кодексе РФ // Российский следователь. — 2009. — № 19. — С. 11-13.

423. *Епифанова Е.В., Недилько Ю.В.* Принцип объективного вменения в отечественном уголовном праве: эволюция толкования // Пробелы в российском законодательстве. — 2017. — № 2. — С. 59-62.

424. *Есаков Г.А.* Комплаенс и предотвращение рисков уголовной и административной ответственности // Закон. — 2021. — № 5. — С. 74-81.

425. *Забровская Л.В.* Конституционно-правовая ответственность в ретроспективном формате // Закон и право. — 2003. — № 3.

426. *Запольский С.В., Васянина Е.Л.* Промышленные субсидии - публично-правовой инструмент управления // Право и экономика. – 2020. — № 10. — С. 22-31.

427. *Ибрагимов Р.Г.* Презумпция виновности в совершении бюджетного правонарушения: теоретический аспект // Финансовое право. — 2020. — № 6. — С. 37-41.

428. *Ибрагимов Р.Г.* Меры принуждения в системе правовых средств обеспечения бюджетной дисциплины // Финансовое право. — 2021. — № 6. — С. 43-47.

429. *Ибрагимов Р.Г.* Субъекты бюджетного права в контексте реформирования бюджетного законодательства // Финансовое право. — 2022. — № 8. — С. 40-45.

430. *Ибрагимов Р.Г.* Бюджетно-правовая ответственность в контексте расширения круга субъектов бюджетного права // Финансовое право. — 2022. — № 11. — С. 41-45.

431. *Иванов А.А.* Налоговые нарушения: между умыслом и случайностью // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2018. — № 4. — С. 137-144.

432. *Иоффе О.С.* Вина и ответственность по советскому праву // Сов. государство и право. — 1972. — № 9.

433. *Казакова В.А., Иншаков С.М.* Тенденции введения уголовной ответственности юридических лиц в России // Безопасность бизнеса. — 2019. — № 5. — С. 32-37.

434. *Карасева (Сенцова) М.В.* Финансовое право - идентификация предмета // Финансовое право. — 2022. — № 8. — С. 2-6.

435. *Карасева М.В.* Презумпции и фикции в части первой Налогового кодекса РФ // Журнал российского права. — 2002. — № 9. — С. 71-81.

436. *Кисин В.Р., Хадисов Г.Х.* Объективное вменение в законодательстве об административных правонарушениях // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2020. — № 11. — С. 11-17.

437. *Козырин А.Н.* Понятие, сущность, функции и принципы финансового права // Публично-правовые исследования: электрон. журн. — 2016. — № 4. — С. 83-106.

438. *Кожокарь И.П.* Эффективность права в категориальном аппарате теории права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2020. — № 2. — С. 196-225.

439. *Кузнецова Н.Ф.* Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 1993. — № 4.

440. *Курылев С.В.* Санкция как элемент правовой нормы // Советское государство и право. — 1964. — № 8.

441. *Кустова М.В., Шевелева Н.А.* Коммерческая организация –- получатель бюджетной субсидии может защищать свое имущественное право на получение денежных средств // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2019. — № 4. — С. 4-9.

442. *Леднева Ю.В.* Субъекты бюджетного права: трансформация правового статуса на современном этапе развития общества и государства // Финансовое право. — 2021. — № 4. — С. 30-34.

443. *Леднева Ю.В.* Юридические лица как субъекты бюджетного права: проблемы правовой идентификации // Актуальные проблемы российского права. —– 2018. — № 8.

444. *Липинский А.Д.* О системе права и видах юридической ответственности // Правоведение. — 2003. — № 2. — С. 27-37.

445. *Майоров В.И., Данилова Н.В., Геймур О.Г., Краснова Т.В.* Формирование новых видов ответственности в российском праве // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 428. — С. 216–229.

446. *Малиновская В.М.* Налоговые правонарушения и налоговая ответственность // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2015. — № 8. — С. 3-14.

447. *Малько А.В.* Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. — 2018. — № 12.

448. *Мещерякова С.Н.* Актуальные вопросы финансово-правовой теории: правовые санкции // Российская юстиция. — 2016. — № 3. — С. 11-13.

449. *Миронова С.М.* Принцип участия граждан в бюджетном процессе как принцип бюджетной системы Российской Федерации: понятие и правовое закрепление // Финансовое право. — 2022. — № 6. — С. 20-25.

450. *Мирошник С.В.* Бюджетно-правовая ответственность: проблемы правового регулирования // Пробелы в российском законодательстве. — 2018. — № 5.

451. *Мирошник С.В.* К вопросу о субъектах финансового права // Проблемы экономики и юридической практики. — 2012. — № 2.

452. *Мошкова Д.М.* К вопросу о субъектах финансового права // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 11.

453. *Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я.* Механизм оценки антикоррупционных стандартов ГРЕКО // Журнал российского права. — 2011. — № 9.

454. *Овсепян Ж.И.* Критерии конституционной ответственности // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2001. — № 4.

455. *Омелехина Н.В.* Бюджетно-правовые средства: правовая идентификация и эффективность воздействия. Часть 1. Общая характеристика и отличительные особенности // Финансовое право. — 2019. — № 8. — С. 12-15.

456. *Омелехина Н.В.* Бюджетно-правовые средства: правовая идентификация и эффективность воздействия. Часть 2. Элементарные (первичные) правовые средства // Финансовое право. — 2019. — № 10. — С. 8-12.

457. *Пауль А.Г.* Бюджетный кодекс Российской Федерации: современные ориентиры предмета регулирования // Финансовое право. — 2019. — № 2. — С. 19-23.

458. Пауль А.Г. К вопросу о субъектах бюджетного права // Финансовое право. — 2013. — № 6. — С. 14-18.

459. *Пашенцев Д.А., Ситдикова Л.Б.* Правовые средства реализации национальных целей Российской Федерации (теоретико-правовой аспект) // Российская юстиция. — 2019. — № 8. — С. 2-4.

460. *Пешкова Х.В.* Концепция правового статуса субъектов бюджетного устройства // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. — 2010. — № 4.

461. *Пилипенко А.А.* Налогово-правовая презумпция: вопросы научного понимания // Налоги. — 2017. — № 1. — С. 29-32.

462. *Поветкина Н.А.* Бюджетное законодательство Российской Федерации: перспективы развития // Финансовое право. — 2015. — № 9. — С. 3-6.

463. *Поветкина Н.А.* Бюджетно-правовые инструменты повышения эффективности государственного управления // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 4. — С. 240-245.

464. Поветкина Н.А. Категория «добросовестность» в бюджетном праве: постановка проблемы // Финансовое право. — 2022. — № 12. — С. 7-9.

465. *Поветкина Н.А.* Правовой эксперимент как новая тенденция развития бюджетного права // Финансовое право. — 2020. — № 9. — С. 21-24.

466. *Поветкина Н.А.* Принципы правового обеспечения финансовой устойчивости Российской Федерации: теоретические подходы и классификация // Журнал российского права. — 2017. — № 5. — С. 64-80.

467. *Поветкина Н.А.* Современная концепция субъектов бюджетного права // Финансовое право. — 2004. — № 1. — С. 33-37.

468. *Поветкина Н.А.* Трансформация бюджетного законодательства: причины, формы, перспективы // Финансовое право. — 2021. — №. 12. — С. 20-23.

469. *Поветкина Н.А.* Эффективность расходования бюджетных средств: проблемы правовой квалификации // Финансовое право. — 2015. — № 3. — С. 16-22.

470. *Поветкина Н.А., Леднева Ю.В.* Бюджетные субсидии: конфликт публичного и частного // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — Т. 16. — № 1. — С. 46-69.

471. *Попондопуло В.Ф.* Правопонимание: критический обзор основных концепций // Российский юридический журнал. — 2020. — № 3. — С. 15-29.

472. *Попугаев Ю.И.* Основные концептуальные положения по разработке Общей и Особенной частей нового Кодекса Российской Федерации

об административных правонарушениях // Административное право и процесс. — 2019. — № 6. — С. 19-24.

473. *Россинский Б.В.* Некоторые проблемы и перспективы развития административной ответственности // Административное право и процесс. — 2017. — № 6. — С. 38-42.

474. *Россинский Б.В.* Почему в Российской Федерации утвердился институт административной ответственности юридических лиц и пришло ли время его ликвидировать? // Административное право и процесс. — 2018. — № 1. — С. 5-13.

475. *Россинский Б.В.* Развитие представлений о предмете административного права // Административное право и процесс. — 2021. — № 5. — С. 6-13.

476. *Саттарова Н.А.* Принцип участия граждан в бюджетном процессе // Финансовое право. — 2022. — № 6. — С. 26-29.

477. *Саттарова Н.А.* Проблемы реализации и уровни финансово-правовой политики // Финансовое право. —— 2018. — № 5. — С. 8-12.

478. *Смоляков П.Н.* Общие сравнительные аспекты вины в УК России и КоАП России // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 8. — С. 78-81.

479. *Ступаченко Е.В.* О некоторых вопросах законодательного противодействия нецелевому использованию бюджетных средств // Финансовое право. — 2019. — № 1. — С. 31-34.

480. *Телегин А.С.* Административная ответственность юридических лиц: некоторые вопросы применения // Вестник Прикамского социального института. — 2018. — № 2.

481. *Телегин А.С.* К вопросу о юридической природе административного правонарушения // Административное право и процесс. — 2020. — № 4. — С. 19-23.

482. *Трофимова Г.А.* Понятие конституционного правонарушения // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 10. — С. 3-9.

483. *Филимонов В.Д.* Проблема степени вины в уголовном праве // Уголовное право. —— 2017. — № 3. —— С. 92-99.

484. *Халфина Р.О.* К вопросу о предмете и системе советского финансового права // Вопросы советского административного и финансового права. — М.: Изд-во АН СССР, 1952. — С. 182-214.

485. *Хаменушко И.В.* Дискуссионные вопросы умножения видов юридической ответственности // Финансовое право. — 2010. — № 2.

486. *Химичева Н.И.* Предмет бюджетного права // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2017. — № 8.

487. *Чебуренков А.А., Штанов С.В.* Проблемы определения в юридической науке пределов действия презумпции невиновности // Российский судья. — 2016. — № 11. — С. 31-36.

488. *Шаргородский М.Д.* Детерминизм и ответственность // Правоведение. — 1965. — № 1.

489. *Шевелева Н.А.* Конституционно-правовая защита участников бюджетных отношений в Российской Федерации // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2018. — № 2. — С 32-44.

490. *Шевченко Г.Н.* Вина как условие гражданско-правовой ответственности в российском гражданском праве // Современное право. — 2017. — № 3. — С. 67-74.

491. *Шестало С.С.* Административное правонарушение: понятие, признаки, состав // СПС КонсультантПлюс. 2022.

492. *Ширяев А.Ю.* Косвенный умысел: правовая оценка и доказывание // Законность. — 2016. — № 12. — С. 42-45.

493. *Шон Д.Т.* Конституционная ответственность // Государство и право. — 1995. — № 7.

494. *Щедрин Н., Востоков А.* Уголовная ответственность юридических лиц или иные меры уголовно-правового характера в отношении организаций // Уголовное право. — 2009. — № 1. — С. 60-61.

495. *Яковлев В.Ф., Талапина Э.В.* Юридические лица и субъекты публичного права: в поисках правового баланса // Журнал российского права. — 2016. — № 8.

496. *Яковлева Э.Г.* Доказательственные презумпции в гражданском

судопроизводстве // Администратор суда. — 2011. — № 2. — С. 31-32.

497. *Ялбулганов А.А.* Учение о бюджете в доктрине российского финансового права // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2019. — № 1. —– С. 71-88.

498. *Epstein R.A.* A Theory of Strict Liability // 2 Journal of Legal Studies. — 1973. — № 151.

499. *Hirsch A. von.* Censure and Sanctions // Oxford University Press UK. — 1996. — pp. xviii + 111.

500. *Shearing C., Johnston L.* Justice in the Risk Society // Australian and New Zealand Journal of Criminology. —2005. — № 38. — P. 25-38.

Словари

501. Большая Советская Энциклопедия: в 50 т. Т. 8 / гл. ред. Б.А. Введенский. — 2-е изд. — М.: Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия», 1951.

502. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. Т. 1. (А – З). — М.: О-во любителей рос. словесности, учр. при Императорском Московском ун-те, 1863-1866.

503. Латинские юридические изречения / Сост. Е.И. Темнов. — М.: Право и закон; Экзамен, 2003. — 384 с.

504. Новая философская энциклопедия. В 4 томах. Т. 3 (Н – С). — М.: Мысль, 2010.

505. Новый энциклопедический словарь / Под общ. ред. акад. К.К. Арсеньева. Т. 10 (Вёльнер – Власть дисциплинарная). — СПб.: Типография Акционерного общества «Брокгаузъ- Ефронъ», 1912.

506. Толковый словарь русского языка под ред. проф. Д.Н. Ушакова. В 4 томах. Т. 1 (А – Кюрины). — М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935.

507. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 томах. Т. 1 (А – Д) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и предисл. Б.А. Ларина. — 2-е изд., стереотип. — М.: «Прогресс», 1986.

508. Энциклопедический словарь / Начат под общ. ред. И.Е. Андреевского, прод. под общ. ред. К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского. Т. 6 (Венцано – Винона). — СПб: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1894.

509. Юридический словарь. / Гл. ред. С.Н. Братусь и др.. — М.: Госюриздат, 1953. — 781 с.

510. Fortescue A. «Confiteor» // Catholic Encyclopedia, vol. 4. New York: Robert Appleton, 1908.

Интернет-источники

511. Официальный сайт Европейской организации высших органов финансового контроля (EUROSAI). — Режим доступа: https://www.eurosai.org/.

512. Официальный сайт Казначейства России. — Режим доступа: https://roskazna.gov.ru/.

513. Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации. — Режим доступа: https://ach.gov.ru/.

514. Официальный сайт Контрольно-счетной палаты Москвы. — Режим доступа: https://www.ksp.mos.ru/.

515. Система обеспечения законодательной деятельности. — Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/.